

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

ИЮНЬ 2011

СИВАН 5771

№ 6(230)

ЛЕХАИМ 6230

*Ежемесячный литературно-публицистический журнал
выходит с 1991 года*

Главный редактор

Борух Горин

Административный директор

Яков Ратнер

Ответственный секретарь

Елена Калло

Художественный редактор

Евгения Черненкова

Выпускающие редакторы

Лариса Беспалова

Ишайя Гиссер

Елена Дворецкая

Галина Зеленина

Александр Иличевский

Афанасий Мамедов

Йеуда Рабейко

Михаил Эдельштейн

Помощник художественного редактора

Дмитрий Кобринский

Корректор

Виктория Рябцева

Авторы макета

Андрей Бондаренко

Дмитрий Черногаев

Художники

Павел Шевелев (с. 30)

Дмитрий Шинбин (с. 56, 59, 61, 63)

Александр Горнов (с. 65, 66)

Дмитрий Шевионков-Кисмелов (приложение)

Фотографы

Вадим Бродский (с. 1, 49, 52, 107)

Bill Aron (с. 4)

Александр Иличевский (с. 37)

Из архива Аарона Аппельфельда (с. 43)

Jill Krementz (с. 72)

Melanie Einzig (с. 79)

Анатолий Горяинов (с. 90)

Алексей Мокроусов (с. 96–98)

Фото предоставлены агентствами

PhotoXPress (с. 50)

Фото ИТАР-ТАСС (с. 54)

Fotobank (с. 80, 108)

РИА «Новости» (с. 105)

Fotolink (с. 110)

На обложке

Рисунок Павла Шевелева

Подписано в печать 17.05.11.

Формат 60×90/8. Тираж 30 000 экз.

Объем 16 печ. л. Цена договорная

ISSN 0869-5792

Журнал «Лехаим» зарегистрирован

в Комитете РФ по печати, регистрационный номер 01126 от 22.05.92

© «Лехаим», 2011

Адрес редакции: 127018, Москва,

2-й Вышеславцев пер., 5а.

Тел. (495) 710-88-03

E-mail: lechaim (@) lechaim.ru

Internet: <http://www.lechaim.ru/>

За содержание рекламных материалов и кошерность рекламируемых продуктов редакция ответственности не несет.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

Сайт: <http://www.оаомпк.ru>, <http://www.оаомпк.рф>

Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Дело Ивана Демьянюка, несомненно, стоит в одном ряду с делом Эйхмана, и, может быть, даже с Нюрнбергским процессом. Нет, кем бы ни был на самом деле разваливающийся украинец, ему, конечно, далеко до бонз СС, но суд над ним важен необыкновенно.

Итак, что мы знаем о Демьянюке точно? Военнопленный красноармеец. Один из пяти миллионов, попавших в плен. Не ставший одним из почти четырех миллионов, в плену погибших, одним из полумиллиона, бежавших или освобожденных из плена Советской армией. Выбравший жизнь ценой предательства. В 1952 году попал в США, в 1958-м стал американским гражданином. В 1977-м Минюст США начинает расследование данных о пособничестве Демьянюка нацистам, в 1986-м его экстрадируют в Израиль по официальному требованию еврейского государства. В 1988-м израильский суд признает доказанным, что Демьянюк идентифицирован как надзиратель в Треблинке, которого называли Иваном Грозным, который лично участвовал в уничтожении узников в газовых камерах. Демьянюк приговаривается к смертной казни через повешение, однако в 1993 году Верховный суд Израиля отменяет этот вердикт за отсутствием доказательств. Суд признает, что Демьянюк не является «Иваном Грозным», так как к тому времени палача Треблинки идентифицируют в Иване Марченко. А вот тому, что Демьянюк и есть Марченко, израильский Верховный суд доказательств не нашел. Замечательна цитата из постановления суда: «Иван Демьянюк оправдан нами в связи с сомнениями в виновности за страшные преступления, приписываемые Ивану Грозному Треблинки. Только этим и могли руководствоваться судьи, которые имеют право полагаться не на сердце и разум, а только на то, что глаза их видят и читают... Дело закрыто, но не закончено, окончательная истина не есть прерогатива человеческого суда». В 1993 году Демьянюк возвращается в США, но после долгих разбирательств, в 2005 году, Минюст США добивается решения о его депортации в любую из «трех стран исхода» — Германию, откуда он приехал в США, Украину, где он родился, или в Польшу, на территории которой служил в концлагерях. На Украину Демьянюк почему-то очень не хотел, а в 2008 году немцы потребовали его выдать им, что в 2009-м и было сделано. В ноябре 2009 года в Мюнхене начался суд, которому к маю 2010 года удалось выяснить несомненно, что подсудимый являлся надзирателем в Собиборе, являясь тем самым пособником уничтожения 27 900 евреев в этом лагере смерти. Таким образом, и мюнхенский суд не смог достоверно убедиться в личном участии Демьянюка в убийствах.

Я целенаправленно столь подробно излагаю хронографию и юридическую суть затянувшегося дела, поскольку считаю крайне важным сделать из этого выводы.

Демьянюк отсидел 8 лет в израильской тюрьме и полтора года в немецкой. Сейчас он приговорен к 5 годам тюремного заключения за доказанное пособничество нацистам. До апелляции он отпущен на свободу.

Дело Демьянюка для меня — это не столько история ничтожного предателя, каковых, увы, были сотни тысяч. Это история о правосудии, об израильском правосудии, которое добилось полной дистилляции самого понятия правосудия — «окончательная истина не есть прерогатива человеческого суда».

А Демьянюка, под которым уже 40 лет земля горит, пусть покарает высший суд. Как говорится у евреев, да согрется имя его.

Аїдoo Аїдеї

ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2011 СИВАН 5771 – 6(230)

ПИСЬМА О ВОСПИТАНИИ

מִן הַאֲמֵרֹת אֵלֶיךָ יְהוָה לְעִמּוֹד

29 סָאָרְאָ, 5717

<...> Мне было приятно получить твое письмо, в котором ты написал, что 22 швата отпраздновал свою бар мицву. Я уверен, что твой учитель <...> объяснил всю важность и значимость возраста бар мицва — с этого дня ты стал полноправным евреем и обязан исполнять все заповеди в полном объеме.

Поскольку ты написал, что в ближайшую субботу будешь читать в синагоге весь недельный раздел Трума[1], в процессе подготовки ты, несомненно, многократно повторял слова: «И построят мне святилище, и Я буду обитать среди них»[2]. Комментируя эти слова, мудрецы говорят, что «среди них» означает, что Всевышний желает поселиться в душе каждого еврея. Иными словами, каждый еврей является Святилищем. Так же как Храм был чист и свят, так и каждый еврей должен быть чист и свят, чтобы Творец нашел его сердце достойным служить Ему жилищем. Как ты знаешь, для того, чтобы еврей стал «святилищем» для Всевышнего, он должен следовать путем нашей святой Торы и соблюдать ее святые заповеди. Это не слишком трудно, если у человека есть желание и решимость, а Творец, в свою очередь, облегчает нам эту задачу, давая преуспеть в каждом начинании.

Ребята с твоей улицы, о которых ты написал, совершенно не правы, когда говорят тебе, что в общеобразовательной школе ты мог бы получить лучшее образование. Лучшее образование еврейский мальчик может получить только в ешиве, поскольку она поможет ему стать «святилищем» для Всевышнего, научив его Торе и заповедям. И это гарантирует ему подлинное счастье. <...>

24 יֵאֱמָרוּ אֵלַי, 5723

<...> Вы просили меня высказать свое мнение по поводу внеконфессиональной молитвы[3], ставшей предметом жарких дискуссий после того, как Верховный суд США хотя и не единогласно, но

большинством голосов признал ее неконституционной. Я повторю свою точку зрения в этом письме, хотя несколько месяцев назад объяснил ее публично.

Для начала хотел бы уточнить, что мое мнение учитывает следующие аспекты этой проблемы.

1. Речь идет именно о внеконфессиональной молитве, которая звучит так: «Всемогущий, мы признаем, что зависим от Тебя, и просим благословить нас, наших родителей, учителей и нашу страну».

2. Ученики произносят эту молитву хором, вместе с учителем.

Я подхожу к этой проблеме с точки зрения нашей Торы (глубоко убежден, что именно эта позиция соответствует интересам США в наибольшей степени).

Важно помнить, что этот вопрос касается значительного числа учащихся государственных школ, не получающих никакого религиозного образования ни утром, ни во второй половине дня, многие из них не посещают даже воскресных школ. Об их количестве можно судить, если мы вычтем число учеников, посещающих религиозные занятия во второй половине дня и/или воскресные школы (в обоих случаях речь идет о минимальном объеме преподавания), из числа учеников государственных общеобразовательных школ. Если это будет сделано, мы поймем, как много детей не получают никакого религиозного образования.

С точки зрения Торы и «Шульхан арух», следует учитывать следующие соображения.

1. Молитва — это заповедь, данная Б-гом.

По мнению всех законоучителей, существует заповедь ежедневно молиться Творцу[4]. Разумеется, текст еврейских молитв давно установлен, однако, согласно закону, при некоторых условиях (например, если речь идет об угрозе жизни, каких-либо серьезных помехах и т. д.) можно произнести короткую молитву и этого будет достаточно для исполнения заповеди. Соответственно, с точки зрения еврейского законодательства подобная молитва является допустимой, поскольку содержит два основных элемента: признание Всевышнего и обращение к Нему с просьбой.

2. Принятие «ярма власти Небес».

Признание власти Всевышнего, подчинение ей — также из тех требований Торы, которые следует исполнять ежедневно. Это основная цель ежедневного чтения молитвы «Шма Израэль...». И хотя необходимо произнести слова «Шма», чтобы выполнить эту заповедь в полной мере, идею принятия «ярма власти Небес» можно выразить в любой подходящей форме.

Поэтому еврейские дети, которые не читают «Шма» каждый день, могут исполнить заповедь принятия «ярма власти Небес», произнеся внеконфессиональную молитву.

3. Есть заповеди, которые еврей обязан исполнять не только ежедневно, но постоянно, например, верить в Б-га, любить Его и трепетать перед Ним (эти заповеди перечислены и подробно объяснены в предисловии к «Сефер а-Хинух»[5]).

К сожалению, множество еврейских и нееврейских учеников общеобразовательных школ, равно как и их родители, могут в течение многих дней и даже месяцев не задуматься о Творце, не говоря уже о любви к Нему или трепете перед Ним. Повсеместное отсутствие интереса к религии и религиозному образованию у родителей учеников общеобразовательных школ проявляется в том, что их дети, как мы уже сказали, не получают никакого религиозного образования. Некоторые родители оправдывают пренебрежение религиозным образованием финансовыми трудностями, однако это объяснение опровергается всем их образом жизни, когда гораздо менее важные вещи оказываются приоритетными.

Соответственно, внеконфессиональная молитва, декларирующая признание Всевышнего и то, что благополучие страны, а также родителей, детей и учителей зависит от Его благословения, будет для многих детей единственной возможностью ежедневного «личного контакта» с Б-гом.

4. В некоторых кругах можно услышать предположение, что запрет подобной молитвы будет, так или иначе, компенсирован усилением домашнего религиозного образования. С учетом упомянутого выше отношения родителей к религии это маловероятно. Так что единственным неизбежным следствием объявления такой молитвы вне закона будет то, что тысячи детей вообще лишатся возможности поминать Всевышнего ежедневно.

5. Что касается утверждений, что подобная внеконфессиональная молитва обладает небольшой религиозной ценностью, поскольку она быстро станет механическим повторением и никак не повлияет на душу произносящего ее ребенка, — то же самое, причем с куда большим основанием, можно сказать и о взрослых, а также о ежедневной молитве в любом другом месте. Для многих людей посещение Дома молитвы, к сожалению, не является проявлением глубокого религиозного чувства и носит скорее социальный характер.

Как известно, дети обычно искреннее и восприимчивее взрослых. Кроме того, многое зависит от учителя — если он сможет наполнить молитву личным чувством, то произнесение ее не превратится в механическую скороговорку.

6. Освящение и осквернение Имени (кидуш а-Шем и хилуль а-Шем).

Оправданно или нет, однако значительная часть американцев, а также множество людей во всем мире рассматривают попытку запретить короткую внеконфессиональную молитву как попытку изгнать религию и даже само имя Всевышнего из государственного школьного образования. И тем самым изгнать Его также из личной жизни большинства американских детей (поскольку их личность, характер и мировоззрение в значительной степени формируются именно в школе).

За исключением незначительного числа последовательных секуляристов и атеистов, практически нет таких родителей, которых бы искренне возмущало наличие подобной молитвы. Соответственно, лишь эти категории людей убежденно выступают против молитвы, равно как и любых иных упоминаний Творца. Поэтому все те, кто против нее возражают, автоматически оказываются в одном лагере с секуляристами в глазах окружающих. А это, несомненно, колоссальное «осквернение Имени», удар по репутации еврейского народа в глазах верующих неевреев.

7. Еще одно важное соображение — ответственность, которую иудаизм возлагает на своих последователей за распространение веры в Творца среди неевреев. Вне всякого сомнения, нам запрещено ослаблять в них эту веру каким-либо образом — это будет нарушением запрета Торы: «Перед слепым не клади преграды»^[6].

8. С точки зрения еврейского закона совершенно очевидно, что каждый живущий по Торе еврей должен использовать все легальные конституционные средства, чтобы решение большинства Верховного суда о внеконфессиональной молитве было отменено.

9. Удивительно, но многие считают, что, поскольку Верховный суд является высшей судебной властью страны, его решение является окончательным и ничего нельзя с этим поделать.

Разумеется, это не так, поскольку конституция предусматривает возможность принимать и аннулировать законы и даже вносить поправки в саму конституцию. Поэтому, если общественное мнение этого потребует, можно будет найти конституционные средства, чтобы исправить сложившуюся ситуацию. Это одна из основ демократической системы, которой эта страна по праву гордится. Это также соответствует интересам еврейской общины, которая аналогичным образом может законно требовать отмены «воскресных законов»^[7], несправедливых и дискриминационных в отношении евреев, соблюдающих субботу.

10. В некоторых кругах можно услышать мнение, что произнесение подобной молитвы так, как это было принято — с непокрытой головой, ограничиваясь всего лишь двадцатью двумя словами, — может ввести в заблуждение учеников, не знающих даже азов нашей религии. Эти дети могут решить, что такая молитва, а также манера ее произнесения полностью соответствуют требованиям Торы и нормам еврейской веры — что еврей может молиться с непокрытой головой, что совсем не обязательно ходить в синагогу, и т. д.

На мой взгляд, эти опасения никак не оправдывают отказ от всех перечисленных выше преимуществ, которые приносит подобная молитва. Если быть точнее, эти опасения не могут оправдать лишения многих еврейских детей возможности исполнить заповеди, особенно с учетом того, что речь идет об основополагающих заповедях.

Разумеется, необходимо найти способ, чтобы полностью исключить, или, по крайней мере, уменьшить опасность возникновения подобных заблуждений. Лучшим решением было бы записать всех детей, которые учатся сегодня в общеобразовательных школах, в талмуд торы, хотя бы на послеобеденные часы. Однако, независимо от этого, жизненно необходимо, чтобы они молились каждый день, даже если это будет всего лишь внеконфессиональная молитва.

Я хочу также обратиться ко всем, кому небезразлично происходящее вокруг, к тем, кого особенно беспокоят проблемы подрастающего поколения, — давайте рассмотрим этот вопрос в контексте последних событий нашего смутного времени.

На фоне нарастающей напряженности и угрозы ядерной войны[8], в то время, когда наращивающий мощь коммунизм все решительнее теснит свободный мир, подчиняя своему влиянию не только недавно захваченные территории[9], но и души живущих в свободных демократических странах людей, на фоне увеличивающейся подростковой преступности, — Америке повезло: сотни тысяч детей, мальчиков и девочек, евреев и неевреев, по всей стране ежедневно возносили свои детские голоса в молитве Всевышнему, провозглашая Его владыкой мироздания, прося у Него благословить страну, которую они любят, выражая уверенность в Его милосердии.

Представьте себе эту картину и скажите: разве можно закрывать рот американским детям, говоря им: «Прекратите славить Творца! Прекратите Ему молиться! В американской общеобразовательной школе это запрещено!»

Какой эффект произведет этот запрет на подрастающее поколение? Сможет ли кто-нибудь оправдать в глазах детей, далеких от тонкостей конституционного законодательства, тот вред, который этот запрет нанесет стране, в которой свобода вероисповедания считается одной из главных ценностей?

Я надеюсь, что каждый еврей, которому дорого духовное наследие его народа, будет придерживаться в этом вопросе единственной точки зрения, соответствующей нашей традиции: следует всячески поддерживать благочестие и соблюдение заповедей в любое время и в любом месте, особенно когда речь идет о детях, чье будущее зависит от нас. <...>

Перевод с английского, идиша и иврита Шауля Андрушака, Йеуды Векслера, Евгения Левина, Эли Элькина

[1]. Шмот, 25:1-27:19.

[2]. Шмот, 25:6.

[3]. Молитва, написанная для государственных школ Нью-Йорка. В 1962 году Верховный суд США, рассмотрев дело «Энгел против Вайтели», признал произнесение этой молитвы в государственных школах противоречащим конституции.

[4]. «...Повеление служить Ему, да будет Он превознесен <...> имеется в виду заповедь молитвы» (Рамбам, Книга заповедей, Предписывающие заповеди, 5).

[5]. «Сефер а-Хинух» — анонимный трактат XIII века, автор которого (предположительно барселонский раввин Аарон а-Леви) объясняет смысл каждой из 613 заповедей.

[6]. Ваикра, 19:16

[7]. Во многих штатах США действуют законы, запрещающие торговлю по воскресеньям и христианским праздникам. Эти законы весьма затруднительны для религиозных евреев, не торгующих и по субботам, и, соответственно, теряющих не один, а два рабочих дня.

Именно понимание этого позволяет верующим людям успешно противостоять жизненным трудностям. На самом деле у каждого в жизни бывают мгновения, когда вот-вот опустятся руки, когда кажется, что все внешние обстоятельства складываются против нас. О чем в такой момент думает религиозный человек? О двух вещах. Первое: Б-г не посылает нам непосильного. И второе: испытания посылаются Б-гом, чтобы сделать нас сильнее!

Может быть, кто-то скажет, что это только общие слова. Пусть так, но эти слова действуют! Я знаю одного человека, глубоко верующего еврея, который в разгар кризиса потерял работу. Он вышел из офиса, думая о том, что Б-г не даром послал ему это испытание: наверняка впереди новая возможность, которую надо реализовать. Прямо на ближайшей остановке автобуса он разговорился с рядом стоявшим мужчиной. И надо же такому случиться — тот тут же, на месте, предложил ему новую работу — лучшую, чем та, которой человек лишился.

Если бы этот человек предался унынию и молча проследовал домой, убеждая себя, что все плохо, никто бы ему работы не предложил, потому что никто не знал бы, что вот он, подходящий кандидат на подходящее место! Не было никакого чуда: просто Б-г предоставил шанс, а человек его использовал.

ИСТОРИЯ ДАВИДА И БАТ-ШЕВЫ

Èòòàé Nò ðàòéí ñééé

Òàíòíà ÷éñà í àíÿòà ñéàí, á í ðàçáí èé Ñààòòò, ñéíí ÷àéíÿ òàòí Áààéà — í ñàéí ñíààò è òàòí ñíííàòòàéü ààéíòàáííé èàòòéííé àéíàíòéè ñíííàé Èððàééÿ, æéçíü è àíÿòàéüííòü èíòíòíà ñíàòííí ñéñáíü á Ñàíàòá (Òí óÿü I, íà-éíàÿ ñ 16-é àààí, Òí óÿü II, íàòáíà àáí àààí Ì èàòé I).

Á íàòàé ñòàòíà òà-ü ííéàòò í àçàéí ñòííòáíéÿò Áààéà è Áàò-Òàáí. Ñííòü íà ÿòé èñòíòéè íà óòéòàðò ñàòáíéòò àáíí áí áí íàòéòò áíáé.

ÈÑÒÍ ÑÈÈ È ÁÀÁÈÁÀ È ÁÀÒ-ÒÀÁÛ Á ÒÀÍÀÒÁ

История начинается с того, что Давид послал на войну с аммонитянами войско под руководством военачальника Йоава. Однажды Давид случайно увидел купающуюся на крыше соседнего дома красивую женщину. Давид послал разузнать о ней, и ему сообщили, что это — Бат-Шева, дочь Элиама, жена одного из командиров воюющей армии — Урии-хетта. Давид велел привести ее и овладел ею. При этом в Танахе сообщается, что она «от нечистоты своей омывалась». Затем Бат-Шева вернулась в свой дом.

Через некоторое время Бат-Шева известила Давида о том, что беременна. Давид велел Йоаву прислать к нему из действующей армии мужа Бат-Шевы, Урию. Когда Урия прибыл, царь расспросил его о делах Йоава, о положении войска, о ходе войны и велел «идти в свой дом и омыть ноги». Урия вышел из царского дворца, и за ним вынесли угощение от царя. Но он не пошел в свой дом, а лег спать у входа в царский дворец «со всеми слугами его господина». Когда Давиду доложили, что Урия не пошел домой, царь спросил: «Ведь ты же с дороги, почему же ты не пошел к себе домой?» Урия ответил: «Ковчег, и Израиль, и Йеуда пребывают в шатрах, и господин мой Йоав, и слуги господина моего стали станом в поле, а я войду в дом свой есть, пить и лежать с женою своей?! Жизнью твоею клянусь и жизнью души твоей — не сделаю я этого!» (Шмуэль II, 11:11).

Давид велел Урии остаться в Иерусалиме еще на один день. Он пригласил его к своей трапезе и напоил допьяна. Однако Урия опять не вернулся домой и лег спать со слугами. Утром Давид написал письмо Йоаву и отослал с Урией. В письме было указание поставить Урию в месте самого жестокого сражения и отступить от него, чтобы тот погиб. Далее сообщается, что, осаждая город, Йоав поставил Урию в то место боя, где, как он знал, были отважные воины противника. Урия погиб вместе с другими бойцами. Йоав послал вестника к Давиду, дав повеление: когда он закончит доклад о ходе сражения, если царь разгневется и спросит, почему войска подошли так опасно близко к городу, сказать: «Умер также и раб твой Урия-хейтиец».

Вестник сообщил Давиду, что, когда врагов оттеснили к самым воротам, лучники стали стрелять со стены и что среди погибших был и Урия. Давид велел передать Йоаву, «...пусть не будет это делом злым в глазах твоих...», ибо каждый может пасть от меча, и велел усилить осаду и разрушить город.

Далее сообщается, что «жена Урии» (именно так названа Бат-Шева в стихе 26) услышала, что муж погиб, и оплакивала его. После окончания ее траура Давид велел взять Бат-Шеву в свой дом, она стала его женой и родила ему сына. Глава заканчивается словами: «Но дело, которое сделал Давид, злым было в очах Г-спода» (Шмуэль II, 11:27).

В 12-й главе рассказывается, что Всевышний послал к Давиду пророка Натана, и тот рассказал царю притчу о бедняке, у которого не было ничего, кроме одной овечки, которая была для него как член семьи. Эту овечку забрал у него богатый сосед и приготовил из нее кушанье для зашедшего к нему гостя. Давид разгневался и сказал, что человек, так поступивший, достоин смерти и должен заплатить четверто за

овечку и за то, как немилосердно он поступил. В ответ Натан сказал: «Ты — тот человек!» Пророк обратился к Давиду, спрашивая, почему он пренебрег словом Всевышнего, сделав то, что является злом в Его глазах, — убил Урию руками аммонитян и забрал его жену себе в жены? Натан сообщил о бедах, которые придут в дом Давида, и Давид признал: «Согрешил я перед Г-сподом» (Шмуэль II, 12:13). Далее в 12-й главе рассказывается о болезни и смерти сына Давида и Бат-Шевы, а в следующих главах — о других несчастьях, постигших царя Давида и его семью.

«Nī ēdōōāī ēā Āāēēāā».

Pēēāī Ōīīd ōīī Ēādīrōāēūū

Ēçīāēē «Ēēēpīrō dēdīāāī īāy Āēāēēy».

1840-1860-ā āūū

Ī ĪĀĪ ĒB Ī ŌĀDĀŌĪĀ ŌĀĒĪ ŌĀĀ

В Вавилонском Талмуде есть несколько обсуждений этой истории мудрецами. В трактате Шабат читаем такое высказывание: «Сказал рабби Шмуэль бар Нахмани от имени рабби Йоханана: “Каждый, кто говорит, что Давид согрешил, — ошибается”» (Шабат, 56а). Далее приводятся различные высказывания мудрецов, которые, опираясь на стихи из Танаха, обосновывают свое мнение о том, что грех Давида не был таким однозначным, как может показаться при чтении текста Танаха.

Среди прочего, мудрецы считают, что Давид поступил неправильно, «убив Урию мечом аммонитян», так как он должен был судить его как бунтовщика в Сангедрине — верховном суде мудрецов Торы. То, что Урия был бунтовщиком, мудрецы учат из слов, сказанных им Давиду: «...и господин мой Йоав, и слуги господина моего стали станом в поле...» (Шмуэль II, 11:11). Раши[1] объясняет, что бунт Урии заключался в том, что в присутствии царя он назвал Йоава своим господином, тогда как в разговоре с царем должен был сказать «твой раб Йоав». И действительно, читая слова Урии, обращенные к Давиду, легко увидеть, что он говорил с царем весьма дерзко. Возможно, причиной было то, что до Урии дошли слухи о произошедшем между его женой и Давидом. Так или иначе, но нигде в Танахе не сообщается, знал ли Урия об их взаимоотношениях.

Еще одно важное высказывание мудрецов касается того, что, вступив в отношения с Бат-Шевой, Давид не нарушил запрета об отношениях с замужней женщиной. «Сказал рабби Шмуэль бар Нахмани от имени рабби Йоханана: “Каждый уходящий на войну дома Давида писал гет (документ о

простому пониманию текста. Аргументируя свое мнение, Абарбанель цитировал слова Давида «Согрешил я перед Г-сподом» (Шмуэль II, 12:13). Он также не принял тот довод мудрецов, что Урия, уходя на войну, оставил жене документ о разводе, так как стих, на котором основывалось объяснение мудрецов, не имеет отношения к этой теме. Кроме того, согласно тексту Танаха, Давид посылал Урию к жене, и это значит, что они не были разведены.

Абарбанель подвел итог своему толкованию истории Давида и Бат-Шевы и написал, что его устраивает такое понимание текста: Давид согрешил, полностью признал свой грех, чистосердечно раскаялся, принял наказание, и этим были искуплены его грехи. И хотя, как мы видели, мнение Абарбанеля о поступке Давида разделяли не все еврейские мудрецы и комментаторы, сама идея признания греха, раскаяния и исправления актуальна и важна для каждого из нас. В книге Коелет сказано, что нет на земле праведного человека, который делал бы только хорошее и не согрешил бы. В соответствии с этим правилом, Танах сообщает о неблагоприятных поступках и тогда, когда их совершают великие люди. Цель этого — напомнить о возможности исправить содеянное, о долге и праве раскаяться и начать все с чистого листа.

- [1]. *Рабби Шломо Ицхаки (Раши; 1040–1105) — комментатор Танаха и Талмуда, автор широко известного, ставшего классическим комментария к Торе.*
- [2]. *Рабби Давид бар Йосеф Кимхи (Радак; ок. 1160 — ок. 1235) — комментатор Танаха, грамматик.*
- [3]. *Рабби Йосеф Ибн-Каспи (1297–1340) — комментатор Танаха, философ, грамматик.*
- [4]. *Ицхак бен Йеуда Абарбанель (1437–1508) — комментатор Танаха, философ, государственный деятель.*

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ЛЕНИНСКОГО МИНИСТРА, ИЛИ АВСТРАЛИЙСКИЙ ДОКТОР ГЕРЦЛЬ

Ἰαῖεε Ἰῖδοῖ ἰαῖ

«Его единственная тайна, кажется, — в тихом упрямстве...»

В. Жаботинский

*Ἐῶσαε-Ἰαῖ αἰ (Ἐῖαε) Ὀαῖῖαῖα (1888-1957) — ἰαῖ α εῖ πῖ ὁ ἰδεοῦαῖαῖα ὁ ὁεῖαῖ
ἰῖαε αῖαεῖεε εἰοῖδεε. Ἰῖ αῖε ἰεῖοῖαῖ εἰοῖ ἰῖ αῖαεῖαῖεῖ ἰ ἰ αῖεῖῖ αῖεῖοῖ ἰ ἰ ὁαῖ αῖο ἰαῖαε
αῖοαῖαῖαῖα: αῖαεῖοεῖῖαῖ (εῖαῖε ἰαῖα), ἰοεῖο, ο-αῖαε, αῖαεῖοῖα, εῖαῖοαῖα ἰ αῖοῖαεῖο, ὁαῖαῖοεῖαῖε ἰεῖοαῖα ἰ αῖαῖ αῖοῖα αῖοῖα 30 εῖεα ἰ πῖοαῖ ἰοαῖα ἰα 13 ἰεῖαῖ, ἰαῖε εῖ εῖαῖαῖα
ἰ εῖοῖαῖα αῖαεῖοαῖ. Ἰαῖα Ἰεῖαεε Ἐῖοεῖῖα ἰαῖεῖοῖα εῖαεεοεῖοεῖῖαῖαῖαῖα αῖεῖαῖοεῖ οαῖῖα
αῖεῖαεε ἰῖα ἰεεο ἰα εῖαεῖῖ οῖ. Ἐῖοῖ α ἰαεῖοῖῖαῖα ἰοαῖ αῖα αῖεοαῖῖαῖα ὁαῖεῖ, ἰαῖα αῖεῖαῖοῖ
αῖοαῖα ὁ οῖα ἰαῖαῖεῖαῖαῖα ὁ αῖῖοῖαῖα Ἰεῖαεε ἰεο: εῖαε εῖῖ εῖῖαῖ ἰαῖαῖα ἰαῖοῖεῖαῖ ἰοαεοαῖαῖαῖα
ἰοαε «αῖῖοῖαῖαῖαῖαῖα αῖαεῖεῖαῖ ἰαῖῖα»?*

Доктор Исаак Штейнберг и его ассистенты исследуют пойму австралийской реки Орд в округе Кимберли на предмет ее пригодности для будущих еврейских поселений. Фрагмент. 1939 год / Фермерское поселение Иванхоэ.

Восточный Кимберли, Австралия. 1930-е годы

ἡμῖν ἰεῖραοῦ ὁ ἀπ᾿ ἀνθρώπων ἡ-εὐατοῦ ὁ ἀεὶ ἀεὶ ἰεῖραοῦ-ἰαόαο, ἡ ἀνὰ τὴν ἀσπὸν, ἐ δὲ ἀεὶ ἀεὶ ἀοῖο-ἰῖ ὁ ἀνὰ τὸν ἰ ἰεῖραοῦ ἰεῖραοῦ, -ὁ ἰαὺ ἀνὰ ἀεὶ οὐ γοῖ ἰ ἰεῖραοῦ ἰεῖραοῦ ἐὰ ἡμῖν ὁ ἰεῖραοῦ ὁ ἰαὺ ἰ ἰεῖραοῦ ἀεὶ ἐ ἰεῖραοῦ ὁ ἰεῖραοῦ ἰ ἰεῖραοῦ ὁ ἰεῖραοῦ 3 ἰ ἰεῖραοῦ

После Московского Штейнберг учился в Гейдельбергском университете — изучал право и философию и защитил диссертацию «Понятие преступления в Талмуде» (1910). Вернувшись в Россию, вел частную юридическую практику, а также стал активным членом эсеровской партии, главой левых эсеров Уфимской губернии, гласным городской думы. Он был не только последовательным, но и гибким политиком: 26 октября 1917 года на заседании исполкома Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов он выступил с осуждением вооруженного восстания большевиков, но призвал продолжать работать в Советах. В декабре 1917-го Штейнберг вошел в первое правительство Ленина от эсеровской партии как нарком юстиции РСФСР.

Будучи ортодоксальным евреем[7], уверенным, что идеи социализма — часть еврейской культуры, Ицхак Штейнберг старался противостоять террору, и Максим Горький, ценя его усилия по спасению арестованных членов Учредительного собрания[8], увидел в этом «типично еврейское» начало. 5 марта 1918 года в знак протеста против Брестского мира Штейнберг вместе с другими членами партии эсеров вышел из правительства. В феврале 1919-го его арестовали, затем перевели под домашний арест. Все это время, от выхода из правительства и до отъезда, Штейнберг не терял времени зря: полемизировал с большевиками от имени немарксистских социалистов и народников, излагал свое понимание социалистической революции (как «великой человеческой страсти, поднимающей рядового человека до уровня исторического героя»[9]), работал в еврейской организации помощи жертвам войны (ЕКОПО), участвовал в создании и деятельности Вольной философской ассоциации (Вольфилы), провозгласившей духовную независимость и свободомыслие. Осенью 1921 года, после суда над левыми эсерами, он получил разрешение покинуть страну без права на возвращение.

2

В Берлине (1922–1934) его политический пыл не угас. Первые годы член ЦК левоэсеровской партии надеялся заниматься политикой — в 2½ (Венском) Интернационале, — но к середине 1920-х стало ясно, что его партия не имеет будущего ни в России, ни в эмиграции. В какой-то степени роль политического сопротивления выполняло руководимое им (совместно с А. Шнайдером) издательство «Скифы». Свободный печатный станок не только позволил выпустить в свет в обход цензуры ряд замечательных сочинений, но и побудил самого Ицхака осмыслить произошедшее в книгах-исповедях: «От февраля по октябрь 1917 года», «Когда я был наркомом», «Дантово и Робеспьерово начало в революции», «Нравственный лик революции». Последняя книга открывалась вступлением: «Кронштадтским матросам 1921 года, на ледяных равнинах Финского залива отстаивавшим революцию Октября, смертную борьбу принявшим и не запятнавшим ее мстительным террором, посвящаю». Революция по-прежнему представлялась ему «величественным зрелищем истории»[10], «грозовой бурей человеческих страстей», но все ее события, считал он, «должны проходить через горнило этического сознания»[11]. Штейнберг прямо и резко поставил вопрос об ответственности руководителей революционного движения перед народом: «Наступило время говорить о великом грехе в нашей революции. <...> Мы отвечаем за линии этой системы, за части этого целого, за дальнейшее направление его».

В эмиграции Штейнберг старался поддержать дух радикального универсализма и мессианизма, но сейчас этот дух был воплощен в еврейском, а не в русском народе, социализм же он рассматривал как «этическое» движение. В журнале «Фрайе шрифт фар идиш социалистишн геданк» («Трибуна еврейской социалистической мысли») мистический анархизм Густава Ландау сочетался с этическим радикализмом русского народничества и еврейским социализмом Х. Житловского. Впрочем, считал Штейнберг, чтобы иудаизм стал базой для преобразования человека и общества, он должен пропитаться современными проблемами. Сам он по-прежнему соблюдал заповеди[12].

Кроме того, Штейнберг стал одним из лидеров дубновского кружка, реализующего план культурного объединения европейского еврейства, и, в частности, инициировал такие просветительские проекты, как Еврейский научно-исследовательский институт (ИВО, 1925) и Фонд Дубнова, учрежденный для издания Всемирной еврейской энциклопедии на идише (1934—1946). Его энергия простиралась на журналистику («Фрайе Ворт» и «Фрайе Шрифт»), при этом не прекращалось и художественное творчество: в 1923 году Штейнберг был удостоен премии имени Гете за драму «Дорога страданий».

òíááà íá í-áíú òí-àòíý í èíàòú Áíí íé ý ñòàðáþííí ííáðíáí áá íí èííáàòú í íé ííòíááí èý, è ý àòí àþ, ÷òí íí íéí òú ííáá í ðáííò ààéýáòú ýíí áá í íþ æéçíú òòò.

Í áðáý ñòááéý ðááíòú — íáðáçíáííéá Èíí èòàðà, á èíòíòúé áíøéí ííðýáí-ííá ÷èíéí è çíàòíúò èþááé, è áíòíáòú ííí í-ú ðááíòíééíá Á áííèðáííúá 812 áúé íáðáíé í áííáíé í èòéíá á ðááòðá òòò, íá èíòíòúé í ðèøéí íáíáòá 1000 ÷áé. (í íááò áúòú íòòíá, ÷òí áííá áúé ááííéáòíúí). (Í ðááíéçáòéý ýòíá áá-áðá ñòíééá íáí 40 óð.!) Í í òòò áááí íá ñéúòáéé íáòááí ישי"ד [éáèøá] è ðáéíé íííòáííáéé áííòííá Íí-òé áíá (çá èííéþ-áíéáí èáááéíá íáíáéí ííé-ááøéò) ííòáééííí áíáíéíú, è í ðááííáàòáéú Èíí èòàðà — áááíéàò Franks, — è ÷éáí ú áá.

Bulawayo 23.8.1936 (P æíáý ðíááéý)
(áòíòíé íí ááéé-éí á áíòíá çèí ááááá)

Áíò áéáèòú, í ðèøéíííí í ðáááòú í íá í èííú í è ðááá íá í áááéþ. Ñòíéúéí áúéí èéíííò áíí ýòí áááí ý. Áðáé ý á ýòíò áíòíá ááá ÷áíòú ééááðíá òíòáá íòòíééíòúí í íé áéþò íá 3 í áíýòá. Ýòí áííáá ííçááò ááííéíéíòáí. Íáíáéí, èíááá ý í ðéáúé è íáðááíáðéé ñ íéí, ííé íííýéé çíá-áíéá í èííéé, è á ýòíò áá ááíú íííòáííáéé íáçíá-èòú í íá íáðáíá íòáéé-ííá ííáðáíéá íá ííááíý (-áðáç íáááéþ). ×òíáú íá ðááýòú áááí áíé, ý — íí çíáéíí úí è — íá 3 áíý óðáé íí íòðáòú çíáí áíéòúá Victoria Falls[16]. Ýòí ááéííòáéòáéúíí áúéí çáééúá íáíáú-áéííé í íúé è èðáííòú. Í í áçáà òýíòéáííí ñíòéé òúáá è íáçáá, ðáé ÷òí á ðá-áíéá òíé íáááéé ý ÷áòúðá íí-é íòíáéé á áááíá Á èíááá á í ýòíéòò í ðéáúé íþáá, òí ñòáé — íí íáú-àþ — èçó-áòú «áíòíá» ÷áðáç çíáéíí ñòáá. Ñááíáí ý ý óéá ÷ááíòááþ ííáý òòò éáé ííááé çíáéíííá è ÷áíòúþ ááéá áðéáíéíá íáúáíòáá. Á ýòéò çááðíòáííúò í áííòáò áííòáíðééí ñòáí í-áíúú æéáíá. Í ðéòíáéòíý áíáíðéòú è íí-áíáééííéé, è ñòðáíííá ááéí — í íá éáá-á ááíòé ðáçááíòú íá ááííòáéòíúá òáí ú, ÷áí íá áááíé-íúá (ýòí, ááííýòíí, òú è íáí çáí áðéé). Á-áðá ý íáðáééé í-áíúú í ðéýòíúé í ííáíò, èíááá ííéò-éé ðáíéíá í èííú í è ÷áé íá \$50 íò Èððóíáðá (Èíòáí íáíí[òðá]), í ðááííáàòáéý Ñéíí[èíòíéíé] Í ðááíéçáòéé áíáé Áòðééé. Ýòí — áíéúòáý ííááá í íáé ðááíòú á ýòíé ñòðáíá, éáí ýòí íí áíá-áéá í ðéíýé í áíý á øòúéé. Áòí àþ, ÷òí í ðéááòíý ííáúòú á Rhodesia 1/2 íáááéé, è òíááá ý á íáí íí íá-áéá íáíòýáðý íí íáí íéáçáòúíý á Cape-Town'a ðáé ðáøéé — è í ðááééúíí — íáø Èíí èòàð; çáéíí-òý òíááá éáí íáíéþ á Èíòáí íáíí[áòðá], ááá è íá-áé. Õéíáéíí áçááò íòéðúòéá «South African Jewish Scientific Institute». B ííáá íííòááéé çááá-áé çáéíí-éòú áíá íá ííçéá 411, òí áíòú ðíáíí áá, éáé ý íþáá í ðéáúé. Õú éáéí ííéí áòú éáé í íá áòóááíí òðáííí ñòáéí óéá ááíòé ýòò ðááíòú. Í áéýáúááýííí íáçáá, ý ááéá óáéáýþííí íòéóáá áçýééííí íééú çá ááíí áá. Í úíéýí è è-÷ááíòááí è áííí è ý óéá á Èíí íáí í áááí í. <...>

Í áíéí àþ òááý áòóááí í, áíòíáé Áòíí.

«Проект Кимберли» на западе Австралии (1938–1944 годы) воспринимался как альтернатива палестинскому: евреи, которые не смогут уехать в Палестину, укроются на австралийских землях, плато Кимберли. В этой экспедиции Штейнберг действовал более осмотрительно: договорился с правительством и профсоюзами штата Западная Австралия, с состоятельными людьми, собрал сторонников среди всех слоев общества, привлек на свою сторону премьер-министра, архиепископа, председателя радиовещательной комиссии и т. д. Кроме того, работал как целый исследовательский институт: изучал экономику, этнографию, финансы, сельское хозяйство, историю. При этом убеждал и агитировал на страницах еврейской прессы[17]. Деятельность эмиссара «Фрайланд Лиги» привлекла внимание В. Жаботинского, который посвятил ему целую главу своей книги «Еврейский военный фронт» (1940): «Самый интересный из всех проектов был план заселения Западной Австралии. Одна из самых замечательных особенностей этого проекта состоит в том, что он осуществлялся усилиями одного человека, и этот человек был ни молод, ни богат. Он не был известным пропагандистом. Его единственная тайна, кажется, — в тихом упрямстве, когда человек сегодня все еще хочет того, что хотел вчера. Его имя доктор Штейнберг»[18]. В своей книге «Австралия — необетованная земля» Штейнберг ответил Жаботинскому, уже покойному. Он не согласен с тем, что, если евреи не станут политической нацией в собственном государстве, они просто затопят города. Кимберли не должен быть лишь временным убежищем, где скрываются испуганные люди: «Колонизация не только болезненный процесс эмиграции, но также здоровый процесс иммиграции, строительства. Это — преобразование не защищенной от ветра человеческой пыли в постоянный человеческий организм. Если новое поселение основано на действительно новых принципах (научное планирование, современная техника, социальное сотрудничество, этические идеалы, еврейский дух), оно станет дорогим для сердец поселенцев. Тогда они не будут хотеть разрушать его». Такие цели «также способны пробудить идеализм. И разве такой идеализм не может вспахать почву Кимберли и достигнуть чудес, сопоставимых с такими же в Палестине?»[19]

Мы выбрали два послания Штейнберга из австралийской эпопеи.

Первое — открытка с дороги, с фотографией парохода, приближающегося к египетскому Порт-Саиду, отправлена 2 мая 1939 года. На обороте:

Áiðraé Adri!

Óæá iyòulé aaiú aææþniú aiaðá; i eðfala çafouú eæe aæoiú aia aæuoa iðofayò. Nòaðapniú ía aoi aou í aæouai. Aæaia óaiadu iðafioouú aey daafouú ifoú. Á ai ifea -oi nòaðæoaniú -ofau á ouéouaúeú mifeiú. Óaa é N.A. aæaaiúe iðeaiò. Óaé É.

Áiðra — ifaðafia ienuú í, íafefai (á aáa iðeai á) -aðaç ifeoiða i ayyoa ifiea i adafá, 15 eþiy 1939 aáa, eç Aæaiá. Næaai í oea í-aiú i ía, í ífeifnoúþ çaoa-ai íaæe i emæe, á oi aæ adai ý ía iðofaæoúy ío Éíafia, Ýíðeéfiáæe, aðaçæ é ðraíúú.

Ivanhoe (East Kimberley, W.A.)

Áiðraé Adri! Aféioia óaa mifeai ça ifeæeðæuú ía ienuú í ío 23.5. Íif ifiaef éi í ía á ðeé ifiea 6.6, é í ía óæe nòðaií, -oi ý íoaa-þ eç oæeíá -æaíðafííá i aia Afíafia aaroy, yoi i aoi — -ðaçai-æeíí æeáá íaðiyúeé uuy íeouá, ofoy é eæeð Á-á çaaó aá Aæo óóó aiaú ai ía iú Durack ía [20], á eó íaðai ei aiee (eç -aouða). Íif eæeð á 50 i eeyó ío aæafia aiaæa yoié i aoiínoé: Wyndham [Óeíayú]. Íðaiíeæeíniú -oi -aðaç aaiú ò. á 13.6, ifiaai aæuoa Á í aæo óai ifeæe oæeíe aiaai ía 2 nioúe, -oi í ú çafioyee íaaféa, ifoú ó -oi aææe, ifea çai ey íomfoú. Áúoéa íaça, eíofie ý, if íðaaá íeçaoú aiaféai. Á yoi çei ía i aia ý ifeó-eé ifæeííþ eáoiþp aa-á Durack'é — íeíafu yoiá eðay n 1896 aáa — íaðiyúeá oæaímeú ía íí aúe-eé í aia, é oú óæa íæe-aiá ò. á aþò aiaþ ínoaaouúy niai éi maíþ. B aia aféioa iðieæþniú aææaíeai, -oi á Durack ía oíeúeí íðafæoú íðæeð-æeþp oæeí iðioúy yoi íaði ía íí aiaú, eíofia íí ímíæe é aféioa ía á íeæo aiaú. Íí — é íaðeæó íaæe nòðaiú, ææþueé aia çafieai ey é ðaçæoey é aeyúeé, -oi yoi ía íaæoú aiaç íí íúe aayáa Íí íí é oú ó æá é íðiaaiaíúe -æeíæe, íeóaaó oi aðææþaíia -aiaú é aiaýi, eíofia ý aiaða-æe oæe -aiaú é á Beíafia Íoyi í ifeæeðæuú yoi íomfoúæa daíafá aiaaíeç; á 2 íaæe í ía íæeðæuúá ý ai çai aóeé oaiú aiaa -aiaú ía aia eéoa íeçæeíniú é oú óæá -oi aia nòaðeá aá ííá é aia-æe — eç íeai aie «eapueoúy aiaýi», eíoadaþueoúy í íaðiyúai ó íeæeúú é iðraeai ai é, é aæa çaoa-aiú íaæeí eíeíeçæeííúú íeai íí. Aiee eó çai ey íeæeðay á ímíafíí aiaíe, óíaa eó-ó aia aiaæeíouú eíeðæoúe íeai eó íí aiaúy, é ía yoi aiaúe íeæeð-æeþp iðiaaiaíe oúó.

26.6. Íeú í íðaaí, ifoú -oi çai ey íomfoú, é í ú 16.6 í aiaæeíí ía íaça íaði íúó iðioðaínoá çá 8 aiaé í ú, í íeí íeçaoú ía aiaçæe eç aouí, aæay á aaiú á íkaíai 80-90 i eú Í ía yoi aææeíniú ía aiaa eæeí, oæe eæe ía çaaíeó ía aiaaío aiaaó çafofai oaynaó, á aiee é oú ó æá «íðeíææo» (oi aiaú í íaðiyúai ó aæeí), oi é íaiaí aiaíeí. Íí ý ía í íçæeýe íaá íoææeðay é nòaðæuú í aieæe á íaíymí aiey, eíofia aææe í ía oíçaa é Mr. Melville [Aæíðæe Í aæeé], í íeíafé aiaðæeéíeé ó-aiúe eç Í aðo íeíá oíeæeðæoá, eíofie í aiy ííðafæaá. Ça yoe íaæe ý oæe íðeai é yoeí ímíadaæaíeyi í eéi aðá aiaa, í íkaá, íeíoa é ò. í, -oi aæa ía-æe í íeí aou íaæo çaaíþp iðraeai á É ofoy í ú aiaíai n Melville ía íeóaaí íay íaó-íe eíí emæe, á oíeúeí íðiaæeðæuú íe ðaçæeíe, íaíeí íaó í íaíeá ía eéoaí íaia. Á í íaíeá yoi oæeíá yoa -aiaú East Kimberley aiaíeí aiaæeíy aey íaæeð oæeé. Çai ey yoa íaði ía é í íeíeí ðaçi adai é íeíouú í íaé aia íeíínoyi. Aiee aú í ú aia ía-æe íeai í adí çafæyoy ía aieí aú íðæeíá aey íeí íeíe. xad ía íaíeaiéa óó íe-oiæíí, daíoaó aey ía í íæo aæuó eæe מרבינו [íafí ííú]. Aæeé çaaé eéé íaðaíúó aieçæe íaó. Óðaaóay: 1) í aieai eá 2) aai íe, 3) aiey é oúá. Á yoi aieaiú í ú aiaæeóú Eéi að? B aia aiaý aiaúoúæe ía yoi eþæe. Íeçæaay: oadiei í, í íðe í íaæeó oaié-æeé oíeíæyó aia eæe-á Áa aia ý íaí íðeí ad. Ía eþæþ ý aadú, íí óó ðæeéíy íaðæoaiú -ofau aiaæeóuy íðæeó oadiei ínoé. Næaíy óó — á Wyndham'e, aia ý æo ayofíeai á çaaóða, eíofie íoáçað íaíá Perth, — ía í aiaú 98, é aia eíaa íe-ai íeó, ý aia í íoú Í í aia íe-ai, í-æeíí, á ðaçiúó eéi aðá í íeíí ó aiaíeíeí aæuú ðaça á Éíafia ý í íaú daíoaóú aiaaíeóú aiaýoéí eþæe, ínoaæyoy ía-æeí Report'a í aæaí íí ? [21]

Áaó á Perth í íaæeíe, -oi íaæeó oúó aey aææaíey íeéíú eþæe. Óú íðá á Íaðææá aá é á Éíafia ía íoáþo íaá ío-áó á oúai ínoy ía íoé. Íaíeí adí ínoáá oú ía íðeá ía çá íaða 2 íaæe á Í aðá yoi aiyíeíniú; ou ía yoi, íaá ía çaaouéç íeó íeíí aia íe.

- [1]. Krutikov M. *Isaac Nahman Steinberg: From Anti-Communist Revolutionary to Anti-Zionist Territorialist // Jews in Eastern Europe. Vol. 1–2 [38–39]. 1999. P. 5–24.*
- [2]. Среди них: создатель идишской критики Исидор Баал-Махшовес, критик и философ Эсфирь Эльяшева-Гурлянд, адвокат, писатель и дипломат Шмуэль Эльяшев-Фридман, переводчик Израиль Донской, шахматист, лауреат международных премий Моше Эльяшев.
- [3]. Штейнберг А. Об иллюзиях. Дневники. 18 марта 1972 г. *Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem), A. Steinberg's Collection. P. 159. Box VIII.*
- [4]. Штейнберг А. Ицхок-Нахмен Штейнбергс киндер-ун юнгст ёрн [Детские и юношеские годы Ицхака-Нахмана Штейнберга] (1888–1914) // Ицхок Нахмен Штейнберг. Дер менч. Зайн ворт. Зайн ойфто [Человек. Его слово. Его достижения] 1888–1957. Нью-Йорк, 1961. С. 25–26.
- [5]. Там же. С. 36.
- [6]. Там же. С. 55–56.
- [7]. Легенда о том, что в ответ на просьбу Ицхака выйти из зала заседания, чтобы помолиться, Ленин ответил: «Лучше уж я выйду — и будет миньян», выглядит правдоподобно с точки зрения поведения «наркома в талите» и неправдоподобно — судя по реакции второго героя.
- [8]. В «Несвоевременных мыслях» Горький описывает освобождение И. Штейнбергом члена «Союза защиты Учредительного собрания» И.Г. Церетели и разбор этого поступка на заседании Совнаркома, который признал действия Штейнберга неправильными (Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. СПб., 1990. С. 322).
- [9]. Штейнберг И. Единый рабочий фронт // *Isaak Steinberg zwischen Oktoberrevolution und Bolschewismus. Heidelberg, 2001. S. 113.*
- [10]. От февраля по октябрь 1917 г. Берлин, 1920. С. 128.
- [11]. Нравственный лик революции. Берлин, 1923. С. 307.
- [12]. «Когда во время образования 2½ Интернационала в Вене был создан интернациональный комитет, Ицхак принес с собой еду и отказался участвовать в общей трапезе» (Локер Б. Микитов ад Иерушалаим. Иерусалим, 1976. С. 97).
- [13]. «Самое страшное, когда роль государства вырождается в тоталитаризм и диктатуру во имя власти, один раз это случилось на моей памяти!» — говорил он позже. Локер Б. С. 97.
- [14]. Все публикуемые письма хранятся в: *Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem), A. Steinberg's Collection. P. 159. Box VIII.*
- [15]. Софья Владимировна Штейнберг — жена Арона Штейнберга.
- [16]. Водопад Виктория на р. Замбези.
- [17]. *The Kimberleys // Australian Digest of World Reading. Febr. 1940. P. 74–77; A Jewish Settlement in the Kimbeleys // The Australian Quaterly, V. 12, № 1. March 1940. P. 24–30; Letter from Abroad // Australian Jewish Forum, Vol. 3, № 24, Nov. 1943. P. 8–11. См. в: Isaak Steinberg von Moskau nach Sydney. Heidelberg, 2001. S. 101–112.*
- [18]. *Jabotinsky V. The Jewish War Front. London, 1940. P. 143.*
- [19]. *Steinberg I.N. Australia — The Unpromised Land. London, 1948. P. 109–110.*

[20]. *Семья Дюрарк — совладельцы плато Кимберли.*

[21]. *В этом отчете говорилось о будущем сельскохозяйственном чуде, которое стимулирует экономическое развитие, о научных центрах в диких местах, о таких отраслях промышленности, как кожевенная, дубильная, консервирование фруктов и овощей, о сахарных и маслобойных заводах и т. д. Одновременно авторы отчета, И. Штейнберг и Д. Мелвилл, заверяли власти в абсолютной лояльности еврейских беженцев, в том, что религиозная и культурная автономия поселенцев не будет направлена на изоляцию от остальной Австралии.*

[22]. *Jabotinsky V. Op. cit. P. 144.*

[23]. *Локер Б. С. 99.*

Èää Èað, óíòíððò áíáí ù

Èííáí, Í àòèí àèüí àÿ ííðððò í àÿ ãèáðáÿ, áí 19.06.2011

Èää Èað. Áàòííðððò. Èííáí 1950-ò ãíá × àíòí àÿ èíèèèèèÿ

©National Portrait Gallery, London

Творчество Иды Кар (1908–1974) мало известно современному зрителю. Нынешняя выставка — первая музейная экспозиция Кар за полвека. При этом ее снимки художников и мыслителей 1950–1960-х годов можно назвать хрестоматийными. Уроженка России (она родилась в Тамбове в армянской семье), Кар снимала многих звезд, от Ле Корбюзье и Жан-Поля Сартра до Ива Кляйна и Жоржа Брака. Особое место в ее творчестве занимают портреты лондонцев, таких, как Генри Мур и Айрис Мердок, а также Густав Метцгер. Собственно, лондонцем Метцгер (р. 1926) был не всегда, он считается также немецким художником. Уроженец Нюрнберга, Метцгер покинул родину в рамках программы «Refugee Children Movement», позволившей спасти с ноября 1938-го до начала второй мировой войны тысячи еврейских детей (его родителям спастись не удалось). Метцгер учился в Кембриджской школе искусств в Лондоне, занимался акционизмом и «кинетическими картинами», создал новые направления в искусстве, «Auto Creative Art» и «Auto Destructive Art» и был необычайно политически активен — боролся за ядерное разоружение и против капитализма. Ида Кар же снимала революционных кубинцев — портрет Фиделя Кастро показывают сейчас на выставке. Многие из сотни представленных в Лондоне снимков выставляются впервые: Национальная портретная галерея хранит архив Кар, состоящей из 800 отпечатанных ею фотографий, 10 тыс. негативов и множества писем.

Бегство и преображение. Нелли Закс, Берлин / Стокгольм

Франкфурт, Еврейский музей, до 30.07.2011

Νυοεί -αι Γάαί Γί Άέέε ςαένε αι ί αόύγί έάέοΓάέέ ές ί αόέηοΓέ Άάοι άί έέ ά Οάίερ

В 1965 году Нобелевскую премию по литературе поделили между двумя авторами. Вместе с Нелли Закс (1891—1970) ее вручили и Шмуэлю-Йосефу Агнону. Это решение Нобелевского комитета выглядит скорее желанием присудить премию как можно большему количеству достойных литераторов, нежели осознанным соединением двух совершенно разных писателей. В речи по случаю вручения премии Закс двусмысленно заметила: «Агنون представляет Государство Израиль, а я — трагедию еврейского народа». Об этой трагедии — ее стихи и драмы послевоенного времени. Впрочем, в начале литературной карьеры Закс никто и предположить не мог, каких высот достигнет творчество писательницы, начинавшей с символизма сентиментально-романтического извода и по-настоящему дебютировавшей как поэт в возрасте 55 (!) лет.

Во Франкфурте рассказывают о годах после бегства из Берлина в 1940 году в Швецию, страну, далеко не случайную в ее биографии. В 15 лет она начала переписываться с Сельмой Лагерлеф, эти отношения в письмах продолжались 35 лет (в итоге королевская семья была задействована в процессе выдачи визы). Выставка, названная по знаменитому поэтическому сборнику Закс 1959 года, реконструирует ее жизнь буквально — жизнь в еврейской общине на окраине Стокгольма, где у нее была комнатка, заставленная чужой мебелью, и рабочий стол на кухне, прозванной «каютой», воссоздана через интерьер. Из рассказа исключены нервные клиники, где она проводила много времени. Впрочем, если твои собеседники по переписке Поль Целан и Ханс-Магнус Энгенсбергер, обстоятельства жизни кажутся не столь существенными, как диалог, длящийся годами.

Появления русской Закс ждали четверть века. Сборник ее переводов, сделанный в конце 1960-х Владимиром Микушевичем, издали только в 1993 году.

Москва, галерея «Школа», до 28.07.2011

Î ääü Ääüüüüüü. Êäüüüüü 1915. Ôüüüü, î äüüü. Ääüüüüü «Ôüüüüü»

Очередной проект цикла, посвященного художникам начала XX века, невелик размерами, но хорош составом. Здесь представлены работы классиков — например Алексея Явленского, и авторов, публике менее известных, таких, как Мария Васильева, создатель замечательных картин и кукол. Чтобы выжить в Париже, та вынуждена была открыть на Монпарнасе, посреди мастерских художников, столовую для эмигрантов (пообедать к Васильевой, кстати, и Ленин с Троцким захаживали).

Представлены на Крымском валу и работы Давида Штеренберга (1881–1948). Он приехал в Париж задолго до революции, жил в знаменитом «Улье», где работали Пикассо и Шагал, Сугин и Модильяни. Парижские годы оказали решающее влияние на его манеру, ставшую самобытной лишь в 1920-х. На свою беду, Штеренберг вернулся в советскую Россию, самые плодотворные годы потратил не на творчество, а на заведывание отделом ИЗО Наркомпроса (что не помешало, впрочем, созданию ряда шедевров). Вскоре выяснилось, что какая бы художественная система ни выстраивалась энтузиастами, какими бы обаятельными ни были их утопии, государство лишнего не допустит. Уже к середине 1930-х Штеренберг с точки зрения официальных кругов превратился в аутсайдера арт-сцены. Зато сегодня он выглядит одной из ключевых фигур русского авангарда.

Ñüäüü î äüü Çäüüüüüüü. Î üüüü üüüüüüüüüüüü 2000-2010

Çæüüáóðã ì óçæ á Ī ĭâĕ Ðæçæááí öèè, äĭ 16.10.2011

Èðĭ à Ðæóáçæá Óĕéááĭ (Èðĭ à Óðèáĭ áĭ). Ī ðĕðáĭðè-ðáĭí áĭò èòüĭŷ-ĭ èĭáĭĭ ĭĭè òü-òĭ áðĭòü 1974 äĭ Ī óçæ á Ī ĭâĕ Ðæçæááí öèè, Çæüüáóðã

Выставки новых поступлений редко сулят что-то сверхъестественное: большинство музеев составляют коллекции десятилетиями, иногда и веками. Экономический кризис последних лет сказался на закупочной политике европейских собраний — те стали скромнее в возможностях и строже в отборе (что, впрочем, не отменяет даров и завещаний – лучших способов пополнить коллекцию).

Кризис не помешал зальцбургскому музею обогатиться в последнее десятилетие несколькими выдающимися экспонатами — от картин и ювелирных украшений до игрушек и даже пивных бутылок, найденных в замке на горе над городом. Есть вещи уникальные, вроде собрания из 70 исторических клавиров, подаренных музеем Карлом Вашеком. Есть документально важные, как недатированная картина Фрица Бена «Макс Рейнхардт на репетиции». А есть и просто красивые, как полотно Ирмы Рафаэлы Толедо (псевдоним Ирмы Фридман; 1910–2002). К сожалению, музею не удалось приобрести картины из самого знаменитого цикла Толедо «Генезис». Этот цикл, показанный в рамках проекта «Евреи в Зальцбурге», был вдохновлен не только теориями о происхождении Вселенной. Воображение Толедо поразили и виды пустыни Негев, и поэтические переложения Библии Бубером и Розенцвейгом.

Áæóèèáĭ Óĭ áááèü

Αίσι αὐτῷ, ἰ σπρέ Ἐἰδδαῖ, αἱ 27.11.2011

Αεσπρέν Σπρέν Ἐἰδδαῖ Αἰσῆ εἰσὶ τὰ ἀσπρέν ἀσπρέν τὰ ἰσπρέ. Ὀδαῖ αἱ 0. 1988 ἡ. Ἐἰσπρέν Αἰσῆ Ἀσπρέ

Прошедшее десятилетие можно назвать ренессансом фигуративной живописи в целом и Джулиуса Шнабеля в частности. После недавней ретроспективы американского художника во франкфуртском выставочном зале Ширн-Кунстхалле у многих зародились сомнения в том, будто абстракция окончательно вытеснила всякую другую живопись, да и та скоро исчезнет под напором новых технологий.

Хотя 60-летний Шнабель как кинорежиссер не чужд технологий. Его последний фильм, «Скафандр и бабочка», о судьбе парализованного после инсульта 43-летнего журналиста, получил множество наград, от «Золотых глобусов» и «Сезаров» (каждого по два) до приза Каннского фестиваля лучшему режиссеру. Шнабеля зачаровывают пассионарные персонажи — он снял ленту и об умершем от СПИДа нью-йоркском живописце, друге Уорхола Жан-Мишеле Баскья. Пассионарность у него у самого в крови: Шнабель рос в религиозной семье, его мать руководила в Бруклине ячейкой американской сионистской организации «Хадасса». Первая персональная выставка Шнабеля, составленная из работ на холсте с вкраплениями осколков стекла и фарфора, прошла на берегах Гудзона в 1979 году, а уже в следующем году он участвовал в венецианском биеннале. На нынешней выставке в Венеции, подготовленной известным куратором Норманом Розенталем, представлено более сорока работ, выполненных с начала 1970-х до наших дней, в том числе шестиметровой длины «Картина для Малик Жуайо и Бернардо» (2006): в новом тысячелетии Шнабель полюбил большие форматы, что не уменьшило интереса к нему со стороны коллекционеров.

Αεσπρέ ἰ τεδῖσπῆ

ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2011 СИВАН 5771 – 6(230)

МЕЖДУ МОКРЫМ МЕСТОМ И ПОСУШЕ

МЕСТЬ

*Dàxèññà Ñpçàí í à Àèð
Ààíèy, Óàíèy, 2010*

Кристиан (Нильсен) похож на Конкина в роли Корчагина. Только маленького, в возрасте тринадцати лет. Суровый мужичок, он с видом ревизора посматривает по сторонам: все ли в мире по справедливости? В новой школе его третируют за дружбу со слюнтяем Элиасом (Рюгорд), но, используя велосипедный насос и карманный нож, железный мальчик это прекращает.

У папы Элиаса (Персбрандт) сонно-насмешливый взгляд. Он по развитию выше, чем его окружение. Или считает так. Когда быковатый автомеханик отвечает папе пощечину, тот не отвечает. Потому что драка — это варварство. Она ничего не доказывает и ни к чему не ведет. Работает папа в Северной Африке врачом. Сына видит урывками.

«Варварство» для Бир не пустой звук. Почти в каждом ее фильме есть эта тема. Противопоставление: культура — и варварство. Европа — и нищий, агрессивный остальной мир. Чаше мусульманский. Единственное, в чем с натяжкой можно углядеть семитские корни режиссера, — это с каким недоумением, брезгливостью и опаской она вглядывается в этот мир, который «во зле лежит». «Месть» («Оскар» за лучший иностранный фильм) — показательный пример, насколько может ассимилироваться еврейский режиссер в стране проживания. Как сахар в кипятке, до полного растворения. Потому что фильм этот — скандинавский не только по странам-производителям, но и явно по духу: тяжеловесное, «честное», медлительное кино с этическими дилеммами. Снимает она исключительно про женско-мужские и мамско-папские переживания. Те, кто не семейный, те, по Бир, идиоты. Мама Элиаса (Готтлиб) так папе и говорит: «Я рада, что мы не похожи на других идиотов, которые сдаются и разводятся».

Сюзанна Бир пытается держать баланс между женским взглядом на вещи и мужским, но у нее не очень получается. Ее кино все-таки женское. Персонажи хлопают носом. Говорят прерывающимся голосом. Сидят с застывшими лицами. Смотрят проникновенно — прямо в глаза. Тонко чувствуют. Женщины. Мужчины. На секунду отвернешься, на экран глядь — а он уже прослезился. А матерая вроде образина. Иногда впечатление, что актрисы играют не только женские, но и мужские роли. Возникает непредусмотренная авторами ассоциация с «Тутси», только наоборот, наизнанку. Персонажи — не с накладными бюстами, а с накладными членами. Но и те в конце ломаются, осознают и, само собой, плачут. «Месть» то становится мелодрамой, то опять драмой. И опять мелодрамой. Покачивается между мокрым местом и посуше. Сцена с истерикой обязательна в каждом ее фильме и выполняет функцию кульминации.

Сюзанна Бир идеалистка. В ее фильмах почти нет откровенных моральных уродов. Точнее, один какой-нибудь жлоб осторожно вставлен пинцетом, но только как исключение. Для того чтобы остальных сделать еще более хорошими. В «Мести» это тот самый механик. Кристиан подговаривает Элиаса взорвать его машину. Поскольку соплежуйский папа Элиаса бить механика отказывается. Папа считает, что механик уже наказан. Тем, что он жлоб. Фильм сталкивает лбами сторонников и противников насилия. Это Кристиан виноват, что Элиас на той бомбе взрывается, кричат одни. И месть, мол, бесперспективна, а человек, вставший на ее путь, должен быть готов ко всем возможным вариантам. Другие

им доказывают, что сам папа и виноват. Это он своим непротивлением спровоцировал мальчишек взять инициативу в свои руки. А все могло закончиться обыкновенной бытовой дракой.

Смотреть «Месть» трудно. Иногда неприятно. Но она заставляет думать. Такого кино почти не осталось. Кинотеатры заполонил инфантилизм. Нудноватость Сюзанны Бир — это хороший знак. Знак основательности. Серьезности намерения поговорить по душам. Не только чадам, но и родителям нужны свои режиссеры. А то потребность интеллигентных людей подумать и попереживать о чем-то своем, «взрослом», задвинута кинокомиксами куда-то в дальний, пыльный угол.

ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2011 СИВАН 5771 – 6(230)

САВЕЛИЙ ЭФРОН:

I, состоявшее в том, что всякое еврейское общество обязывалось неукоснительно доставить требуемый контингент солдат-евреев для пополнения состава русского войска. <...> К отбыванию воинской повинности евреи впервые были привлечены в России в 1844 году. Император Николай I не любил евреев. Но надо отдать ему справедливость, — не любя их, он все же пекся о них как о своих подданных: он расширил их права в местах их пребывания (в черте оседлости), открыл для них школы, насильно загонял их в эти школы; заставлял их переменить свой внешний вид: подстригал им пейсы при посредстве полицейских на улицах и площадях; укорачивал им «лапсердаки», опять-таки при полицейской помощи. Одним словом, он стремился просветить евреев, уничтожить их обособленность и сделать их полезными и терпимыми подданными. Поступая так, он желал, чтобы евреи несли и все обязанности русских подданных. И в 1844 году он привлек их к исполнению воинской повинности. Прошло около десяти лет, и закон этот остался почти мертвой буквой: евреи не доставляли и 12 процентов того количества солдат, какое с них требовалось. Да что и за солдаты были те 12 процентов, которые они доставляли; это была никуда не годная дрянь: старики, кривые, хромые, чахоточные, — одно горе, а не солдаты. Как ни бились с кагалами, какие меры ни предпринимались против кагалов, — ничто не помогло. Тогда-то и последовал вышеупомянутый указ.

Осуществление этого указа сопровождалось ужасами неслыханными, но в них правительство не было уж виновато, а были виноваты еврейские кагалы. Кагалы организовали многочисленные банды «хаперов» (ловцов) и рассылали их в соседние города и местечки ловить взрослых и детей. Ловцы врываются в дома и, случалось, забирали целые семьи. Хотя закон предоставил им забирать только беспаспортных, но хаперы этим не стеснялись: паспорта отнимались и уничтожались. Больше всего хватали детей, с ними было меньше возни. Разумеется, хаперам во многих случаях оказывали сопротивление, от них отбивались, как от разбойников; в стычках с ними доходили иногда до увечий с той и другой стороны. Но хаперы являлись по большей части врасплох, вооруженные дубинами, и быстро справлялись со своими жертвами.

Вышеприведенный указ императора Николая I застал нашу семью в местечке Молодечно. Отец мой тогда уж потерял свое состояние и поступил на службу к своему дяде, подрядчику по строительной части. В Молодечно дядя взял с торгов подряд перестройки здания какого-то учебного заведения, которая продолжалась более двух лет. Какого учебного заведения здание перестраивалось, — в точности не помню. Должно быть, это было здание католической семинарии. Думаю я так потому, что смутно припоминаются мне юноши, одетые в черное, которые гуляли по большому двору и, как теперь их себе представляю, это были семинаристы. И что это были католики — для меня несомненно. В памяти моей запечатлелось, что некоторые из них ко мне хорошо относились: заговаривали со мной, давали мне груши, яблоки, забавлялись мной...

— Шейке, ходь тут, — раздается до сих пор в моих ушах призыв семинариста, а я на это отвечал:

— Их гей (иду)... — И храбро ковылял к приятелю.

Матери моей не нравилась эта дружба моя с паничами. Она боялась, чтоб они меня не «отрефили»: чтоб не вымазали мне губы салом или не накормили колбасой. Это и случалось несколько раз. В первом случае, т. е. когда мне мазали губы свиным салом, — мать вытирала мне их до крови; а во втором случае, — когда накормят колбасой, — давала мне в большом количестве касторку и тоже до крови терла мне губы, язык и небо. Слезы мои ее не трогали, хотя она меня очень любила; понятно, она еще больше любила Б-га и Его законы: она желала меня иметь «кошерным», а не «трефным».

У моей матери было свое занятие. Она держала в аренду право пропинаций (торговлю водкой). Водка у нас продавалась только на вынос и только ведрами и гарнцами (четвертями). Покупателями были держатели постоянных дворов и шинков; частным лицам не продавали. Торговля, главным образом, начиналась в полдень и продолжалась часа два; остальное время было тихо. Таким образом, мать не особенно тяготилась своей торговлей, и у нее было много свободного времени для хозяйства. Отец с утра до вечера был занят на постройке. Он вставал очень рано, часа за два до начала работы на постройке, чтобы иметь возможность не спеша справиться с утренней молитвой, которая отнимала у него около часа времени, почитать главу из Библии, отдел Мишны, лист Талмуда. Затем он спешно завтракал и отправлялся на постройку. Мать вставала, когда отец уж давно уходил.

Мы занимали целый домик, состоявший из передней и примыкающей к ней кухни и трех комнат. Первая комната была очень большая и имела пять окон. В ней мебели почти не было, в ней и не жили. Направо от входа, у стены, на низеньких подставках в ряд лежали до десяти громадных бочек с медными, блестящими, как золото, кранами, наполненных водкой и спиртом. Под каждым краном стоял медный таз, в каковой из неисправного крана каплями падали спирт и водка, отчего воздух в этой комнате стоял тяжелый, опьяняющий.

Вторая комната, тоже довольно большая, служила нам столовой, гостиной, залой и спальней нашему приказчику Боруху и мне. В последней комнате спали отец, мать и двухлетний брат мой, Янкельке.

И вот, однажды, — это было в пятницу, — когда отец произносил молитву «шмейне-эсре», вдруг с шумом и треском раскрылась внутренняя дверь, и мать моя, полураздетая, без парика, с распущенными волосами, словно ураган, ворвалась к нам с плачем и криком.

Она прямо бросилась ко мне, обхватила обеими руками, приподняла и так крепко прижала к своей груди, что кости мои захрустели и мне стало больно.

— Не отдам... Не отдам, — рыдая и целуя меня, выкрикивала она, — первенец ты мой... Корона головы моей!.. Жизнь свою отдам, а тебя спасу!.. Спасу!.. Калмен, Калминке! — продолжала она выкрикивать, не спуская меня с рук и все больнее и больнее сжимая меня в своих объятиях, — ой, а грейсе цоре... а цоре а грейсе (большое несчастье... великое несчастье)!..

Отец как стоял, обернувшись к восточной стене, так и продолжал стоять и молиться шепотом, не обращая ни малейшего внимания на выкрики матери.

— Что же ты, Калмен? — еще громче крикнула она и сделала шаг вперед. Но вдруг она остановилась и затихла. — Он произносит «шмейне-эсре»... А я-то, я-то... — прошептала она сокрушенно и быстро удалилась в свою спальню, унеся меня на руках.

Она уложила меня на свою кровать, прикрыла чрез голову периной и шепотом произнесла:

— Лежи тихо, тихо... Не двигайся, не поворачивайся, а то заметят и отнимут тебя у меня...

Мне казалось, что прошла целая вечность, пока мать вспомнила обо мне, освободила от перины, опять взяла на руки, крепко прижимая к груди, и молча понесла к отцу. Я заметил, что за это время она привела в порядок свой костюм, и это подействовало на меня успокоительно.

Отца мы застали в тот момент, когда он задом отходил на три шага от стены и отплевывался, как это и полагается в конце молитвы «шмейне-эсре». Когда он опять приблизился к стене, он наконец обернулся к нам лицом и, укоризненно качая головой, произнес:

— Ах, Хане, Хане, разве это можно? Еврей произносит «шмейне-эсре», и ему помешать!..

— Мой грех!.. Мой грех!.. — ответила мать плачевным голосом. — Но я так напугана, так напугана! Калминке, я очень напугана...

— И она разрыдалась.

— Успокойся, Ханеле... Успокойся, жена моя, и скажи: чем ты напугана?

— У меня было видение... Я видела сон!.. — со стоном произнесла мать. <...> Я видела во сне его!.. Он, он сам явился мне во сне!..

— Кто? Кто явился?..

— Сам равви!.. Гаон Элий...

— Равви Элий, гаон?! — И отец мой, очевидно, смутился.

— Я видела его, как вижу теперь тебя, — быстро заговорила мать, — он тоже был завернут в «талит», на голове его серебряный край «талита» блестел, как золотой венец, а на лбу точно звезда сиял «тфилин»... Он был такой красивый, как ангел... И такой строгий!..

<...> Он наклонился ко мне и сказал: «Хане “эйшес Калмен” (жена Калмана), несчастье грозит твоему дому! Злой “шед” (черт) хочет поразить тебя в самое еврейское твое сердце; он хочет, чтоб ты сделалась несчастной матерью!..

<...> Направит в дом твой хаперов (ловцов), чтобы схватить твоего первенца и отдать его иноверцам!.. Так вот, я пришел предупредить тебя и сказать: оберегай своего первенца, дабы не попал он к иноверцам...»

Мать замолчала и тихо заплакала. Отец точно застыл в страхе.

— Вот что, Хане, — заговорил он после довольно продолжительного молчания. — Мне нужно окончить молитвы; бери с собой Шепенку и уходи в спальню. Да ты не плачь и не очень горюй: Б-г на нашей стороне, если Он предупредил нас о несчастье чрез избранника Своего, гаона равви Элия! Мы примем меры и сбережем наше дитя.

Άάάε Δίηέε á ηάάάείά ΧΙΧ άάά άόηί ηέεόάάάόεý εç έίέά έ. άά ί ηέε «Υόίάάάόε-άηείά ηί έήάί έά ί άόήάά Δίηέε». 1862 άά

Мать присела рядом с отцом, и долго молча думали. <...> Отец тихим шепотом стал излагать разные планы, как спрятать и скрыть меня от хаперов. Мать все качала отрицательно головой и не одобряла его планов. Один из них даже вызвал у нее гневное негодование. Это когда отец предложил спрятать меня в доме архитектора Зарембы, который состоял при казенной нашей постройке и с которым отец очень дружил, т. е. давал ему часто взятки. Мать привскочила даже с места, не ожидая такого невероятного плана отца. Она пришла в негодование и гневно заявила, что скорее согласится собственными руками убить своего первенца, чем поместить его в дом «гоя», где его могут отрешить... Лучше видеть ей своего сына мертвым, чем отрешленным!.. — закричала она.

<...> Когда она успокоилась и утихла, отец заявил, что остается только одно: отбиваться от хаперов.

<...> Было решено, что самых здоровых рабочих по постройке отец уговорит ночевать в первой комнате нашей квартиры. Он пересчитал по пальцам, называя их по имени, и насчитал более двух десятков человек. Это были все силачи, богатыри. С такими силачами не трудно будет отбиться от любой банды хаперов, тем более, когда рабочие будут вооружены палками, дубинами, ломami и кочергами. Конечно, в драке им попадет; некоторые, пожалуй, получат увечья. Ну, их придется вылечивать на свой счет и вознаградить за увечья. <...> Все они придут, как только кончится работа, будут с нами встречать субботу, — мы уж дома помолимся и в синагогу не пойдем, — и останутся у нас до утра...

— Значит, мне на всю эту ораву готовить ужин? — взволнованно перебила мать.

— Непременно, — ответил отец, — как стемнеет, нам ни минуты нельзя без охраны...

— Но где же я наберу столько «хале» (субботный хлеб), да и фаршированной рыбы у меня не хватит для всех... А «цимес», ты думаешь, я успею на всех наготовить?

— Ну, о чем ты хлопочешь, Хане, — успокоил ее отец, — «хале» не хватает, так купи готовые булки; приготовь рубленные селедки, и это сойдет за рыбу... Но «цимес», постарайся, чтобы на всех хватило... И все останутся довольны прекрасным ужином.

— Неприятно мне, но я вынуждена так сделать, — с сокрушением проговорила мать, — но стыд какой!.. Какой стыд! Скажут, что это я от скупости такой непарадный ужин приготовила для встречи субботы!..

— Но ведь будет же «цимес», значит, и парад будет, — утешал отец, — забыл я тебе сказать, — продолжал он, — что Янук и Стас сами вызываются тоже у нас ночевать...

— Ай, как это хорошо!.. Как хорошо!.. Они такие буяны!.. Они умеют драться, как настоящие разбойники. <...> Но куда мы денем этих «орейлим» (необрезанных)? Где же мы их спать положим? Нельзя же эту нечисть поместить в комнате с евреями. И евреи не захотят рядом с ними спать...

— Конечно, не захотят. Делать нечего, скажу Януку и Стасу, чтобы не приходили.

— Ой, Калмен, не делай этого. Пускай Янук и Стас приходят... Я на них больше надеюсь, чем на десятки евреев... Ой, пускай они приходят... Я им и водку дам выпить, и рубленой селедкой накормлю... Я их угощу на славу, и они изувечат хаперов...

— Но где же мы их спать положим? — перебил отец.

— Надо их где-нибудь положить... Придумаем, Калминке... Знаешь, я готова даже нашу спальню предоставить им...

— Ну, этого нельзя.

— Разумеется, нельзя; но если б можно было, я бы не отказалась... — Вдруг мать просияла: — Так мы и сделаем, — продолжала она, — Фрейде (наша кухарка) будет ночевать во второй комнате, Борух перейдет в первую, мы туда перенесем его кровать, а Стас и Янук будут ночевать на кухне... На этом и порешили.

После завтрака отец взял меня с собой на постройку. Евреи-рабочие встретили меня с приветствиями. Столяры дали мне играть стамесками; маляры — кисточками; другие рабочие тоже старались меня развлекать орудиями своего мастерства; и всякий из них почитал своим долгом заявить мне, что бояться не следует, что не дадут меня в обиду и что хаперам несдобровать, если они осмелятся прийти забрать меня. Участие их к моей особе было мне весьма приятно, и я очень весело провел время до окончания работ.

Мы пришли с отцом домой еще засветло. В доме все уже было убрано и готово для встречи субботы.

Еще совсем засветло, только что мать успела зажечь «шабасовые» свечи, явились и рабочие. Все почти в чистых платьях, умытые и причесанные. Начали сейчас же справлять «шабас»: отец, за кантора, пропел «Встречу субботе»; рабочие чинно и умело ему вторили; прочитали вечерние молитвы, помыли руки и сели за стол. Отец на этот раз совершил «кидуш» (освящение субботы), пользуясь не обычным, маленьким серебряным бокалом, наполненным изюмным вином, а бокалом огромных размеров, так что содержимого его хватило для всех, разумеется, по маленькому глотку. Трапеза прошла довольно шумно, но не весело. Мать все время не спускала с меня глаз и тяжело вздыхала; отец, хоть и храбрился, но тоже посматривал на меня с тревогой. Но это не помешало им обоим усиленно потчевать гостей, хотя последние в этом совершенно не нуждались: аппетит у наших гостей был хороший, и каждый из них во славу невесты-субботы старался изо всех сил насыщаться. С одинаковой охотой уничтожали они и фаршированную рыбу, и рубленую селедку, а о «цимес» и говорить нечего...

К концу трапезы пришли Стас и Янук. Мать им очень обрадовалась и повеселела. Это были местные мещане, сжившиеся с евреями, знавшие все еврейские обычаи и праздники и умевшие говорить на еврейском жаргоне, как любой еврей.

— Гут шабес, иден (с доброй субботой, еврей)! — произнесли оба в один голос приветствие. — Спасибо вам, спасибо, — поднялась им мать навстречу. — Вот я вас сейчас угощу... Хорошо угощу, а вы уж хаперов угостите, если они придут, и спасите от них моего сына...

— Будь покойна, хозяйка, угостим хаперов, — ответил Янук. — Так угостим, что не забудут нашего угощения!..

И он вытянул вперед правую руку с огромным сжатым кулаком. И Стас тоже, но молча, показал и свой огромный кулачище.

— У нас и дубины здоровые есть, — добавил Янук. — Ничего, зададим им «цимес»...

Мать с восхищением осмотрела их здоровые кулаки и с радостной улыбкой прислушивалась к словам Янука. — Вы уж постарайтесь для нас, — проговорила она, дружески улыбаясь, — и завтра я вам целую квартиру водки поднесу... Теперь к ужину я вам полквартиры дам... И закуску знатную получите... А вы только постарайтесь...

Лежа в постели, мать с особым усердием, и на этот раз не шепотом, а громко, прочитала «кришме» и настойчиво умоляла ангелов Гавриеля, Михаила и Касриеля не отлучаться во время нашего сна и стоять для охраны нас от «шейдим» и «катлеционим» (чертей и злых духов) на назначаемых им местах: Гавриелю — с правой стороны, Михаелю — с левой, а Касриелю — у изголовья.

Νοσθη εαι οριεου α Ααθερετε αφαιεου α ει. Ι. Α. Αειηαθη Ιαοαθηα 1914 αα Οι οι Ν. Παηαία Οηία Ι ααη Ιαοαθηαηα ααθερεηα εηοιδεη-ηοηαθηα-αηηα Ιαυαηοα Εηεαθηεη οαι οθα «Ιαοαθηαηαυ εαηαεα»

Долго ли мы все мирно спали? Сказать не могу. Проснулся я от страшного шума и крика у матери на руках. Она взяла меня с моей кровати, перенесла на свою, уложила к стене и сама уселась рядом. Она была в одной сорочке, ноги ее были оголены, волосы не прикрыты и распущены, глаза заплаканы. Она то прислушивалась к шуму и крику, то ощупывала меня руками, чтобы убедиться, что я на месте, при ней, цел и невредим, вздыхала, шевелила губами, вероятно, молилась, и слезы неудержимо лились из глаз ее. Послышался звук ключа в двери спальни, дверь открылась, и на пороге появился отец. Он был бледен, без ермолки на голове, на лбу его был большой шрам и из него сочилась кровь, которой было испачкано все лицо, руки его тоже были испачканы кровью, платье на нем было во многих местах изорвано, но, тем не менее, он весело улыбался и ликующе проговорил:

— Б-г помог, отбились!..

— Но, Калминке, в каком ты виде!.. — возбужденно крикнула мать и ринулась к нему.

— А ты в хорошем виде? — с усмешкой, ласково отстранил он от себя мать. — Раздетая, с непокрытой головой... Разве так подобает благочестивой еврейке...

Мать бросилась к своим платьям, но не успела справиться со своим туалетом, как в спальню вошли Янук и Стас.

— Ай, ай, ай!.. Вей мир!... — закричала мать. — Уходите!.. Уходите!..

— Постой, хозяйка, не гони нас!.. — сказал Янук. — Мы твоего сына отстояли <...> Ты нам обещала бутылку водки...

— Уходите и подождите в той комнате, — вмешался отец. — Срам какой, не видите, что она не одета?..

— Ну, какой тут срам, — сказал Янук. — Тут чужих нет; а мы — свои...

Все-таки они ушли в другую комнату. Когда мать оделась, она вышла к ним и дала водку. Отец помылся, переделался и вообще привел себя в надлежащий вид.

— Расскажи, Калминке, что там было?

Отец рассказал.

Хаперы выбили окно и ворвались в первую комнату. Они потушили «шабасовую» свечу и в темноте хотели перевязать всех рабочих, которые после сытного ужина крепко спали. Двух они успели так крепко связать, что их только после драки развязали. Янук и Стас услышали шум и пришли со свечкой; они успели как раз вовремя, так как, когда одни из хаперов перевязывали спящих, другие собирались выломать двери, чтоб забраться в спальню. Первым делом Стас своей дубиной прогнал хаперов от двери и начал с ними драться, а Янук поднял большой крик, и все евреи проснулись. Свечка была потушена. Дрались впотьмах и кто кого бил — неизвестно; попадало и своим от своих. Ничего разобрать нельзя было в темноте... Стас все время стоял спиной к двери и охранял ее. Если кто-нибудь подходил, он бил его дубиной и гнал прочь. От него здорово досталось многим. К нему кто-то подкрался и схватил его дубину обеими руками, но Стас держался за нее крепко, хотя противник вывихнул ему левую руку. На помощь Стасу подоспел Янук и ломом ударил хапера так сильно по ногам, что раздробил ему кости. Раненый так закричал от боли, что все испугались и перестали драться. Янук зажег свечку. У самых дверей лежал хапер с переломанной ногой и стонал. Это был Симха-Бер, известный силач и главный хапер, распорядитель банды. Тогда все хаперы очень перепугались и убежали. Симхе-Беру перевязали ногу и перенесли в кухню, там он и остался лежать...

— Ой, Калмен, его надо выбросить на улицу, — перебила мать рассказ. — Пускай он там околет, как собака, а не в нашем доме...

— Что ты, что ты, Хане, — возразил отец. — Симха-Бер все же еврей, а еврея оставить в таком положении грех!..

— Но он разбойник!.. Он хапер!.. — не унималась мать. — Он грешник!..

— За грехи свои и разбой он даст ответ Б-гу... И почему мы знаем? Он может еще раскаться и умереть смертью праведника... Ведь еврей все-таки остается евреем...

Мать притихла и больше не настаивала на своем: с резонами отца не могла она не согласиться.

Все местечко было поражено событием в нашем доме. Но не тем, что на наш дом напали хаперы, это было в то время обычно, а тем, что Элий-гаон явился матери во сне и предупредил ее о готовящемся несчастье. Евреи усмотрели в этом великое знамение для моей будущности и полагали, что мне предназначено стать со временем великим во Израиле. И мать моя охотно этому верила, и, кажется, еще больше полюбила меня, чем раньше. Таким образом, становится понятным, почему она возненавидела Янука, который, считая себя главным моим спасителем от хаперов, — а ведь так оно и было, — позволял себе обращаться со мной при частых встречах запросто, чуть ли не запанибрата и не иначе называл меня, как — племянничек Шепинке!..

— Он унижает наше дитя, — со слезами жаловалась она отцу. — Как смеет этот «орел» (необрезанный) называть племянником будущее светило во Израиле!..

Она пробовала подкупать Янука водкой и умоляла его, чтоб не называл меня племянником; но Янук угощался ее водкой охотно, а меня продолжал называть Шепинкой-племянничком... Изувечение первой партии хаперов в нашем доме отбило охоту и у других напасть на него. Тем более, когда всем было известно, что знаменитые силачи Янук со Стасом перебрались на жительство к нам на кухню и неусыпно охраняют меня.

Окончу рассказ о моем спасении от рекрутчины, благодаря заступничеству равви Элия-гаона, тем, что передам вкратце о дальнейшей судьбе хапера Симхи-Бера.

Долго он пролежал больной у нас на кухне. За ним, как за братом, усердно ухаживали Янук и Стас. Впрочем, и мать часто навещала его, пригласила к нему костоправа и кормила его самыми лучшими кусками с нашего стола. Когда он выздоровел, то оказался калекой на всю жизнь. Без костылей он не мог сделать ни шагу. Деться ему было некуда, и он так и остался жить у нас до конца дней своих. <...> Он стал выдирать нитки из шерсти и прясть лен; из ниток он нарезал священные пучки «цицис» и продавал. Занятие, нельзя сказать, чтоб было особенно прибыльное, но зато весьма почтенное. Это почтенное занятие примирило с ним окружающих и к нему стали относиться все лучше и лучше. Отец даже распорядился, чтоб он обедал и ужинал с нами за общим столом, а не на кухне, как до тех пор. <...> Работал он по целым дням почти без перерывов; первое время — молча; потом стал тихо подпевать себе разные духовные молитвы. Голос у него был приятный. Как-то раз кухарка попросила его спеть громко; он согласился и запел так задушевно и красиво, что мать, услышав издали его пение, отправилась к нему на кухню и долго там пробыла и все слушала его пение. С тех пор стал он громко петь не только на кухне, но и за нашим столом, за нашими торжественными трапезами по субботам и праздникам. <...> Словом, он сделался заправским членом нашей семьи, и мы все к нему и он ко всем нам привязались, и полюбили мы его и он нас.

Однако ж за год до своей смерти он пожелал переселиться в «бет-мидраш» (молитвенный дом), чтобы замолить грехи юности. В «бет-мидраше» он и умер и завещал оставшиеся после него 137 рублей, за вычетом пятидесяти рублей на похороны, сиротке-девушке, которая жила в нашем доме и воспитывалась моей матерью, на приданое.

Предсказание отца моего относительно Симхи-Бера, таким образом, сбылось: кончина его была праведная, и бывший хапер отошел в вечность с честью.

Публикация Людмилы Поликовской

Очерк опубликован в: Исторический вестник. Т. 113. 1913, № 8. С. 495–513. Мы публикуем его первую часть, с сокращениями. Достоверность описываемых событий местами может быть подвергнута сомнению, но местами подтверждается другими еврейскими мемуарами. Ср.: [Котик Е. Мои воспоминания](#). СПб.—М.—Иерусалим, 2009. С. 134–140.

ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2011 СИВАН 5771 – 6(230)

КНИЖНЫЙ ШКАФ ХАИМА БЕЭРА

סֵפֶר הַיַּחַד לְחַיִּים

È óòò ì íá ááðÿòíí, ñááááò ìÿÿíèòü ìí-áì ó ì ÿÿ ì áðáííá-áéüíí ì áááò è áí áÿ áááèòéÿ áááò áÿéá, ñéíáíí ì áéá-éí ì á èò-áì è ñéíòá, è ÿ ñ ò áéíè áðíáíí ñòüð ì íòáé áì ó ì áááò ðá-á

Áÿÿééé, áéÿ éíá ðáéí óá ÿáéÿáðíÿ è ñòí-íééíí ðéòðíá è ò áéííó çíáéíá — á ì áò è ðáò è éé ì áí áí ðáííééáì è ì í ò áéáòíí ó ì áí òí áááééí ì áí éáçáé ì í á ÷òí ðííòü çíáí áíá, éáé è ì ÿÿ, ì ðíòéá á ñòáíáò ááéò ì éáðáóá, — ì íéí áò, ÷òí ñ-áò áí éá «ñ ì ííòíí è ááíüáí è» — ì á ì ðíòíí ðéáðá ðá-é, éí ò ì ðíé áááðÿüéé è ðéðáóááò ñáíé ñéíáá, ì í ðíéíáíí ùé çíáé, è áçíááðüéé ì á ì áéí éç áðáí áò è-í áéò èò ÿíèçíáíá Ááí áðü. Á ì á-áéá ó ì áá ááá, ì éí ò ì ðíí ðáííéáçíáááðíÿ á ò áéò áò á ðíò á-ðáíá, áááé Éáíòóá áííòóíéé è, éáé áéáíí, ì ò í ðáü ì á ááçííí ì ááò áéüíí, ì ðíòéá ááááíá Ááí ééÿéÿ è çáÿáéé, ÷òí ì áüÿáéáíí ùé Ì ááííááò áéáíí ñáí áááðéíá ááíüííáíí áíÿ-üÿ, ì ò ò í-ííá ì í ðáááéáíí éÿ éí ò ì ðíá çáéíÿò èí-éíéáíí éÿ áíá ñáÿòüò è ì ðáçíé-íüò áíáé áÿáóáíáá ááá, áüé ì í ðááéáíí ì áááíí, ì ííéíéüé ñáí áááðéí è ááááíí Ááí ééÿéü éíííáééé éç ì í éáçáí éé ááóò éçáííéááò áéáé, è ò á ááéé èò á çáééóéáíí éá ááááíí Ááí ééÿéü áííáíá-òí çíáé, ÷òí ááá ò ì ááðéü ì ðáá, ì í éç ì áííüéÿ, ÷òí ÿòíò ñéò-áé ì í áéò ì í éíéáááòü ááá ááòíðéòáò Ì áááííááò áéÿ ñáá, ááééé ì ááéÿáíí áí éáçáòü, ÷òí ñáéáíí ì í á ì áðíáòü è ì ðáííòá çá íéí, á ì íòíí ó ì ðééáçáé áááé Éáíòóá, ì óáðáó, áí éáá ì ááá ñááóáíáí ó á ðíðá, ÿáéòüÿ è ì áí ó ñ ì ííòíí è ááíüáí è á óíò ñáí ùé ááíü éí ò ì ðíé ì í áá, áááé Éáíòóá, ááá-áóò áí éáéáí áüòü Éíí Ééííòíí. Ñí è ááííá óáíò áéá áááé Éáíòóá ì í ì áí ðááéáíí éç è ááíá, áááá, ááá ðáçí áüáéíÿ ñáá, á óíò ñáí ùé ñáÿòé è ì ò í-á-áííüé ì í í áááðáíí çáíðáòíá ááíü ñò ááééé ì í áí éá ááááíá Ááí ééÿéÿ áóáíé-íüí, ÿáéÿáðíÿ ñ ò áá ì ð ÿð-áéòéí ì ðéíáðíí ì í á-éíáíéÿ ÷áéíé áí éá ì áðáçííí ááíí ðáéííéíáííá ì í áéííáíéÿ [3].

Далее описана встреча Зусмана с героем, которая разыгрывается по намеченному в телефонном разговоре талмудическому сценарию, причем обмен памятными с юности репликами напоминает автору старые шпионские фильмы, когда «железя окончательно удостовериться, что на встречу пришел верный человек, прикладывают свою половину долларовой купюры к половине купюры незнакомца».

Зусман оказывается миллионером, который для души два раза в год организует закрытые симпозиумы, приглашая, за свой счет, разумеется, видных гуманитариев. Так герой романа попал в Берлин, пережил там то, что пережил, и по следам пережитого написал предлагаемую нашему вниманию книгу.

Темой этого романа с двоящимся названием стали размышления о судьбе еврейских книг и их читателей. Одним из импульсов к его написанию послужил мемориал «Библиотека», выполненный дизайнером Михой Ульманом в память о сожжении книг ночью 10 мая 1933 года. Идущий по Бебельплац в Берлине вдруг видит под ногами подсвеченное прямоугольное окно, позволяющее заглянуть в глубокое подземное помещение, по стенам которого тянутся пустые книжные полки. Фото этой «Библиотеки» с отражающимся в окне бело-голубым небом украшает обложку романа. Герой Хаим Беэр знакомится в Берлине с библиофилом Шломо Рапопортом, возможно, потомком собирателя еврейского фольклора С. Анского[4]; отрывки из дневника экспедиции Ан-ского обильно уснащают книгу. Эти двое, как и другие персонажи романа, беседуют о еврейском книжном наследии и о том, есть ли у него наследники, а если есть, то кто.

Тема эта не нова. Классик идишской литературы Менделе Мойхер-Сфорим в Одессе начала XX века, печально оглядывая домашнюю библиотеку, называл свои книги мертвецами. Исаак Башевис Зингер в одном из рассказов описал коробки с ожидающими ножа еврейскими книгами, вынесенными из местного еврейского клуба в Аргентине. Бялик, выступивший с программой по сохранению и популяризации еврейской литературы прошлого, посвятил еврейским книгам проникновенное стихотворение «Перед книжным шкафом» (1910), герой которого, возвращенный на библиотеке бейт мидраша, по прошествии лет вновь встречается с книгами своей юности:

*Í ðéáíò ò ááíá, òðáí è ò áéüíí áðáíí èò ñáéò éíá!
ðáíé ì ùéüíí ùé ééáá ì ÿòü ò áéòð ì áéííí...
Áóóá ááðí ééáíí ñí ñò ðí áí á ÷áééíí;
Áðíáé, éáé áéóáíí ñò ðáíí ñò áí áááééé áí éá,
Í í á ñò ó-èòíÿ á áááðü ðíáííá áíí á
ðíáííá ñáéò éé! Ñí ì áá ñ ááí è ÿ,*

Í è ò ì ï äö äàø, ï ò ï è ðà ï ò ðà: áí í ú é.
Ó á ï! È ç ä ï ò ð ï ï é ï ó í ú ò á é ä á ç ä ï è è
È è ø ï ä ï ï á í è ò ï ï ÿ ï í ç í à è à þ í ï ò ï ÿ;
Á ï ï ä ä ï ï á ú è è ï í á á ð ä ç ä ð ä é ä ò à,
Á í ï: ï ç è ï í þ þ — ä ð ÿ: è ï è ç ä é í ä ä ï ï;
È ÿ ï ð è á ú é ò ð ä í è ò ï ï ï ä ä ï ä à ø è ò ï ò ð ï é
Ì í á á í ä ò ï ò ä ï — ä ð ä ç ï í ï ä ÿ ò ú í á <...>
Ó á ï, ï ï è í ä ï ò ä ä í è è è! ï ï í é í é í á
Á ø ø à ï ï ÿ, è ä ç í ð í á ø ä è ä æ í á í...
È ä é í è ä ÿ ä é ú — ø ç í à ò ú ä ä ï í á ï í ä ÿ ÿ;
È ç ä à ø è ò á ø é ä í ï ò ä ð ò ï, í á ä ÿ ä ÿ ò
Í à ä í í ï í ä é ä ø ø æ è ä ä í á í: è,
È ç í ø: á í ú á í: è ï ò ä ð è é í ä;
È í ï í á í ò ò ø ä ä í á ä í ð í ä è ò ø ä í ò ò
È ï ï ø ø è ò ø ï ò, ä í ð ï í: ø ï è ò á ï í ä è ä ò
Ì í á è ä æ ä ä ÿ ï ò ð ï é ä — æ ä ï: ø æ é í: ä ð í ú ò
ð ä ï ï ï í ä í ä ÿ í è ò ï ï ò ð ä í è ø ú — ä ä í ä ï,
Á: ò í í è á ø é ä ä — ä ä ä í ä ÿ ï è ð ï ò è ä
Í ï ï ä ð è ï í è ä ç í ð, è ï ï ä ä ä è ï í è ï è ø ï,
È è ï ä ï è ï ò è ä è è, ä ï, ï ï í ú ä ä ï ï ä ð ò ï ÿ ÿ.
È í á ç ä ï è ä ä ä ï ä í è ï ø á ä í è è í á ò... [5]

Реальный Хаим Беэр тоже озабоченно всматривается в будущее израильской культуры. «Я не постсионист, я сионист трепещущий», — говорит он, прибегая к каламбуру, ведь харед («трепещущий») — это и один из харедим, облаченных в черное ортодоксов. И поясняет, что, будучи в Гарварде, в США, посетил еврейский книжный фонд Чарльза Берлина, человека, собирающего книги и печатные артефакты (афиши, приглашения на свадьбу), выпущенные в Израиле после 1948 года. «Я понял, что более-менее явно он готовит запасную коллекцию на случай исчезновения основной. И просто не мог не задаться жутким вопросом: неужели в один прекрасный день Государство Израиль прекратит свое существование и единственное, что останется, — это коллекция Берлина, зеркало?»[6] И далее писатель продолжает:

В іа і іао аеəəу н і ііаіе Оіа еєє ђоаі [7]. І і ґ, еііа:іі аа і іііаіі аеəəу еае іа і іеə аааə аііі еəа і ђаəаііаəу а ееііеє, а оа — а ааі:еə В і іііаі і ђаəаəеəу ііа і іаіа еəаеіууіеіа еəо ґəе :аіа іоі, еіаа і і іоаіаə іаеі аііі а іоəаііуі аеəеаі. Ғаііі аəаə і:аіуі і іа еі ііоəаііуə ааі:еə, е іеəеə аіііеаі еґ а іəаіеу іоəаіу оəо іа і і іаə. А оаеəа аəае еі ііоəаііуə ааі:еə, і ђаеəаіуеə а іаіуə аеііаə ђаеііаə ђаеі:Ааеа е і ђаеəаі і аііууеə іа еаеəа Е ґəеііу оіаа аіаіо ііа еаі оа іа аііу аеа і ђіііе і і еəəəе, еі оіаа, а іəе:еа іо аіі і ђаəаііаəу аі еі аеє, іа аеəаə ђаіоаіууу, е іа ааеіі, і ђіііаеə еє ґəі аіаііаеа а і оəаііа і о:аеаі еґ, :аііаа аеіу еє іо ґііоє. Ііе іа іоаіу ірəу аііаеəу і і-аііе. <...> Аіі і аі ґəуу аеəаеіі і іа аааə, е і аі ґəі аіі і еіеə. О і аі ґ а аеəə еєр:е, і іаеіі іааəу :оі ґ — аеəеіоаеаі еєуоəу, е а ґəі еа:аіаа ґ іуəаі і оəаіоаі і іоу еае аəаі аіа аіа іоу а аеəеіоаеа, е ґ іа іі ааеəаі іау, еіі о ґ а і ааіаі, і і ґ іі ааеəаі іау: а ааіо еє о іаа аііауа :еəəəе?

Эти страхи и этот взгляд на еврейский книжный шкаф, оставшийся без читателей, побуждают Хаима Беэра стать культуртрегером. Он плотно начинает последние два романа цитатами из талмудической и хасидской литературы, рассказывает — всегда к месту, как насущно необходимое для развития сюжета — о еврейских книгах и их авторах, приводит комментарии к хрестоматийным стихам Писания.

В последнем, пленившем читателей романе Беэра повествуется о поездке в Тибет хасидского цадика, имеющего двор в Бней-Браке, но родившегося в США. Необходимость выстроить родословие героя позволяет писателю немного рассказать о Якове-Ицхаке, Люблинском провидце, и рабби Якове-Ицхаке из Пшиски, по прозвищу Еврей, а также инкрустировать в роман хасидские истории. Наш цадик, естественно, путешествует инкогнито, на деньги одного еврея из своей паствы, международного торговца алмазами. Сорокасемилетний хасидский пастырь углубляется в горы Тибета с целью получить еще одно Откровение, помимо нескольких явленных ему во сне мистических тайн, символом которых служит золоторунный як.

И здесь тоже, как, впрочем, во всех его романах, эпизодически появляется Хаим Беэр, подобно Хичкоку, мелькающему на экране в своих фильмах. Именно Беэр, светский знаток еврейских религиозных книг, обращает на себя внимание героини в гомогенно выглядящей толпе жителей нынешнего Бней-Брака и позволяет сюжету прийти к логическому завершению.

перефразирует стих из книги Коелет [1:6], и его можно перевести как «Туда, куда идет ветер», но также: «Туда, куда идет дух»; 2010). О последнем романе см. также статью Е. Римон «Удивительное путешествие рабби Яакова-Ицхака в поисках Золотого Яка» в: Лехаим. 2010. № 12.

[2]. Беэр Х. Гам ааватам, гам синатам [И их любовь, и их ненависть]. Тель-Авив: Ам Овед, 1992.

[3]. Беэр Х. Лифней а-маком. Тель-Авив: Ам Овед, 2007. С. 10–12. (Перевод мой.)

[4]. С. Ан-ский (Шломо [Семен Акимович] Раппопорт; 1863–1920) — участник Еврейского историко-этнографического общества, литератор. Автор знаменитой пьесы «Дибук», которая в переводе на иврит Бялика стала визитной карточкой театра «Габима». Накануне первой мировой войны С. Ан-ский организовал и предпринял этнографическую экспедицию по местечкам Подолии и Волыни (на средства барона В. Гинцбурга), в ходе которой были проведены обширные полевые исследования, собраны редкие еврейские книги и рукописи, записан устный фольклор.

[5]. Бялик Х.-Н. Перед книжным шкафом / Пер. с иврита Осипа Румера // Бялик Х.-Н. Стихи и поэмы. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1994. С. 127, 129.

[6]. Кулану бадханей тарбут [Все мы тут потешаем публику от лица культуры] — Веред Ли интервьюирует Хаима Беэра // А-Арец: Сфарим, 5 сент. 2007.

[7]. Катастрофа (ивр., идиш).

[8]. Х. Беэр. Эль маком ше-а-руах олах. Тель-Авив: Ам Овед, 2010. С. 169–170. (Перевод мой.)

[9]. См. мою публикацию «Загадка четырех вопросов: стиль Агнона и муки переводчика» // Лехаим. 2011. № 2. С. 32.

[10]. Чета Рахлевских, родителей писателя, похоронена на кладбище в поселке Наалаль, неподалеку от могил родителей писателя Меира Шалева. Там же могила израильского астронавта Илана Рамона (1954–2003).

[11]. Ш.-Й. Агнон. Ореах ната ла-лун [Гость на одну ночь; 1939].

[12]. Хевер Х., Шварц И. А-сефер аль а-сефер аль а-сефер шело нихтав [Книга о книге о книге, которая не была написана] // А-Арец: Сфарим, 24 сент. 2007.

[13]. Агнон Ш.-Й. Ореах ната ла-лун. Иерусалим: Шокен, 1976. С. 440.

[14]. Фиш Г. Очерки современной израильской литературы / Пер. с англ. М. Грузера. М.–Иерусалим: ЕУМ, 1994. С. 35.

[15]. Кулану бадханей тарбут...

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ:

«ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ВЫИГРАННАЯ СТЫЧКА»

Αἰνῶς αἰνῶς ἰ εὐαεὲ Ὑαεῖτοὸ αἰεῖ

МИХАИЛ ЭДЕЛЬШТЕЙН:

Был ли Бен-Ладен тем лидером «Аль-Каиды», каким мы его себе представляем? Что реально изменится после его устранения?

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ:

На сегодняшний день «Аль-Каида» — это сетевая структура. Лидеры национальных или даже региональных организаций сами принимают решение об операциях, сами ищут финансирование, вербуют новых членов. Невозможно представить, чтобы указания кого-то из высокого начальства были обязательны для «Аль-Каиды», скажем, исламского Магриба или Йемена. Ячейки не связаны друг с другом, именно поэтому они и устойчивы. В том и величие Бен-Ладена, что он создал гибкую систему, с множеством лидеров.

Но все же то, что он погиб, — это хорошо, потому что погиб символ. Бен-Ладен был своего рода манком для тысяч и тысяч молодых людей по всему миру. Те из них, кто живет на Западе, выбирая между революционной романтикой и скучной семейной жизнью, теперь, возможно, выберут семейную жизнь и не менее скучную карьеру. Другое дело, что для тех, кто уже вовлечен в террористическую или в партизанско-диверсионную деятельность в Ираке, Афганистане, Пакистане, ничего не изменится, потому что для них не существует двух сторон медали, их видение одномерно. Но тем не менее это серьезный удар по терроризму.

МЭ:

Велика ли вероятность, что новый руководитель «Аль-Каиды» Абу Яхья аль-Либи станет для радикальных исламистов таким же манком, каким был Бен-Ладен?

ЕС:

Таким манком не станет никто. Невозможно заменить символ. Никто не мог заменить Мао, Гитлера, Сталина. Вы можете стать вторым или третьим, десятым или сотым, но вы не можете стать первым, не можете стать основателем системы. Так что роль Бен-Ладена, конечно, абсолютно уникальна.

МЭ:

А как случилось, что аль-Либи «съел» Аймана аз-Завахири, хотя тот вроде бы считался естественным преемником Бен-Ладена, человеком номер два в «Аль-Каиде»?

ЕС:

Аз-Завахири слишком умный, его не любят: за умничанье, за высоколобость, за теоретизирование. Аль-Либи намного более харизматичен, хотя куда менее подкован теоретически, в том числе в исламе.

Кроме того, аз-Завахири был сторонником игр в первую очередь в арабском мире — за счет снижения активности за его пределами. Власть на территории Саудовской Аравии и малых монархий Персидского залива, Египта или Алжира значила для него гораздо больше, чем нанесение ударов по миру джихада. Аль-Либи, как и Бен-Ладен, всегда был куда большим «глобалистом». Не исключено, что спонсоры «Аль-Каиды», которых в Персидском заливе немало, достаточно серьезно повлияли на продвижение кандидатуры аль-Либи. Ведь «Аль-Каида» нужна им для сброса пара и как инструмент реализации своих интересов за пределами собственных монархий — а вовсе не как инструмент отрешения их самих от власти.

МЭ:

Все ли мы знаем про гибель Бен-Ладена?

ЕС:

Конечно, нет. Вопросов здесь значительно больше, чем ответов, и все неубедительные рассказы пакистанского руководства только увеличивают их число. Кто покровительствовал Бен-Ладену в Пакистане? Почему и сколько лет он существовал на комфортабельной вилле в нескольких сотнях метров от Военной академии Пакистана? Каким образом функционирует система связи между пакистанской спецслужбой ISI и «Аль-Каидой»? Кого еще курируют эти люди? В результате какой договоренности между американцами и пакистанским руководством мы получили извещение о смерти Бен-Ладена? Почему его тело было сброшено в море с такой поспешностью? Есть версия, что он просто помер от почечной недостаточности, полежал немного в холодильнике, а после скандала между пакистанцами и американскими спецслужбами был сдан американцам в качестве своеобразного аргумента. В любом случае какая-то сделка имела место: как иначе объяснить, что американские вертолеты садятся в закрытой зоне недалеко от Исламабада, притом что пакистанские военные даже залет на свою территорию беспилотников из Афганистана воспринимали чрезвычайно болезненно? А ведь Пакистан — это страна, армия которой готова к войне с Индией. Это означает, что ВВС у Пакистана замечательные, а система ПВО отлажена до идеального состояния, потому что Пакистану надо закрывать свои ядерные боезаряды и ядерные объекты, которые разбросаны по всей стране.

В общем, мы многого не знаем и не понимаем. Ясно, что найдено хоть какое-то оправдание для рейда американцев в Афганистан и Обама получил возможность вывести свои войска: Буш их завел, чтобы достать Бен-Ладена, мы его достали и теперь уходим. Возможно, сдача Афганистана талибам изначально была частью этой игры, и это уже проблема России и центральноазиатских стран, потому что мы возвращаемся к схеме «Северный альянс против талибов» — не умеренных талибов, которых не существует, а самых обыкновенных. Талибов без муллы Омара и «алькаидистов» в качестве пугала, зато с мегапроизводством наркотиков: если говорить о героине, то это то ли 95, то ли 98% мирового потребления.

МЭ:

А Афганистан сдастся талибам?

ЕС:

Афганистан однозначно сдастся талибам. Операции в Кандагаре, в Гильменде, в других провинциях показали, что это просто пиаровские акции. Значительная часть войск НАТО в Афганистане не ведет боевых действий — скажем, бундесвер занят там гуманитарной деятельностью, а вовсе не войной. Воюет так называемый англо-саксонский альянс: американцы, англичане, немного им помогали канадцы и новозеландский спецназ. Афганистан показал, что блок НАТО как военная структура недееспособен, — впрочем, операция в Ливии продемонстрировала это еще более явно. Стало понятно, что Америку практически нельзя рассматривать как империалистическую державу, способную вести серьезную войну. Скандал, с которым ушел генерал Стэнли МакКристал, предшественник Дэвида Петрэуса на посту командующего международными силами в Афганистане, высказавший все, что он думает, о взаимоотношениях Госдепартамента и Пентагона, ЦРУ и вице-президента Байдена, — этот скандал рисует совсем уж неприглядную картину. Это даже не развал, а полная анархия: с жестким противостоянием госструктур, с коррупцией и прямым воровством в огромных размерах, с абсолютной неэффективностью, с основным стремлением не дай Б-г не задеть ничего лишнего — например, наркопроизводство и наркоторговлю, в которых завязано все руководство Афганистана. Поэтому территория государства не управляется никаким правительством вообще. Хамид Карзай не является легитимным руководителем страны для подавляющего большинства ее населения, и в этом плане уж лучше было бы оставлять Наджибуллу.

МЭ:

Если продолжить разговор о Пакистане, можем ли мы сказать что-то определенное о том, какова его роль в устранении Бен-Ладена? Пакистанские спецслужбы и армейские чины покровительствовали Бен-Ладену, или «сливали» его американцам, или одни делали то, а другие — другое?

ЕС:

Не исключено, что они делали и то и другое. Ведь что мешает в случае необходимости сдать того, кого вы еще вчера прикрывали? Мы знаем только, что пакистанские спецслужбы весьма профессиональны, что талибы — это их инструмент управления Афганистаном, что нынешний президент Пакистана Асиф Али Зардари, при всей его слабости, — именно тот человек, который в свое время создал талибов, что его предшественник Наваз Шариф поддерживал талибов, как мог, и что все это очень опасно.

МЭ:

А как вы относитесь к мнению, что Бен-Ладен как символ был нужен не столько самой «Аль-Каиде», сколько ее врагам, что это антропоцентричное западное сознание нуждалось в персонификации образа врага и обрело таковую персонификацию в лице Бен-Ладена?

ЕС:

Если крокодил зеленый, то он одновременно вполне может быть плоским. К сожалению, гипертрофированная персонификация мирового зла действительно присуща западному сознанию. В конце концов, все читали Толкиена и другие произведения детской и юношеской литературы. Западная политика в огромной мере инфантильна, этим она отличается от политики Китая, Индии, даже России. В этом инфантилизме, увы, теряется реальность, потому что на выстраивание голливудского стиля декораций уходит слишком много сил и денег. вполне возможно, что, будь это не так, того же Бен-Ладена смогли бы уничтожить давным-давно. А может быть, и предотвратить 11 сентября.

МЭ:

Сейчас много говорят о роли американских спецслужб в создании «Аль-Каиды» и раскрутке самого Бен-Ладена. Это журналистское преувеличение или реальность?

ЕС:

Это реальность, о которой американцы крайне не любят вспоминать и говорить. У каждого есть свой сукин сын, а потом — читайте историю про Франкенштейна, Мэри Шелли все правильно описала. Любой террорист возвращается к тому, кого он знает. Бен-Ладена создали американцы — вот «Аль-Каида» в Америку и ринулась. Создавая убийцу, направленного против кого-то, хорошо бы понимать, не вырвется ли он потом на вольные хлеба. Помните рассказ Роберта Шекли о страж-птице, которую создали, чтобы предотвращать убийства, а она оказалась убийцей куда более страшным? Так и Бен-Ладена сочинили, чтобы выбить Советский Союз из Афганистана. С аналогичным результатом.

МЭ:

Если на одну чашу весов положить состоявшийся или возможный приход исламистов к власти в Ливии, Египте, других странах Ближнего Востока и Северной Африки, а на другую — уничтожение Бен-Ладена, то что перевесит? Радикальный ислам за последние месяцы больше приобрел или все же потерял?

ЕС:

С моей точки зрения, пока что исламисты только приобретают. Афганистан — это полный провал коалиции, союзники оттуда уходят, страна возвращается в руки талибов. Ирак — это тоже провал, оттуда также уходят коалиционные силы, и радикальный ислам — в варианте Муктады ас-Садра или Нури аль-Малики, «Аль-Каиды» или ее соперников — вот-вот выйдет на поверхность. Светские режимы рухнули в Египте и Тунисе, рушатся светские диктатуры в Ливии и Йемене. Под ударом диктатура в Сирии, под тяжелейшим прессингом монархия в Иордании.

На этом фоне Бен-Ладен, конечно, серьезная потеря для исламистов, но отнюдь не стратегическая. Его устранение — это не выигранная война и даже не выигранное сражение. Это всего лишь выигранная стычка.

МЭ:

За последнее время прошло несколько сообщений об уничтожении видных эмиссаров «Аль-Каиды» на Северном Кавказе. Связана ли их ликвидация с гибелью Бен-Ладена, это части единой операции или простое совпадение?

ЕС:

Никакой связи здесь не существует. Просто это война, война на годы и десятилетия, война на много фронтов. И когда на одном из фронтов происходит прорыв, не стоит ждать, что это немедленно скажется на другом фронте. Жаль только, что эти ликвидации, куда более значимые, честно говоря, для нашей страны, чем уничтожение Бен-Ладена, получили так мало резонанса.

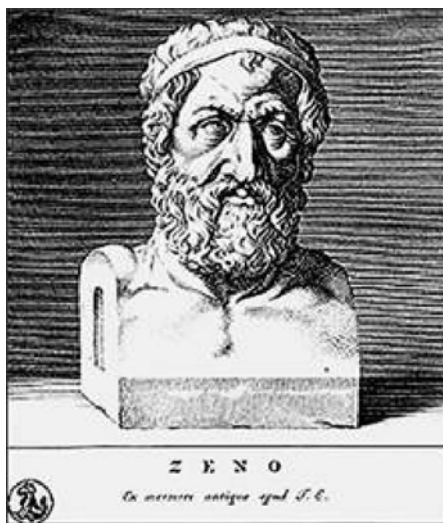
Кстати, аз-Завахири ведь был арестован в свое время, когда посещал нашу страну во время первой чеченской кампании, а потом отпущен. Хотелось бы понять почему. Не потому ли, что, по слухам, кто-то получил большую взятку? Если да, то кто? И остались ли эти люди причастны к деятельности силовых структур или они уже на пенсии, а может, и где-то за пределами России? Вот это действительно интересные вопросы, прояснить которые может, боюсь, только допрос самого аз-Завахири. Кстати, по некоторым данным, потом он еще раз посещал Дагестан. Пропустили? Профукали?

Вообще, в России радикальный ислам потерпел серьезное поражение, но он самовосстанавливается — вспомним «Убить дракона». Я с большой опаской смотрю на ситуацию в Кабардино-Балкарии и в Дагестане, в республиках Поволжья и в крупных российских городах. Головокружение от успехов России свойственно как мало какой другой стране. Добившись победы, мы впадаем в летаргию и забываем о том, что драконы возрождаются — даже если осталась чешуйка или маленький зубик. Тем более что ситуация по периферии Российской Федерации будет только ухудшаться, и нам следует ждать многих неприятностей.

В связи с этим было бы куда как осмысленно устроить своего рода «железный занавес» на определенных направлениях и по определенным группам лиц, возвращающихся в Россию из тех арабских, исламских стран, где сегодня волнения. Очень хотелось бы наладить серьезную фильтрацию муфтията, начать систематическую работу с исламским населением, чтобы появилась некоторая альтернатива тем настроениям, которые в Россию внедряются извне. Потому что «золотая молодежь» из республик Северного Кавказа и Поволжья — живя на территории России, аспирантствуя в Институте востоковедения, выходя на телевидение — открытым текстом говорит, что «русский проект» кончился. То есть сегодня здесь еще Россия, а завтра будет какой-нибудь джамаат, эмират или отдельное государство. Так что до тех пор, пока альтернатива этим тенденциям не создана, засыпать счастливыми победителями их как рано.

ШУМ РИМА

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИАЛОГА, НАЧАТОГО В КНИГЕ «РАЗГОВОРЫ С РАВИНОМ АДИНОМ ШТЕЙНЗАЛЬЦЕМ»

«Ἰσοδοῦ ἀδελφὸς» — Ζῆνι Κιτιεῖσι

Ἰσοδοῦ Ἀδελφῶν

АДИН ШТЕЙНЗАЛЬЦ:

Два мудреца предстали перед царем. Один восхвалял искусство риторики. Второй стал превозносить молчание. Ритор влепил молчаливнику оплеуху.

МИХАИЛ ГОРЕЛИК:

Хорошая история. Но ведь, дав оплеуху, своего рода молчаливое красное словцо, ритор оказался столь же непоследователен: молчаливник, начав говорить, признал, что риторика сильнее молчания, ритор, отказавшись от слов, — что оплеуха сильнее риторики. А поскольку он влепил оплеуху молча, то признал превосходство молчания. И с этой точки зрения сам заслужил оплеуху. У Пушкина есть стихотворение с Зеноном[1] — тоже с молчаливым аргументом: «Движенья нет, сказал мудрец брадатый. / Другой смолчал, но стал пред ним ходить. / Сильнее бы не мог он возразить; / Хвалили все ответ замысловатый».

АШ:

Говорить необязательно словами: улыбка, взгляд, жест. Вот даже и пройтись при случае можно.

МГ:

Можно и оплеуху дать.

АШ:

Почему бы и нет. У буддистов учитель, бывает, разговаривает с учеником ударом палки.

МГ:

Вы, должно быть, помните религиозный диспут двенадцатилетнего Смердякова со своим приемным отцом Григорием. Тот его Библии учил. Пытливый мальчик спрашивает: как же так — Г-сподь Б-г создал свет в первый день, а Солнце, Луну и звезды — только в четвертый: откуда ж свет тогда? Простой человек Григорий отвечает ученику молчаливой буддийской оплеухой.

АШ:

Не уверен, что Достоевский счел бы ее буддийской. Вы назвали Смердякова пытливым. Что в нем такого особенно пытливого? Вопрос вовсе не продиктован интеллектуальным любопытством. Весь этот эпизод — хороший пример молчаливого диалога: все содержательное находится по ту сторону слов. Сам по себе вопрос невинный, но в контексте разговора теряет свою невинность: мальчик хочет унижить своего учителя. Оба это понимают. На невербальный вопрос Григорий отвечает невербальным ответом.

У меня есть приятель. Хороший скульптор. Я иногда захожу к нему в мастерскую. Он работает и непрерывно разговаривает. Я ему сказал: знаешь, руками у тебя все-таки как-то лучше получается. Он обиделся. В юности я занимался скульптурой. С тех пор даже остались кое-какие поделки. Например, произведение с названием «Антиимпериалисты».

МГ:

Хорошее название. Ироническое?

АШ Почему ироническое? Совсем нет.

МГ С каким материалом вы работали?

АШ С глиной. Разные люди работают с глиной по-разному: одни добавляют — другие снимают. Вопрос не столько технологии, сколько личности.

МГ Кажется, Микеланджело сказал: беру мрамор и снимаю все лишнее. Или Роден? В мраморе никакой альтернативы.

АШ В мраморе — да, но я говорю о глине.

МГ Это имеет отношение к молчанию? Или мы уже перешли к глине?

АШ Когда вы убираете лишний шум, вы можете услышать то, чего раньше не слышали. В Талмуде говорится: три крика звучат от края до края Вселенной: крик рожавшей женщины, крик змеи, меняющей кожу, и крик солнца, идущего по небесам. Возникает вопрос, почему эти крики не слышны.

МГ В отличие от змеи и солнца, крик женщины все-таки слышен.

АШ Слышен. Тем, кто рядом. Но не от края до края Вселенной, как об этом говорит Талмуд.

МГ:

И почему эти космические крики не слышны?

АШ:

Шум Рима заглушает их.

МГ:

Но ведь Рима — того Рима — давно уже нет.

АШ:

Рима нет — шум остался. Парадокс в том, что ничтожное заглушает великое. Великое не повышает голос, не хочет никого перекричать. Ничтожное крикливо: бессмысленный шум ненависти, властолюбия, глупости, суеты, жадности, тщеславия, бряцание всяческих железок, мода, развлечения — все это само по себе ничего не стоит, но мы этот шум только и слышим.

МГ:

Вы против моды и развлечений?

АШ Я против шума. Рим шумит не только снаружи, но и внутри — что несравненно хуже. От внешнего шума, приложив некоторые усилия, можно избавиться. От внутреннего — гораздо сложнее.

МГ Многие ли этого хотят?

[1]. *Зенон Элэйский (ок. 490 до н. э. — ок. 430 до н. э.) — древнегреческий философ. Знаменит своими апориями (парадоксами), доказывающими невозможность движения.*

ПРЕКРАСНЫЙ МАРКИЗ

(ÈÇ ÔÀÉËÀ «Ï ÐÎ ÒÎ ÒÈÏ Û»)

Борис Акунин

С любезного согласия Бориса Акунина мы публикуем эссе из его блога о блестящем авантюристе XIX века, чье имя сегодня оказалось забытым, а при жизни было на слуху от Дакоты до Гонконга.

Юный шармёр

Одно время я коллекционировал диковинные биографии. Думал, пригодятся — это ж приключенческий роман, изготовленный самой природой. Но потом я понял, что для беллетристики подобный материал мало пригоден. Жизнь если уж начнет придумывать необычные сюжеты, то наплюет на художественную правду и накуролесит такого, что попробуй вставь в роман — читатель не поверит.

Как-то раз я поэкспериментировал с биографией корнета Савина, но во имя правдоподобности пришлось сильно выхолостить и проредить подлинные похождения гениального прохиндея. Было безумно жалко. Триллеры, сочиненные историей, хороши не для беллетристики, а для нон-фикшн. Их приукрашивать — только портить.

Меня особенно завораживают судьбы тех неординарных личностей, которые при жизни находились в центре внимания и были, так сказать, записными ньюсмейкерами, но стоило им сойти со сцены, как их тут же забывали. Это люди, производившие много шума, ярко блиставшие, бывшие на виду и на слуху; их финал часто тоже трескуч и эффектен, как фейерверк. Но огни погасли, эхо стихло — и ничего не осталось.

Таковы большинство прославленных авантюристов XVIII столетия, но в сведениях, дошедших до нас из той домассмедиальной эпохи, слишком много мифического и недостоверного. Мы не знаем, чему верить и чему не верить, когда читаем о невероятных эскападах графа Сен-Жермена, шевалье д'Эона или Морица Беньовского. Однако начиная со второй половины XIX века в Европе и Америке пресса регистрирует все более или менее примечательное практически в режиме он-лайн, притом с разных сторон зрения, поэтому почти каждый факт легко проверить.

Предлагаю вашему вниманию краткое описание краткой жизни человека, про которого я когда-то подумывал написать книжку, а потом растащил его судьбу и черты характера на десяток разных персонажей.

Это был красавец, смельчак, дерзкий прожектер, заправский дуэлянт, краснобай и баламут — в общем, гремучая смесь Толстого-Американца, Ноздрева, Рокамболя, Долохова, тележурналиста Невзорова и

Неуловимого Джо (который, как известно, получил свое прозвище, потому что на кой он, дурак, сдался его ловить).

Знакомьтесь: Антуан-Амедей-Мари-Венсан Манка-де-Валламброза маркиз де Морес и де Монтемаджиоре (современники обычно называли его более лапидарно — маркиз де Морес).

Потомок осевших во Франции итальянских и испанских аристократов, он родился в 1858 году, в 20 лет окончил Сен-Сир (этот выпуск получил название «Плевненского» в честь взятия русскими грозной крепости). Немного послужил в Алжире, но военной карьеры не сделал. Кажется, помешала первая из его бесчисленных дуэлей, а может быть, надоело жить в глуши на скудное офицерское жалованье.

Во всяком случае, 24 лет от роду де Морес неоригинальным образом решил свои материальные проблемы — женился на богатой невесте, хоть она и была несколько старше.

На этом тривиальная часть биографии заканчивается. Следует вереница приключений и прожектов, каждый новый — честолюбивее и шумнее предыдущего.

В 1883 году маркиз уезжает в степи Северной Дакоты и основывает город, который называет в честь жены — Медора. На новом месте де Морес ведет себе так, как положено жить на Диком Западе: создает скотоводческое ранчо и компанию дилижансов, одолевает в схватке медведя гризли, ссорится с соседями (один из них — Теодор Рузвельт, будущий президент), палит из револьвера направо и налево, несколько раз обвиняется в убийстве — и всякий раз выходит на свободу, оправданный судом присяжных.

В одиночку он ввязывается в борьбу с всемогущими чикагскими «скотобаронами», монополизировавшими заготовку мяса, — и разоряется в неравном противостоянии.

В принципе, одной американской эпопеи было бы достаточно, чтобы отчаянный маркиз стал героем фольклора и голливудских вестернов. Но помнят его только в городке Медора, штат Северная Дакота, где деревянный дом неудачливого скотопромышленника сохраняют до сих пор и гордо величают «Лё шато де-Морес», а бывшее ранчо превратилось в «De Mores Memorial Park». Увы, это всего лишь Северная Дакота, где проблема с достопримечательностями и аристократическим прошлым.

После путешествия в Индию, Непал и Индокитай маркиз находит себе новую неподъемную задачу: он возглавит строительство железной дороги из Китая к Тонкинскому заливу. Перипетии и приключения индокитайского периода жизни де Мореса я опускаю (если вы видели фильм «Индиана Джонс и Храм Судьбы», вы легко представите себе детали). Самый яркий эпизод — дуэль в Гонконге с Мари-Шарлем де Майрена, самопровозглашенным владыкой королевства Седанг, еще одним французским авантюристом, который заслуживает отдельного рассказа (может быть, напишу про него как-нибудь после). Дерзкий замысел строительства железной дороги через непроходимые джунгли и малярийные болота вначале получил поддержку французского правительства, но в конце концов провалился из-за явной невыполнимости.

Вернувшись на родину, маркиз быстро достиг всефранцузской славы. Его новый проект был не особенно оригинален, зато обречен на успех. Молодой человек решил избавить многострадальных соотечественников от еврейского ига.

Евреев де Морес не полюбил еще с дакотских времен — банкиры неарийского происхождения поддержали не безрассудного французского маркиза, а чикагских говяжьих баронов. Антуан-Амедей считал себя жертвой иудейского заговора.

Нужно сказать, что его идеи нашли в предрейфусовской Франции множество горячих сторонников. Герой, красавец и блестящий оратор голубых кровей чрезвычайно понравился членам «Французской антисемитской лиги». (Думаю, именно из-за репутации злокачественного юдофоба Морес и не стал в политкорректной Америке героем вестернов.)

Он создал собственную организацию «Морес и его друзья», аналог нашей «Черной сотни». Костяк составляли парижские мясники, которые уважали маркиза за его познания в скотобойном деле. Это были самые настоящие штурмовые отряды, специализировавшиеся на погромах, запугивании оппонентов и уличных драках. Одеты они были красиво: в красные ковбойские рубахи и сомбреро.

Нечего и говорить, что де Морес, превосходный стрелок и фехтовальщик, без конца участвовал в поединках — в основном с евреями. Он прострелил руку журналисту и депутату Фердинанду-Камиллу Дрейфусу (не родственнику знаменитого Альфреда), обидевшись на газетную статью, в которой наглый писака посмел иронизировать: как-де может кричать «Галлия для галлов!» человек с испанским титулом, итальянским папашей и американской женой. Газеты всего мира подробно писали о другой дуэли — с преподавателем Политехнической школы капитаном Майером, тоже евреем, которого де Морес заколол насмерть. (Всего в личном дуэльном зачете маркиза три летальных исхода.)

Î àððèç-éîááîé

Любопытно, что на процессе убийцу защищал адвокат Эдгар Деманж, впоследствии прославившийся защитой капитана Дрейфуса. Присяжные маркиза, разумеется, оправдали.

Но в 1894 году большая политическая карьера де Мореса закончилась конфузным образом.

У антисемитов часто бывает, что, ненавидя евреев, они охотно пользуются еврейскими деньгами. Известный журналист Жорж Клемансо раскопал историю о том, что рыцарь борьбы с мировым еврейством втихую получал деньги от банкира Корнелиуса Герца, участника Панамского скандала, еврея и вообще, с точки зрения ура-французов, исчадия ада. Эта неприятность заставила маркиза покинуть страну.

Теперь он обиделся не только на евреев, но и на англичан (Корнелиус Герц спасался от французского правосудия в Лондоне). У нашего мегаломаньяка возникла совсем уж великая идея: подорвать гегемонию Британской империи, а для этого объединить всех мусульман Африки против британско-еврейского Молоха. Де Морес решил возглавить кочевые племена Сахары и пойти походом на англичан и каких-то зловещих «африканских евреев».

Кончилось это плохо. На караван маркиза напали туареги. Тридцативосьмилетний герой дорогого продал свою жизнь — уложил пятерых, но был изрублен саблями и изрешечен пулями.

Что и говорить, редкостным болваном был господин де Морес. Но, черт побери, какая жизнь и какая смерть.

ДВА ЭТЮДА

Àèàèàí àð Èèè: ààèèé

ÒÀÀÈÀ ÈÈÌ ÈÈ

На фотографиях самое интересное — незримое. Есть быстрое незримое — мгновенное событие, выходящее за пределы чувствительности. А есть медленное незримое, выходящее за пределы не реакции, а концентрации. Часовую стрелку трудно уличить в подвижности, если только не делать ее снимки с долгой выдержкой. Порой полезно переключать внутреннюю длительность, выдержку, учиться длить минуты годами и годы уместать в миг.

Медленные и быстрые сущности составляют структуру прозрачности, обнаруживаемой путем сознания зрения как такового. Незримое обнаруживается, когда кадр становится больше себя самого. Он отождествляется с сознанием — и открывает то, чего не содержал в себе ни его источник, ни его отпечаток. Союз сетчатки, хрусталика и зрительного нерва могуществен: опрокинутый в воздух кусок обнаженного мозга царит над окоемом.

Впервые о прозрачности я задумался в Израиле, когда оказался увлечен рассеченным проводами небом. Над Иерусалимом полно отживших и действующих проводов; нет, лучше воспользоваться высоким термином электромонтеров — «воздушных линий». Многие из них давно уже не используются: жилы отмершей жизни, невиданного типа — свитые, в вошеной бумажной обертке, давно утратившие источник напряжения, они прочерчивают небо бесцельно, без всякого умысла (первый признак искусства).

В Старом городе я обожаю фотографировать эти воздушные линии, «воздушки». Барочными пучками, сплетениями лиан они карабкаются под карнизы, на крыши, с крыш вдруг срываются в воздух в полет на соседнюю кровлю — или дальше, за пределы квартала, перескакивая по кронштейнам, по фонарям времен английского владычества. В Иерусалиме у меня затекали шейные мышцы: город вообще вверху привлекательней, чище, яснее, чем тротуары и фасады.

В Цфате «воздушки» лепятся синусоидой, провисы восполняются набором высоты к подвесным тросикам, и небо ломтями, равнинами вторит горам, холмам, которые высоченно идут ярусами к югу: один, второй, пятый и дальше — сизые гребни, все бледнее за дымкой, оказываются разлинованы «воздушками», там и тут перехвачены разливом низкого солнца, отчего кажутся пунктиром.

В Израиле среди мальчишек есть обычай: старые ботинки связывать шнурками и зашвыривать в небесную колею. Кувыркающиеся над Иерусалимом, Акко, Назаретом, Яффо, вращающиеся шатко, сложно, вразвалку, в нескольких плоскостях, будто девчонки, раскрутив друг дружку на перемене на вытянутых руках, — туфли, ботинки, кроссовки рушатся, закручиваются вокруг воздушных линий и годами, пока солнце, беспощадно стоящее в зените над узкими улочками, не перекусит обветшавший капрон, висят в небе карнизов, просят каши...

Фотография — геометрия света, сгустки перспективы и вспышки ее разреженных, разряженных в бесконечность свойств, портретная книжность, телесность зрения, набранная до краев хрусталиком, неевклидовы видения сквозь слезинку счастья, разлуки, сквозь каплю росы в лепестке. Слеза — первая линза. Идеальный объектив — отдаленная слеза удивления, восхищения, страха. Геометрию следует почитать хотя бы за то, что она научает думать об абстракции, оперировать ею — самым кристальным объектом разума. Перспективе посвящали тома и жизни, перспектива таинственна и важна оттого, что дает почуять неизведанное.

Наслаждение — думать об идеальной точке, об идеальных линиях. Думать — и вдруг осознать, что при попытке представить, каким образом параллельные линии делятся и сходятся в неведомой, не осязаемой, но все-таки актуализируемой разумом бесконечности, в сознание проникают капли вечности, доля Б-жественного присутствия. И этот подлинно религиозный опыт, достигнутый с помощью размышления о линии, навсегда остается в памяти. Где-то в области абстракции сходятся источники метафизики и мистики, и это точка нестерпимой прозрачности.

ŌĀĀĒĀ ĒĀĎŌĀ

С верхних улиц Цфата видны абрисы шести рядов холмов, чередами идущих к Кинерету. Лиловая дымчатая даль охватывает и устремляет в высоту, когда выходишь из небольшой синагоги, в которой молился Аризаль. Внутри нее домашний уют и тепло, чего не предполагаешь заранее, ожидая увидеть архитектурное сооружение, которое под стать величию мудрецов Цфата. Но в том-то и дело, что любой мудрец и любое величие соотносятся с конкретикой физического мира — конкретным человеческим телом, конкретной землей или заданным ландшафтом. Умозрительности полагается соблюдать меру и сохранять подобие. В противном случае нарушается целостность мира.

Если выехать вечером из Цфата, следя за тем, как на глазах удлиняются тени холмов, то Кинерета достигнешь уже в сумерках. Серебряная тяжелая вода принимает в себя пловца, осторожным брассом возмущающего озерную гладь. К Иордану приезжаешь в совершенных потемках. Ставишь машину на стоянку и на ощупь, среди эвкалиптов, чьи теплые шершавые стволы напоминают слоновьи ноги, пробираешься к реке. Над самым урезом воды горит трехглазый светодиодный фонарик, и различаешь голоса рыбаков. Говорят по-русски, о наживке и лучшем времени для клева. Идем дальше, обнимая эвкалипты, прочь от рыбаков, чтобы искупаться, не распугав рыбу.

А вылезши из парной воды, смотришь вверх на звезды и, чуть подмерзая от свежести ночи, понимаешь вдруг, почему темнота, особенно звездная, полна метафизики.

В темноте необходима карта пространства. Освоение карты небосвода помогло Колумбу достичь Америки. В темноте есть значительное метафизическое содержание, ибо свет предельного зрения — почти ослепление. Оттого Иерусалим кажется полупрозрачным — раскаленным добела. Тиресий, став слепцом, обрел взамен зрения пророческий дар. «Прозрачные дебри ночи» Мандельштама — это среда пророчества. Будущее можно увидеть только в темноте, и воображение всегда начинается с темноты, которая вдруг становится прозрачной. Подобно пророчеству, контурная карта рождается в темноте, опрозрачивая ее. Она сама и есть — прозрачная темнота. Вот что пришло в голову той ночью на берегу Иордана.

Действительно, карта — первый шаг воображения по Земле. Карта — начальный и, боюсь, наиболее значимый опыт абстрактного искусства.

Геометрия открыла разуму гармоническое устройство мира. Треугольник, вписанный в окружность, говорит о структуре разума и вселенной, о музыке и смысле — больше, чем тома философских трактатов.

Географическая карта — одна из первых моделей окружающего мира. Первая попытка осознать структуру вселенной и найти в ней себя. Карта содержит в себе свойство предсказания: «после стольких-то дневных переходов на западе покажутся вершины гор». Несколько тысячелетий назад, когда наука еще не сильно отличалась от мистики, обладающий картой был жрецом — человеком, способным предсказывать поведение огромного страшного пространства. Александр Македонский, вторгаясь во враждебное пространство Востока, был, по сути, мифическим героем, дерзновенней Одиссея и аргонавтов, ибо никто никогда не разрушал компактность древнегреческого пространственного восприятия. Подвиг Александра Великого состоял не столько в покорении народов (трудно себе представить, каким образом горстка греков, оторванная от метрополии, могла контролировать сонмы персов, индийцев и т. д.), сколько в покорении пространства.

Примерно то же можно сказать и о переселении евреев в Землю обетованную. Ведь это предприятие было еще грандиозней, чем продвижение войска Александра. Евреи не обладали империей и не могли опираться на инфраструктуру армии. Они бросили вызов пустыне, пространству пустыни, они преодолели его и совершили немислимое: пережив Синай, вышли к Эрец-Исраэль. Они двигались по карте пророчества — но их противостояние пространству, величие этого противостояния редко замечают...

Оптимальный размер родины зависит от возможностей человеческого тела. В идеале родная страна должна быть доступна для несколькихдневного перехода. Лучше всего, если, лежа, головой покрываешь север, ногами юг, а раскинув руки, обнимаешь восток и запад родины. Все библейские события происходили на территории отнюдь не огромной, и упоминаемые племена и земли были кучками людей и небольшими владениями. А в самом грозном сражении вряд ли участвовало больше нескольких тысяч людей — количество, которое сегодня затерялось бы в толпе, выходящей со стадиона после футбольного матча.

Сакральность карты в том, что она в первом приближении являет собой то, что видит Всевышний (при взгляде на пространство).

При взлете самолета есть особенный момент, когда все внизу принимает вид карты. Это происходит не постепенно, а вдруг — существует точка такого фазового перехода, когда окружающее пространство в одно мгновение теряет соразмерность с человеческим телом и ландшафт словно откидывается на диск горизонта топографическим кристаллом... И при этом рефлекторно испытываешь удовлетворение от такого абстрагирования, когда запутанная, сложная система пространственных объектов внезапно превращается в нечто преодолимое, осмысленное.

БЕСПЛАТНО, НО ЗА ДЕНЬГИ

РАЗМЫШЛЕНИЯ БЫВШЕГО СОВЕТСКОГО ВРАЧА

ОБ ИЗРАИЛЬСКОЙ МЕДИЦИНЕ

Айя Эгелай

Ит и дрoапнe y адa-: итeб-eca и aaeoei пeтa тaдaцтaи eа a NNND e то даат o aca o aтoу eao a a дрoапнeб no aoei тaдo e итeбeбe ecaб e e o тaтeтe noтeбoу. Ca yoт aдaи y и тa aaeитi итeб-eou aai тa aoe a e ca o e e — ит e a d a e t e t a b e e e — ит e a d a e t e t a b e e e e e i o a e o e i i u i c a t e a a i e y i , m a a a n a итeтa e a i t u a c a : a o u e y e c a i a i u . I t i i n e a i a d a c a a a E o d a e e u (1 9 7 1 a a) i d e o e i n i t a : e i a o u a n a c a i t a t , i n e t e u e o t e t a i t a e c i t e o i d a a i a o u e o i d r o a n n e i i a e u u u o a i n o e a e i e e , e d i i a i a a e o e i n e t a a e i e i i a c a a n i t a i d e c t a e e .

Солнечные ванны для туберкулезных больных в госпитале «Шаарей Цедек».

Фотография Цадока Бассана. 1920-е годы

Коллега, приехавший, как и я, из СССР, но несколькими годами позже, определил разницу между израильской и советской медициной так: их тут обучают, как пользоваться всем тем, без чего нас обучали обходиться. Я бы добавила к этому разницу в отношении к чрезвычайным ситуациям: то, что в СССР считалось медицинской героикой, здесь рассматривается как позорное головотяпство.

Исходя из этих различий, можно понять трудности перехода от одного вида медицинской практики к другому. Например, израильская медицина не понимает, как можно обойтись без умения обращаться с самой современной аппаратурой, зато затруднится поставить диагноз, если эта аппаратура вдруг выйдет из строя. С другой стороны, мне так и не удалось заинтересовать израильских коллег рассказами о доблестных советских врачах, удаляющих аппендикс на дрейфующей льдине при помощи карманного зеркальца и затупившейся бритвы. Правда, резонно ответить на вопрос, что он там делал на дрейфующей льдине, этот врач, если у него только и было, что карманное зеркальце и затупленная бритва, я тоже не умела. Но могу свидетельствовать, что советское умение обходиться без необходимого и заученное знание того, что нужно делать, когда положение кажется безвыходным, иногда помогало.

Специализации в Израиле длинные — как минимум пять лет. Мне вздумалось добавить к терапии гастроэнтерологию. Еще два года. Экзамены. Потом работа по профессии, предпочтительно в стационаре, что предполагает — ради продвижения по службе — обязательную научную работу и знакомство с остальными израильскими стационарами. А также — уже ради заработка — беготню по консультационным пунктам больничных касс, частные приемы и послеобеденные бдения в частных лечебных единицах, работающих по особому принципу, равного которому ни в одной другой стране мира, насколько мне известно, не существует.

Что это за принцип?

Как-то на поликлинический стационарный прием (еще одно особое изобретение израильской медицины) явился ко мне человек родом из Кутаиси и потребовал: «Лечи меня как за дэньги, но бесплатно!» Так вот, обсуждаемый принцип говорит как раз обратное: лечить, как бесплатно, но за деньги. Иначе говоря, обслуживать внеочередных пациентов в рабочее время, используя больничное оборудование, но за дополнительную оплату — врачу и больнице.

Это — не частная медицина. Частная медицина трудится в частных клиниках и больницах и работает только на прибыль. И это, конечно, не общественная медицина, поскольку пациент платит за нее из своего кармана, пусть и существенно меньше, чем в частном заведении. Вместе с тем деньги пациента оплачивают труд медперсонала лишь частично. Большая часть прибыли идет больнице — на покупку нового оборудования, ремонт больничных помещений, научные изыскания и бесплатное обеспечение неимущим тех услуг, которые несколько более имущие получают за дополнительные деньги.

Иначе говоря, имущий гражданин Израиля платит налог на здравоохранение и вдобавок оплачивает из собственного кармана необходимые ему лично медицинские услуги. Ну, не то чтобы полностью оплачивает, а, скажем так, доплачивает медзаведению за дополнительное усилие, одновременно отчисляя благотворительную десятину для помощи неимущим. И это еще далеко не все трюки, позволяющие израильской общественной медицине выжить, а большинству ее пациентов получать вполне приличное медицинское обслуживание. Одним — «как за деньги, но бесплатно», другим — «как бесплатно, но за деньги».

Так было не всегда, хотя именно так всегда оно и было. Израильская медицина началась с врачей-подвижников, приехавших в Палестину по сионистскому желанию. Ехали они со всех концов света, представляя тут самые разные медицинские школы, экономические и политические взгляды. Одни открывали частные клиники и больницы, другие объединялись в больничные кассы, как то было принято в еврейских общинах Европы, третьи пытались создать нечто наподобие общественной медицины. Политические партии присваивали больничные кассы себе и строили стационары для своих сторонников, а религиозные общины делали то же самое для своих членов.

Из этого ералаша постепенно вызрел комплекс медицинских услуг, рачительно пользоваться которым мог и может только хорошо разбирающийся во внутренней ситуации человек. Одно было ясно адептам всех медицинских направлений — не может быть ситуации, при которой еврей, поселившийся в Палестине, не получил бы медицинского обслуживания. Как за деньги, но бесплатно или наоборот. Пусть даже шиворот-навыворот, но всенепременно.

А с образованием государства дело запуталось еще больше, поскольку здравоохранение развилось раньше, чем появилось государство. Поэтому государству осталось только действовать через уже существующую здравоохранительную головоломку, в которой сам черт ногу сломит.

Между тем шла война и было много раненых. И были сотни тысяч бедолаг из фашистских концлагерей, из кишашей миазмами Африки, из завшивленной и голодной послевоенной Европы, из удивлявшей медицинскими курьезами Индии. Всех их необходимо было излечить силами общественно-частно-партийно-конфессионально-государственной медицины от туберкулеза, бильхарции, парши, истощения, авитаминозов, тифа, малярии, дизентерии, червей, живущих в печени и под кожей, и прочих напастей.

Врачи и медсестры рассказывали, как резали простыни на бинты, варили отвары из крапивы, собирали по миру лекарства и аппаратуру и доставляли их неординарными путями, не задаваясь вопросом, что в этой деятельности легально, а что нет.

Работали сколько нужно, не оглядываясь на график. И полагали, что так и полагается работать. Даже показывали мне письмо-памятку профессора Шибы, руководившего больницей до 1971 года, в котором говорилось, что ввиду особого положения еврейского государства больничный врач-ординатор должен работать не за деньги, а за еду и жилье, предоставляемое на территории больницы. Тот же профессор Шиба, кстати, ушел из социалистической больницы «Бейлинсон», поскольку там врачам запрещалась частная практика. Не в самой больнице, разумеется, а в домашних клиниках. И построил больницу Тель-а-Шомер, в которой врачи, имеющие частную практику, могли спокойно работать. Сам Шиба частной практики никогда не имел. А первая больница, в которой ведущим врачам позволили иметь

«собственные» койки для частных пациентов, была как раз больница «Бейлинсон» в Петах-Тикве. Такая вот чисто израильская ситуация.

Однако до сих пор мы говорили пусть по-русски, но на иврите. Пришло время добавить кириллицу.

В 1973 году меня вызвал для разговора тогдашний директор Министерства здравоохранения Ури Франд, считавшийся по совместительству одним из заведующих отделением, в котором я работала, и задал мне, свежей репатриантке из СССР, проходящей специализацию, вопрос: имеет ли смысл ради спасения общественной медицины поменять израильский способ организации здравоохранения на советский?

Для размышления и реферата на заданную тему мне было дано все время больших иудейских праздников — от Йом Кипура до Симхат Тора.

Война продлилась дольше. Один «цалаш» (высшая израильская воинская награда) у Франда уже был. За Шестидневную. Его потребовали наградить солдаты, выжившие в мясорубке на Гиват а-тахмошет (Оружейном холме) в Иерусалиме. Фамилию отличившегося доктора они не запомнили, и он так и остался в истории этой войны «врачом с Гиват а-тахмошет».

На Войну Йом Кипура Ури не призвали. Не полагалось ни по профположению, ни по возрасту, ни по состоянию здоровья. Франд пошел добровольцем, организовал госпиталь возле Суэца, а потом оказался в окружении с большой группой парашютистов, среди которых было много раненых. Группу обстреливали нещадно, но было решено попробовать вывезти тяжелораненых, поскольку иначе шансов выжить у них не было. Вертолет сел под шквальным огнем. Раненых погрузили. Франду не полагалось лететь с ними. Он должен был оставаться внизу и дожидаться прорыва. Но он полетел. Вертолет поднялся, его сбили, и в живых никто не остался.

А на земле дело закончилось в принципе благополучно. Второго «цалаша» за подвиг Ури Франду не дали, но в звании посмертно повысили. И стали называть еще и «врачом парашютистов».

С тех пор я ежегодно составляю затребованный отчет. Обычно делаю это под Йом Кипур, но в этом году вмешалась забастовка врачей. В чем точно состоят их требования, бастующие затрудняются ответить. Одни врачи говорят одно, другие — другое, комментаторы комментируют, журналисты интерпретируют, а в конечном счете получается, что все это многоголосие сводится к вопросу, заданному мне некогда Ури Франдом. Можно ли спасти общественную медицину и что нужно для этого сделать?

Но это сейчас я так понимаю смысл вопроса. А тогда, в 1973 году, вопрос Франда показался репатриантке хитроумной проверкой лояльности. Ну кому могло прийти в голову брать всерьез пример с административной и социальной катастрофы, называемой советской медициной? И разве я своими глазами не видела, насколько западная медицина лучше, прогрессивнее, эффективнее? Кому нужны такие хитроумные подставы? Хватило с меня советской власти с ее иезуитскими методами обнаружения несогласных!

По этой причине мой самый первый отчет тогда еще живому директору Минздрава звучал насмешливо. Создать в Израиле здравоохранение по советскому образцу, утверждала я, нетрудно. Нужно устроить дефицит лекарств и перевязочного материала, позволить медперсоналу хамить, поставить продвижение врачей по службе в прямую зависимость от партийной принадлежности и обучить стажеров писать истории болезней не для медицинской регистрации, а для прокурора. Точно так, по мнению Ереванского радио, можно устроить советскую власть в Швейцарии. Спрашивается только: зачем портить хорошую страну?!

Свое остроумие я опробовала на Дани Михаэли, будущем профессоре, директоре Министерства здравоохранения и главе больничной кассы Клалит, а тогда заведующем соседним отделением. Дани был известен своим хорошим отношением к репатриантам. А также тем, что был умницей, братом всенародно любимой юмористической актрисы Ривки Михаэли и первым остроумцем среди врачей. Время от времени я отправлялась к нему посоветоваться и просто поговорить. У Дани был особый взгляд на действительность и особое умение эту действительность понимать и объяснять.

Как-то разговор зашел о проблемах здравоохранения, и я изложила доктору Михаэли мой взгляд на советскую медицину. Неожиданно оказалось, что вопрос, заданный мне покойным Ури Франдом, вовсе не был насмешкой над советской медициной и приехавшими оттуда врачами. Судя по докладам на международных конференциях, советские больнично-поликлинические объединения являются образцовыми устройствами, обеспечивающими непрерывность лечения пациентов и высокий профессиональный уровень постоянно переливающегося из стационара в амбулаторию и обратно персонала. Кроме того, эта комбинация позволяет оптимизировать использование оборудования, тогда как в Израиле нет связи между стационаром и поликлиниками, из-за чего возникает серьезная лечебная и методическая проблема, к которой прибавляется невероятное распыление государственных средств.

Иначе говоря, возникает ситуация, при которой хорошее лечение можно получить только в больнице, в виду чего состоятельные граждане-пациенты побуждают больничных врачей заниматься частной практикой, что грозит общественной медицине самыми ужасными последствиями. Не менее ужасными, чем те, которыми угрожает израильской экономике полноценный капитализм. И с этим нужно что-то делать!

Ури Франд, «врач с Гиват а-тахмошет», директор Министерства здравоохранения (1973 год), герой двух войн — Шестидневной войны и Войны Судного дня (посмертно)

Лично я не видела тогда ничего дурного в том, что израильский полусоциализм тяготеет к трансформации в полноценный капитализм, как и в том, что частная медицина может победить убогость общественного здравоохранения. В этой своей убежденности я отнюдь не была одинока. Большинство израильских больничных врачей стали ориентироваться на медицину США, приобретающую во всем медицинском мире статус самой лучшей и самой правильной. И даже когда появились первые медицинские публикации, утверждавшие, что стоимость современной медицины со всем ее инструментарием и фармакологическим богатством становится неподъемной для бюджета даже самой развитой и богатой страны, они трактовались не как предупреждение об опасности неумеренной инструментализации, а как подтверждение того, что медицинское равноправие невозможно в принципе.

Стоны по поводу разрушения общественной медицины становились все глуше, а частная медицинская деятельность бурно развивалась и приносила плоды. Не скажу, что мое советское воспитание восставало против подобного поворота событий. Напротив, в начале 1980-х мне казалось, что приватизация здравоохранения происходит недостаточно быстрыми темпами и что необходимо поскорее отказаться от системы больничных касс и перейти к прямому страхованию здоровья в страховых компаниях. Да и закон о государственном страховании здоровья, когда он еще только обсуждался, виделся мне в лучшем случае непростительной ошибкой, а в худшем — политической подачкой социалистическому сектору, граничащей с наказуемым правонарушением.

Я могла бы сказать, что мой взгляд на ситуацию изменился, когда в Израиль приехали сотни тысяч иммигрантов, а в сущности — беженцев из бывшего СССР, по большей части неимущих и нуждающихся в бесплатной медицинской помощи.

Могла бы, но не скажу. Дело в том, что меркантилизация, последовавшая за наступлением частной медицины на общественную, изменила очень многое в системе израильского здравоохранения еще

до прибытия массовой иммиграции. В 1970-х годах собирались закрыть один из медицинских факультетов, поскольку в Израиле было больше врачей на тысячу населения, чем в самых благополучных странах западного мира. Ни один факультет не закрыли, некоторые факультеты даже расширили, а врачей на тысячу населения стало так мало, что их собираются завозить не то из Южной Америки, не то из Италии, не то из Грузии. Между тем репатриация из СНГ привезла с собой не менее 40 тыс. врачей. Часть не сумела сдать квалификационные экзамены, но большинство влилось в систему. Израильские медвузы тем временем увеличили количество выпускников. Куда же они делись? Съехали? Переквалифицировались в управдомы или компьютерщики?

Ответа на этот вопрос у меня нет, да и незачем его искать. В востребованных специальностях, то есть там, где род специализации обеспечивает хорошие заработки за счет частного сектора, врачей хватает. Нет их в тех специальностях, на которые в частном секторе спрос невелик, но без которых общественный сектор обойтись не может. Поэтому бастующие выступают под лозунгом уже не защиты, а спасения общественной медицины, переключаясь в этом с президентом Бараком Обамой и четой Клинтон, которые пришли к власти в значительной степени именно из-за проблем, связанных с частной медициной.

Той самой, которая еще недавно считалась образцовой, а сейчас видится чем-то столь антигуманным, что может претендовать на внимание Гаагского трибунала как одно из преступлений против человечества. Ведь если верить статистическим выкладкам, цитируемым американскими демократами, количество бедняков, погибающих без медицинской помощи из-за отсутствия медицинской страховки, превышает цифры людских потерь в результате несправедливых военных действий при любом, даже самом кровавом, политическом режиме.

Так неужто советская медицина и впрямь была самой передовой в мире, как утверждали советские учебники? Неужели эта нелепость, основанная на дефиците, протекции и обмане, все же имела неоспоримую ценность? Может ли быть, что именно она останется символом недостижимого блаженства, поскольку и ее уже нигде нет? Более того, и быть-то не может, поскольку доказано статистически, что даже такая страна, как США, не может оплатить общедоступную медицину из своего бюджета. И по этому поводу необходимо что-то предпринять, поскольку ни одно демократическое государство не может позволить одним своим гражданам страдать от болезней больше, чем другим, только потому, что у этих граждан нет денег на лечение. Поэтому все западные государства озабочены сегодня проблемой общественного здравоохранения.

À cadueteia: arii i oaaee i aeoeinea oai o da Oaii a Oii ad ei. Oeaa

А уж бывший советский врач, переживший переквалификацию в западную медицину, смотрит на эту проблему с особо вирулентным пессимизмом. Он не верит в то, что можно сделать систему государственного здравоохранения работоспособной, и не склонен надеяться на благорасположение частного сектора к неимущему клиенту даже при наилучшем расположении звезд и духа.

И тут я попытаюсь сформулировать нечто, отдающее парадоксом, но вполне смыкающееся с современной точкой зрения на приоритет неупорядоченности в социальной сфере: необходимо сохранить израильский медицинский балаган. Возможно, он и есть ответ на заданный вопрос. Построенный по принципу знаменитой загадки «не верхом и не пешком, не в одежде и не гольшом», этот балаган, не вовсе частный и не полностью общедоступный, ухитрился в тот же отрезок времени обеспечить медицинской помощью дополнительный миллион неимущих иммигрантов и создать базу для превращения Израиля в один из центров платного мирового медицинского туризма; обеспечить медицинской помощью бесконечно воюющую армию и измученный террором тыл и поддерживать научными изысканиями высоко котирующуюся на мировых биржах фармацевтическую промышленность; десятилетиями не выходить из

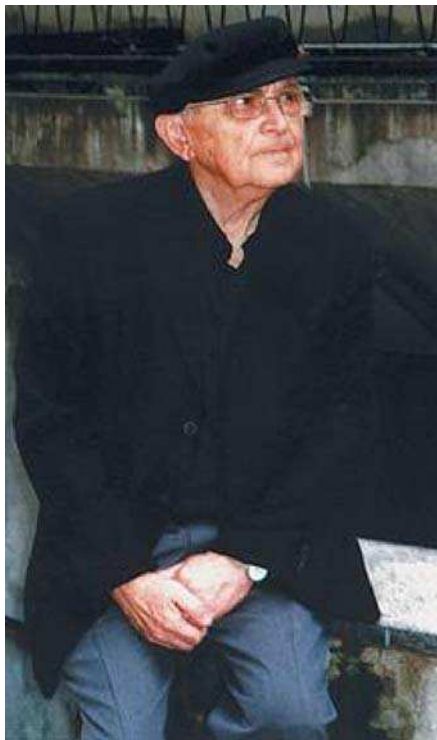
кризиса и все же не позволить одному из самых высоких в мире индексов продолжительности жизни понизиться хотя бы на йоту.

Как говорят в России: «Не трогай, пока работает».

ААРОН АППЕЛЬФЕЛЬД: СОПРИКАСАЯСЬ С ТАЙНАМИ СУДЬБЫ

Беседу ведет Виктор Радуцкий

Более двух десятилетий назад судьба свела меня с выдающимся израильским писателем Аароном Аппельфельдом. С тех пор не раз доводилось мне брать у него интервью, я перевел на русский и украинский языки его романы «Катерина», «Страницы моей жизни» и другие произведения. Стоило роману «Катерина» появиться на русском языке, как тут же, на встречах с читателями в Израиле и в России, меня начали расспрашивать об авторе этого романа. И тогда я сообщал, что Аарон Аппельфельд выпустил 40 книг, которые были переведены на 32 языка, что он удостоен престижных литературных наград... Эти сведения, конечно, неизменно производят впечатление, но не удовлетворяют читательский интерес. Так что придется Аарону Аппельфельду немного рассказать о своей жизни.

ААРОН АППЕЛЬФЕЛЬД:

Я родился в 1932 году. Семья наша жила в Черновцах, городе, расположенном в Прикарпатье, на берегу реки Прут. Я рос единственным ребенком, окруженный любовью и заботой, мои родители, особенно мама, уделяли огромное внимание моему воспитанию. Все рухнуло, когда мне было восемь с половиной лет: в наш город пришла война. Мы были загнаны в гетто. Маму застрелили, я до сих пор помню ее предсмертный крик. Меня с отцом этапом отправили в концлагерь. Вскоре нас с ним разлучили, мне удалось бежать, и я остался один. Скрывался в лесах. Случалось, нанимался к украинским крестьянкам — той дров наколю и сложу, той воды принесу, скотину пас... Светловолосый и голубоглазый, я мало чем отличался от тамошних подростков. Украинскому языку я научился еще в родном доме у моих нянечек-украинок. Не знаю, распознал ли кто-нибудь во мне еврея, но ни один человек меня не выдал.

ВИКТОР РАДУЦКИЙ:

Война, утрата близких, скитания, страдания — все это вошло в твои книги. Некоторые весьма поверхностные израильские критики даже поторопились приклеить тебе ярлык «писатель Холокоста».

АА:

Не могу принять подобное определение. Писатель — это прежде всего писатель. Он вглядывается в человека, проживает жизнь своих героев, рассказывает о них. У него пристальный взгляд, от которого не ускользнут ни переживания человека, ни то, что его окружает, ни предметы, ни ландшафт... Но все-таки главное — сам человек. Писатель, писательство — явление гомоцентрическое. И тот, кто создает литературное произведение, пишет из глубины самого себя, и в основном — о самом себе. И если в словах его есть смысл, то лишь потому, что он верен себе, своему голосу, своему ритму. Тема, идея — это сопутствующие продукты работы писателя, не главное. Я был ребенком во время войны. Этот ребенок вырос. И все, что с ним происходило в детстве, переживалось и в более зрелые годы: утрата дома, утрата родного языка (у нас в семье таким языком был немецкий), родившаяся в полных опасности скитаниях подозрительность, не проходящий страх, замкнутость, отчужденность... По канве этих ощущений я вышиваю свое повествование. Только искренность переживаний создает литературу, а не тема. И да простят меня великие, чьи тени я потревожу, но нельзя определить, скажем, «Войну и мир» Льва Толстого как книгу о войне России против Наполеона, хотя она и повествует об этих событиях. Попытка определить Толстого как зеркало русской революции читателям хорошо известна. Но Толстой — не «зеркало», он писатель. Он не нуждается ни в каких определениях. Его герой — человек. И именно душа человека — тот центр, вокруг которого разворачивается творчество Льва Толстого (кстати, корни его, по-моему, в трилогии «Детство. Отрочество. Юность»). Смело полагаю, что и я — писатель, я пишу о человеке. Верно, детство моих героев, как и мое собственное, опалила война, а детство решающая стадия нашей жизни. И в мои книги вошло то, что я пережил: война, ужасы Холокоста. Я знал голод, и жажду, и холод, и одиночество, и страх, и ужас, и преследования... Но я, ребенок, умел и радоваться: помню, склонившись над водой и увидев свое отражение, я испытал подлинный восторг — передо мной возникли черты, вызвавшие в памяти светлую улыбку моей мамы, оживившие на мгновение прекраснейшие минуты довоенного детства... Я уже тогда научился, пожалуй, главному, что должен уметь человек: помнить и хранить свое прошлое.

ВР: В твоей автобиографической книге «Страницы моей жизни», которую я недавно перевел и которая, надеюсь, выйдет на русском языке, ты пишешь: «Прошлое в чистом виде — плохое сырье для литературы»...

АА:

Прошлое — это то, что необходимо исследовать историкам и осмысливать социологам. Прошлое, которое не сопрягается с настоящим, действительно никак не может служить «сырьем» для литературы. Если под пером писателя прошлое не перетекает в настоящее, литературы нет...

Από δεξιά προς αριστερά: Ένα από όλο το πλῆθος ἐ Αδελφότητέ ἀδελφῶν. Ἐὸ ἀέεϋ. 1945 ἄᾶ

BP:

А где же будущее?

AA:

В том-то и дело, что настоящее — это связь времен. В настоящем не только прошлое, но — непременно! — контуры будущего. Хотя в отношении будущего надо всегда проявлять определенную осторожность. Во мне все эти три времени едины. Без этого единства нет человека, лишено смысла понятие память. В жизни и отдельного человека, и целого народа бывают времена оторванности от своего прошлого. Евреям бывшего Советского Союза это хорошо знакомо, они это пережили. Но такие времена нельзя считать нормальными. Нормальный народ, нормальный индивидуум всегда идет по жизни, неся в себе все три времени. А это значит, что в детстве — он со своими родителями, дедами-прадедами, он усваивает традиции предыдущих поколений, он и в настоящем живет по законам этих традиций, и даже в мыслях о будущем он остается «подключенным» к своему прошлому. Главное — надлежащим образом быть связанным с этим триединством времени, без этой связи колеблются основы бытия.

BP:

А в книгах своих — к чему ты стремишься? Хочешь ли оживить память о прошлом, собираешься ли поведать о настоящем или предвидеть будущее? Есть ли у тебя какая-либо цель, когда ты пишешь свои книги? Что заставило тебя взяться за перо? Проще говоря, как ты стал писателем?

AA:

Чтобы ответить на этот вопрос, мне придется вернуться в далекое прошлое. Мои скитания по лесам и деревням завершились в 1944 году: Красная Армия шла с боями по украинской земле, выбивая немцев, и я пристал к одной из воинских частей. С ней я дошел до Югославии. Оттуда вместе с другими еврейскими подростками перебрался в Италию, где мы, бездомные сироты, чудом уцелевшие в Холокосте, встретились с солдатами Еврейской бригады — воинского подразделения, сформированного в Эрец-Исраэль и воевавшего в Европе в составе британских войск. Бойцы Еврейской бригады переправили нас в Эрец-Исраэль. Шел 1946 год. Мне было почти четырнадцать лет, не было у меня ни родителей, ни образования, ведь до войны я успел закончить только первый класс школы. Я знал слова и отдельные фразы на разных языках, но разговаривать почти не мог. Немота сковывала мои уста. Дело в том, что во время войны я старался как можно меньше говорить, чтобы ненароком не выдать себя. И это вошло в привычку. А когда наконец я обрел дар речи, то появилось... заикание. И поскольку говорить мне было трудно, я начал

записывать. Помню свои первые записи: «Моего отца зовут Михаэль, маму зовут Боня, дедушка мой — Меир-Йосеф... Я родился в городе Черновцы, жили мы на улице Масарик...» Я написал все это для того, чтобы никогда не забывать, откуда я родом, кто мои предки. Я работал на сельскохозяйственной ферме под Иерусалимом, в кибуце, и моя новая жизнь никак не была связана с моим детством, с местами, где я родился. Я выращивал овощи, трудился в поле, ухаживал за фруктовым садом, работал на цитрусовых плантациях. И все это было так далеко от воспоминаний и ощущений детства. Я жил в великом смятении: кто я? Откуда я? Почему я оказался здесь, а не в том городе, где я родился? Этот город исторг меня, почему же я всегда ношу его в сердце своем? И где мое место? Здесь, в Эрец-Исраэль? Несомненно, это мое место, но я еще не ощущал его подлинно своим. Мне хотелось понять себя и то, что меня окружает. Не утратить свои корни, не забыть прошлое. Утвердиться в настоящем, попытаться прозреть будущее. Так я начал писать... Я никогда не ставил перед собой какую-либо конкретную цель. Я писал, потому что ощущал свое сиротство, свое одиночество, и мне необходимо было высказать то, что на душе.

אֲדֹנָי אֵי יִצְחָק אֲבִי אֵל אֵלֹהֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

ВР:

Но перед тобой неизбежно должна была встать проблема языка. Ведь иврит — не твой родной язык.

АА:

Моим родным языком, на котором говорили мои родители, был, как я уже упоминал, немецкий. В дни моего рано оборвавшегося детства вокруг меня звучали и другие языки: идиш, сладкий язык моих дедушки и бабушки, украинский, румынский, польский, язык русинов... И тот иврит, с которым я столкнулся вначале, обиходный язык человека, овладевшего запасом слов, достаточным для работы на ферме, мало что говорил мне. Это был язык функциональный: «иди», «работай», «спи», «подъем», «приступай»... Мне потребовалось немало времени и усилий, чтобы обрести внутреннее, духовное и душевное, единение с языком иврит. Когда я работал на сельскохозяйственной ферме, в кибуце, в садах и на плантации, я каждый день переписывал одну-две главы Священного Писания. И это переписывание — хоть я и не всегда понимал все, что читал, — соединило меня духовно и физически с ивритской буквой, с ивритской фразой. А немного спустя я взялся за мидраш — сборники раввинистических толкований Священного Писания, затем на мой стол легла Мишна. Потом я точно так же переписывал рассказы нашего классика Шмуэля-Йосефа Агнона, не пропуская ни единого слова... Разумеется, я шел не совсем обычным путем, ибо писатель, как правило, выбирает языком своего творчества язык, усвоенный в детстве. Но как здесь, в Израиле, можно было вернуться к немецкому? Немцы убили мою мать, а я стану писать на языке убийц?! И это мое счастье, что я прибыл в Эрец-Исраэль и обрел язык, ставший моим родным, давший мне возможность сказать то, что у меня на сердце. Иврит — это подлинное сокровище, которым я владею, и теперь это воистину мой язык.

ВР:

А вот я читал у Аарона Аппельфельда, что в душе человека, у которого отобрали тот язык, на котором говорила с ним его мать, никогда не зарубцуются душевные раны...

АА:

Все верно. Я во все дни свои помню лицо моей мамы, слышу ее голос, тоска по ней неизбывна... Но рассказать об этом, рассказать о пережитом сегодня я могу только на иврите.

ВР:

Вот ты говоришь: «Я помню»... «Рассказать о пережитом»... А должен ли, по-твоему, писатель откликаться на события актуальные?

АА:

Разумеется, живем мы в настоящем, и у настоящего есть огромное, решающее влияние на нашу жизнь. Но... Настоящее — только определенный слой в толще времен. Этот слой не представляется мне слишком обширным, а прошлое — далекое и близкое — в сравнении с настоящим я бы определил как некие «осадочные породы», у которых вполне солидная толщина. И в слоях этих «осадочных пород» можно вести раскопки, бурить вглубь, искать себя... В этих мощных пластах «осело» наше детство. А детство — создает тебя. Этот пласт твоей души может быть иногда отодвинут, он может исчезнуть — в силу определенных обстоятельств, но у истинного художника, как мне видится, есть одна особенность: даже в старости он бережет в себе ребенка. У ребенка особый взгляд на мир, в котором простодушие и бесхитрость сочетаются с глубокой любознательностью, желанием постичь окружающее, и мир предстает перед ним в своей мифологической первозданности и цельности. И писатель должен сохранить в себе такое восприятие мира. Великая литература есть стремление свести все времена в непрерывность современности. Потому она всегда современна. Уже в глубокой древности люди поняли, что подлинная литература — это описание того, что происходит в душах людских. В Священном Писании нет ничего внешнего. Мы не знаем, был ли праотец Авраам высоким, низким, худощавым, плотным. Нет описаний, нет эпитетов. Конечно, нам сообщается, что Самсон был богатырем, а про царя Давида дважды сказано, что был он «молод, румян и красив». Но это редчайшие исключения. Священное Писание занято, главным образом, внутренним миром человека, о чем он думает, что он говорит... И эта великая Книга была мне наставником, указавшим путь, она учила меня писать — во всех смыслах этого слова: ведь в школе мне не пришлось учиться, не считая первого класса. Священное Писание наставляет: излагай кратко то, что есть тебе сказать; будь экономен в словах; важна не внешняя сторона, а внутреннее наполнение. Течение рассказа — это течение во Времени.

ВР:

«Писательство — это прокладывание глубокой борозды в скальной породе», — сказал ты однажды. Расскажи об этой «глубокой вспашке».

АА:

Известно, что каждый, кто занят исследованием души своего героя или погружается в глубины собственной души, избирает для себя нелегкое поле деятельности. Сложен его труд: найти верное слово, точную, исполненную смысла фразу. Процесс письма неразрывно связан с другим важным процессом — вычеркиванием. Вот так я и работаю: пишу, вычеркиваю, пишу... И вновь вычеркиваю. А текст — то немногое, что остается после всех вычеркиваний.

ВР:

Вот я нашел у тебя такое определение (в книге «Страницы моей жизни»): «Литература, если это настоящая литература, — религиозная мелодия, которую мы утратили; она вбирает в себя все слагающие веры: обращение к внутреннему миру, мелодию, прикосновение к тому, что скрыто в душе людской».

АА:

Мои дедушка и бабушка были религиозными евреями, я же рос в ассимилированной семье и только летом приезжал к ним в деревню. Но уже тогда я почувствовал, что речь моих дедушки, бабушки, их окружения, с которым я сталкивался в синагоге во время субботних молитв, исполнена какой-то таинственной мелодии, в ней есть особый ритм. Более того, они владеют молчанием. Повзрослев и оказавшись в кругу образованных людей, я встречал немало говорунов, но подлинно религиозный человек знает цену молчания. Однажды Аккерман спросил Гете: «Что вы думаете о Б-ге?» На это Гете ответил: «Дайте мне подумать пять месяцев. А уж после этого мы встретимся, и, возможно, будет у меня ответ, а быть может, и не будет. Во всяком случае, пусть у меня будет возможность помолчать пять месяцев». Молчание, пауза, цезура — важнейшие элементы и в музыке, и в литературе. Ибо суть молчания — остановка во Времени, ты погружаешься в себя, ты наедине с самим собой.

ВР:

Однажды ты сказал: «Стать писателем — это бросить вызов».

АА:

Быть писателем — это в определенной мере отшельничество, монашество, наложение на себя вериг воздержания. Ты прикован к словам, ты их шлифовщик и гранильщик. Ты выбираешь их из горстки алмазов, а обработав, помещаешь на нужное место. Как монахи упражняются в своих молитвах, не отвлекаясь на другие дела, так и работа со словами требует постоянной, ежедневной сосредоточенности, и в этом процессе нет у тебя помощников и подмастерьев. Партнеры писателя — это его читатели. А пока книга еще только пишется, ты всегда наедине с самим собой...

ВР:

В уже упоминавшейся автобиографической книге «Страницы моей жизни» ты, повествуя о своих творческих исканиях, говоришь: «Спасла меня русская литература: благодаря ей преодолел я препоны тумана и символов...»

АА:

Я имею в виду свои встречи с Ф.Достоевским, Л.Толстым, А.Чеховым, Н.Лесковым, Н.Гоголем... Но начну издалека. Моими первыми пророками, у которых я хотел учиться, были Кафка и Камю. Как всякий начинающий ученик, я на первых уроках усвоил, главным образом, внешнее. Поймали меня и опутали мечты, сны, туманы, но я не видел, что туман Кафки сформирован подробнейшими описаниями, осязаемыми и предельно точными, отнимающими у тумана его туманность. Вот тут-то и спасла меня русская литература! У русских писателей я узнал, что нет нужды в тумане и символах: действительность, если она описана верно, сама из себя извлекает символы: по сути каждый объект в определенной ситуации — символ. Великая русская литература, на мой взгляд, никогда не была экспериментальной, как, скажем, французская. Русские писатели, о которых я говорил, создали литературу, устремленную в трансцендентальность, среди ее героев, особенно мне близких и понятных, — старцы в монастырях, странники, преступники, мятущиеся души — те, кто обуян жаждой постичь непостижимое. И эти герои, люди из плоти и крови, в порыве к трансцендентальному максимально проявляют свою человеческую сущность. О русской литературе я скажу, что это подлинная религиозная литература, разумеется, не в клерикальном смысле. Все сказанное относится к литературе XIX века, к той литературе, которая меня «спасла», оказав огромное влияние на мое становление как прозаика...

י' אבנן ו' אבנן

ВР А проза XX века?

АА Если же говорить о прозе XX века, то я бы сказал, что роман «Доктор Живаго» Пастернака в какой-то мере пытается продолжить традиции русской литературы XIX века. Но... поскольку он был евреем, сам с собою находился в сложных отношениях, жил в сложные времена, когда приходилось писать с оглядкой, то «религиозность» этого романа в том смысле, в каком я об этом говорил, вряд ли может стать в один ряд с великими образцами века предыдущего.

ВР Кроме русской литературы и русских писателей, есть и другие авторы, оказавшие на тебя влияние?

АА:

Безусловно! О Кафке я уже говорил. Я читаю его не в переводах, и от этого он мне кажется особенно близким. Он был евреем, который в поисках самого себя доходил до степеней крайних, и это я очень хорошо понимаю. Еще один близкий мне писатель — Марсель Пруст, в котором я тоже чувствую душу еврейского писателя. Я привязан к Бабелю, русскому писателю-еврею, чей стиль мне весьма по душе, хотя я отдаю себе отчет в том, что перед нами — не подлинное творение Бабеля, а перевод. Я читаю Бабеля на иврите, есть замечательные переводы, но не однажды слышал я, что Бабель, как и Андрей Платонов, — просто непереволим.

ВР:

Вот мы снова заговорили о языке. А ведь ты пишешь на языке, который выучил в довольно зрелом возрасте. В современной литературе не так уж много подобных примеров. Я могу вспомнить разве что Иосифа Бродского, который в Америке начал писать по-английски. Скажи, тебе всегда хватает слов, ты не сердись, что вдруг убежало от тебя нужное слово, что язык детства у тебя один, в скитаниях в годы войны был другой, а пишешь ты — на третьем.

АА:

Нет, никогда не сержусь, нужные слова от меня не убегают, ибо иврит — язык богатейший. Ивритом как языком разговорным не пользовались примерно две тысячи лет. Когда я прибыл в Эрец-Исраэль, не так уж много людей говорили здесь на иврите, потому что большинство было недавно прибывшими репатриантами. Овладев ивритом, ты можешь почувствовать мифологическую основу этого языка, его первозданность, ведь на этом языке говорил праотец Авраам, но, с другой стороны, всем

существом ты ощущаешь, что это — очень молодой язык. Этот контраст — глубокая древность и искрящаяся юность современного иврита — делает язык необычайно интересным и привлекательным. И ты чувствуешь себя «сталеваром» (это Аарон произносит по-русски): из драгоценных компонентов ты выплавляешь нечто упругое, гибкое, дорогое, необычайно красивое. Сошлюсь на высказывание Пауля Целана. Я встретился с ним в Израиле. Он — также уроженец Черновцов, немецкоговорящий еврей, тесно связанный с русской литературой, особенно любил и много переводил Осипа Мандельштама. Последние двадцать лет своей пятидесятилетней жизни он провел в Париже, где в 1970 году покончил с собой, бросившись в Сену с моста Мирабо. Так уж случилось, что мы, два земляка, встретились буквально за несколько месяцев до его гибели. Так вот Целан, человек в совершенстве владевший несколькими европейскими языками, сказал мне: «Аарон, я тебе завидую, ты — ивритский писатель. Почему я тебе завидую? Да потому, что ты — еврей и пишешь на языке евреев. Поверь, это очень важно, и я, еврей, который пишет на нееврейских языках, свидетельствую об этом. Язык диктует и культурные ассоциации, возникающие у писателя. А ты, творящий на иврите, весь погружаешься в ассоциации, тесно связанные с еврейской культурой. И это — колоссальная вещь!»

ВР:

Начало твоей жизни опалено трагедией, тебе пришлось преодолеть немало трудностей, но, думается, сегодня уже можно утверждать, что твоя судьба сложилась счастливо.

АА:

Я — счастливый отец, у меня трое взрослых детей. Старший Меир — художник. Некоторое время назад мы с ним выпустили совместную книгу: его цветные иллюстрации — подлинное украшение моего текста. Второй мой сын — адвокат, а младшая дочь — литературовед. Я очень привязан к своим детям, мы видимся каждую неделю. Собираемся за столом в канун субботы, я произношу кидуш — освящение субботы, Царицу Субботу мы встречаем песнопениями... У нас дружная семья. Но не менее важная составляющая моей сегодняшней жизни — обширная семья моих многочисленных читателей, которая заметно увеличилась за последние годы. Выросло новое поколение читателей, которое хочет не только осмыслить настоящее, но и углубиться в прошлое. И это прошлое в ретроспективе настоящего они, читатели, находят в моих книгах. И я работаю. Каждый день встаю рано, к семи часам утра уже за письменным столом. Работаю до полудня, а иногда и позднее. Иногда пишу в кафе. Пишу я обыкновенной ручкой, потом редактирую свой текст и перепечатаваю на пишущей машинке. Компьютера у меня нет, я полагаю, что для тех, кто занимается наукой, компьютер — великое изобретение, но, по моему ощущению, это несчастье для литературы, для искусства, ибо исчезает чувственная необходимость прикосновения к бумаге, к ручке, оставляющей черную борозду на белом поле листа. Когда я пишу, меня не покидает ощущение, что я вырезаю буквы на камне или на металле. Это ощущение приводит в движение и мысли, и чувства, и ассоциации. Рабби Менахем-Мендл из Коцка, великий хасидский праведник, мудрец и остролов, не надевал очков, читая Священное Писание, даже тогда, когда зрение его стало слабеть. На вопрос, почему он не носит очков, рабби ответил: «Не могу допустить, чтобы между мною и Святым Текстом была перегородка». Так и я не перешел на компьютер. Не хочу перегородок...

КНИГА ВЕЧНА, ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ — ПЕРЕМЕКНА ФОРМ

Èdèí à Àdçàì àññááà

Èèòáðàòòðíááà è èdèòèè, ìí àdèàèèòò ìí àdìàññèé èèòáðàòòðá

ÈDÈÍ À ÀDÇÀÌ ÀÑŃÁÁÀ. ÔÏ ÔÏ ÁÁÄÈÌ À ÀDÌ ÀÑÑÈÌÁÌ

Афанасий Мамедов:

На наших глазах детская литература полностью изменила свой облик, индустрия развлечений, «детский гламур» тиражируются, в том числе и в виде книг (всевозможные дайджесты детских сериалов), истории кукол Барби и Человека-паука. На Западе к этому давно привыкли и не считают зазорным. Так, может быть, представление о том, что детская литература должна воспитывать, — наследие советского менталитета?

Ирина Арзамасцева:

В том и проблема современной детской литературы, что она никак не переменит облик полностью, не перейдёт на новый язык, не найдёт художественных форм, адекватных времени и сознанию детей, о которых говорят как о странных незнакомцах и которым приписывают реальные и мифические черты. На Западе привыкли и к брендовым персонажам, таким, как Человек-паук, Барби, персонажам, рождённым торговлей и СМИ. Но там же привыкли и к настоящей литературе для детей. Международные премии — громкие и не очень — показывают нам, что на Западе редко когда пугают искусство с торговой маркой, Божий дар с яичницей. Запад не подаёт нам дурного примера — наоборот, судя по книгам, переведённым на русский в последние годы, у них есть достойная литература. Детская литература должна именно воспитывать, и эта её воспитательная функция не имеет никакого отношения к советскому менталитету, к советским культурным нормам. Эта функция не привнесена той или иной эпохой. Она предшествует появлению детской литературы как таковой. Детская литература рождена в веках с заложенной функцией воспитания. Изъять её оттуда невозможно — имманентное свойство. Вопрос лишь в том, что за воспитание она несёт и каким образом воспитывает. Например, детский гламур задаёт стандарты детского досуга, формирует отношение к потреблению, к высокой ценности. В советской детской литературе отношение к потреблению формировалось прямо противоположным образом. То была низкая ценность. Детский гламур воспитывает черты цивилизованного, ну, в какой-то мере культурного, но ограниченного человека. Способ подачи воспитательных задач довольно-таки простой: есть картинки, которые нужно копировать в личном облике. Всё очень просто, потому мы и к гламурной литературе относимся весьма высокомерно, снисходительно. И тем не менее она воспитывает.

АМ:

Уже сейчас очевидно, что дети не читают книг. Такое ощущение, что сама книга, как и привычка писать от руки, очень скоро станет атрибутом прошлого. Что займёт место детской литературы? Через что дети будут получать поведенческие коды? Достаточно ли будет еврейскому ребёнку одной религиозной литературы?

ИА:

Книга не может уйти в прошлое: слишком укоренено её существование в истории человечества. Она как тот доисторический горшок. Можно сделать его тефлоновым, но он всё равно останется горшком. Обычной вещью стала аудиокнига, развивается электронная, но это лишь изменения формы бумажной книги, остающейся вне конкуренции по той простой причине, что человек привык получать знание с помощью сенсорных органов. Почему-то принято считать, что глаза здесь самое главное, а физиологи утверждают: главное — обоняние и тактильные ощущения. И книга даёт те самые необходимые ощущения, может, ещё какие-то, взаимодействующие с процессом получения информации. От книги человечество не откажется никогда. Электронная книга, аудиокнига — дублёры. Основной игрок — книгопечатание. Что же касается того, что дети не читают, — это и так, и не совсем так. Читающие дети, к счастью, ещё не перевелись. Хотя очевидно изменилась структура детского чтения. И сами запросы юных читателей стали другими. И они, увы, сегодня недостаточно удовлетворяются. И по качеству, и по количеству. Здесь литературный процесс должен выдавать новые формы, переходить на новый язык, но вместо этого — пробуксовка. Поведенческие коды дети и раньше усваивали не только через книги, но и через многое другое, прежде всего через социальную среду. СМИ тут тоже нельзя недооценивать. Что касается религиозной литературы. Она, конечно, играет важную, порой основную роль в воспитании юного читателя, его самоидентификации, религиозной и этнической, но рассчитывать на то, что только такая литература достаточна, — нельзя. Это касается и еврейской религиозной литературы, и литературы других конфессий. В детской религиозной литературе я вижу одни и те же проблемы. Одна из основных: с одной стороны, религиозная литература должна нести в себе древние коды, говорить с ребёнком на языке современном и в то же время древнем, с другой — не должна реконструировать древние модели, но находить современные. Как раз это-то и не получается.

АМ:

Некоторые письма Кассиль иронически подписывал «ЛЕФ Кассиль», даже после того, как с ЛЕФом разошёлся. Не кажется ли Вам, что по большому счёту с ЛЕФом Кассиль никогда не расходился, как это ни парадоксально прозвучит?

ИА:

Что имел в виду Кассиль, подписываясь «ЛЕФ», знал только он сам. Возможно, знали его корреспонденты. Мы не знаем, и, насколько мне известно, нет у нас документальных источников, чтобы расшифровать эту подпись. Если пускаться в игру с предположениями, то мне в этой подписи видится какая-то шутивная расшифровка аббревиатуры, далёкой от левого фронта искусств, либо это шутка с правописанием собственного имени. Если же говорить о тайной верности Кассиля ЛЕФу, в чём оно может состоять? В том, что искусство должно служить советскому народу? Может быть, и так. Кассиль всю свою жизнь старался быть образцовым советским писателем.

АМ:

В автоэпитафии Лев Кассиль написал: «Он открывал детям страны, / Которых на свете нет. / Уча любить ту землю, / Что была ему дороже всего на свете». Вам не кажется, что в этой автоэпитафии есть что-то глубоко галутное, с чем Кассиль, видимо, не расставался?.. И как только это уживалось в нём с абсолютной покорностью «вратарям республики»?

ИА:

Самозэпитафия написана в шуточной форме. У Льва Кассиля вообще было почти «хирургическое» чувство юмора. Как оно уживалось в нём с абсолютной покорностью «вратарям республики»? Там не покорность была, а просто взрослое осознание своей судьбы — жить здесь и сейчас, притом что необходимо осуществить себя, быть самим собой... Что он и делал. Что старалось делать большинство евреев в галуте. И я бы не стала называть одной из лучших, по моему убеждению, его вещей, приравнивать к политическому контексту.

ПРАГМАТИЗМ — НЕ ЛУЧШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Άάδδδδ Άάδδδδ

Βάααααααα αά έι άότδ

Άάδδδδ Άάδδδδ. Ότ ότ PHOTO XPRESS

AM:

Современный язык, который осваивают дети, очень отличается от того русского языка, на котором говорили герои Льва Кассиля в «Кондуите и Швамбрании». Нашим детям приходится расшифровывать смысл многих слов и выражений. Так стоит ли удивляться, что они считают классику старомодной? Как быть, продолжать расшифровывать дальше?

Гарри Бардин:

Думаю, тут следует как можно скорее возвращаться к нашим истокам, потому как культура — прежде всего носитель языка. Если мы откажемся от своего богатого русского языка, на котором говорил ещё Пушкин, подаривший нам этот язык, мы обедним себя. А может статься, и не только себя. С потерей родного языка мы теряем главное — самоидентификацию. И в будущем это будет страшной трагедией для всего нашего народа.

AM:

Когда мы вспоминаем «Кондуит и Швамбранию», мы не можем не вспомнить легендарного Оську и кошку «еврея». А у вас было еврейское детство, оно походило в чём-то на детство этих мальчишек? Не есть ли ваше искусство та самая страна-прибежище, которую мы придумываем себе в детстве, чтобы прятаться самим и прятать в ней близких нам людей?

ГБ:

Она, «страна-прибежище», есть, наверное, в каждой семье вне зависимости от её национальной и классовой принадлежности. Тут, я думаю, очень важна та атмосфера, которую принято называть «семейной». Если в семейной атмосфере разлита доброта и любовь, то она побуждает именно к такого рода отношениям, к такого рода творческим фантазиям. «Кондуит и Швамбрания» — книга, которую полюбили не только евреи. Это говорит о её интернационализме — не последняя составляющая подлинного художественного произведения.

АМ:

Сейчас эпоха визуальных и синтетических искусств, сама книга тоже меняется, совмещает в себе много разных функций. Может, будущее за аудиокнигами, за голосом мудрого взрослого?

ГБ:

Я воспитан на шелесте страниц, и потому мерцающий экран компьютера никогда не заменит мне книгу на ночь. В этом смысле я остаюсь приверженцем старой традиции. Я очень надеюсь, что родители детей передадут им по наследству то мало с чем сравнимое удовольствие, какое испытывает человек, держащий в руках книгу.

АМ:

Мы привыкли к тому, что классическая детская литература учит нас реальным отношениям между людьми разных национальностей и вероисповеданий. Сейчас наблюдается триумфальное шествие жанров, воплощающих иную реальность. Это новая сказка или старая для новых детей?

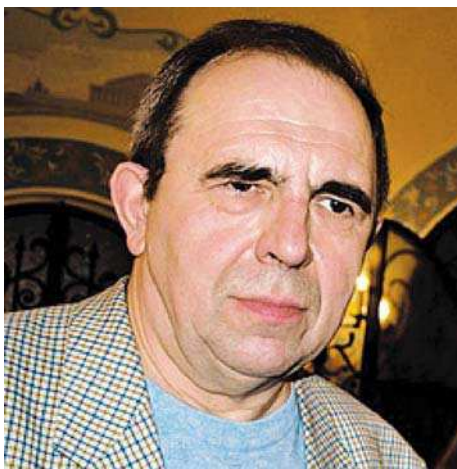
ГБ:

Это — кривое зеркало, я бы сказал. Со временем оно должно быть выправлено. Это — болезнь роста человечества. Необходимо вернуться к романтике детской книги, потому что, если брать таких классиков, как Лев Кассиль или Аркадий Гайдар — я их свожу вместе, поскольку они оба были романтиками, — вот этого чувства романтизма сегодня не хватает не только детям, но и взрослым. Мы теряем чувство мечты, чувство высоких грёз, того, что было в тех самых книгах, о которых мы говорим, потому что на подмену романтизму пришёл прагматизм. А прагматизм — это не лучшая составляющая нашей жизни.

О САМОМ КАССИЛЕ НАДО БЫ КНИГУ ПИСАТЬ ...

Νάβιαέ Άϊ εὐδὲαί εἶ,

Ἰ δῖ σαεε, εἰεὐαβαὸὀδῖ ἁἁἁ

Νάβιαέ Άϊ εὐδὲαί εἶ

.AM:

Можно ли о Льве Кассиле сказать, как он сказал когда-то о Чуковском: «Все, кто встретится с ним в младенчестве, полюбит его уже навеки»? Считаете ли вы Кассиля писателем незаслуженно забытым?

Сергей Дмитриенко:

Он не забыт. Уже во время кризиса издали пятитомник его сочинений, «Кондуит и Швамбрания» переиздается ежегодно... но об этом можно пожалеть. В книге нечестно, примитивно представлена российская гимназия, юмор вокруг «кондуита» — хамского оттенка, подыгрывающий большевистской власти и её системе воспитания. Вместе с тем история Швамбрании прелестна, идея идеальной страны, справедливого мира — одна из главных в детстве каждого человека. Эта книга — поистине эмблема творчества Кассиля, живое и отвратительное — всё вместе.

AM:

Чётко ли определяется сегодня граница между взрослой, «большой», литературой и детской, «маленькой»? Или в подобном разделении отпала надобность: дети нынче взрослеют раньше, родители, напротив, долго ходят в инфантах. В этой связи считаете ли вы, что необходимо вводить такое понятие, как «экология детства»?

СД:

Кажется, Набоков сказал: детей нужно учить только хорошему, плохому их научит жизнь. О защите детства думаешь, едва включив телевизор, компьютер... Всё смешано, границ нет. А здесь нужен строжайший апартеид! Дадим детям пожить в мире тёплой сказки, вне этих реклам прокладок и кондомов, публичных истерик гомиков, мата в массмедиа и прочей взрослой мерзости. Но в литературе главная проблема — не отделить взрослое от детского, а не позволить халтурному, словесно мёртвому теснить живое слово.

АМ:

В детстве я много читал Кассиля, сегодня он мне кажется писателем куда более «красным», нежели тот же Гайдар. Вообще, мне кажется, от Кассиля если что-то и осталось, так это «Конduit и Швамбрания». А что бы вы включили в собрание его сочинений?

СД:

Вне сомнений, Кассиль был потрясён, когда им же прославленного брата Оську объявили «врагом народа» и расстреляли. Он, конечно, искал какие-то основания, чтобы попросту не сойти с ума. Так у него продолжились появляться «страны, которых нет на карте», но детские мечты всё же победила конъюнктура, и он дописался до жалкой агитки «Про жизнь совсем хорошую». Был и талант: удачи Кассиля — это роман «Великое противостояние», некоторые произведения о спорте, что-то из рассказов. О нём самом надо писать книгу, скучно не будет!

АМ:

Почему детская литература во времена Эсэсэсэрии считалась «еврейской вотчиной», с чем это было связано, только ли с еврейской чадолюбивостью?

СД:

Такого суждения, явно исходящего от литературных бездарей и лентяев, я не слышал. В детской литературе советского времени было немало убогих сочинений, но давайте хоть здесь обойдёмся без поиска известных виноватых. Думаю, истинно советская литература (в том числе детская) писалась, по сути, на советском языке, то есть на языке инструкций, распоряжений и лозунгов, а не на языке, основанном на образном, метафорическом выражении лично пережитого. И не имеет сколько-нибудь существенного значения, кто это писал, — выходцы (определим так) из русских, евреев, украинцев или представителей других народов, населяющих нашу необъятную страну. Если всё же обращать внимание на вышеназванный, странноватый для нормального человека тезис, то, пожалуй, русские детские писатели, каким-то образом связанные с еврейскими традициями семейного воспитания, как раз делали хорошее дело, это заметно: в своих произведениях для детей они так или иначе воплощали идею сильной семьи, рода, здорового семейного уклада, что было важно в эпоху, когда от литературы требовалось воспитание огосударствленного человека-винтика. Ну, если хотите именно про евреев, то они так же потрудились, как переводчики с самых разных языков на русский. А вот мой вопрос: в нашей семье родители, а потом и мы с братом увлечённо собирали антологии и сборники сказок народов мира. Но почему-то никому из нас в советские времена не попались книжки еврейских народных сказок. Почему? Плохо искали? Или есть какой-то иной ответ?

острейшее разочарование, которое разделила с героями рассказа, когда из патефона вместо замечательного баса, исполняющего «Есть на Волге утёс», послышалось «Жил-был у бабушки серенький козлик, вот как, фить как...» Про него в основном и буду писать. Вообще же Кассиль — типичнейший советский детский писатель, и в двух словах это сложное явление не опишешь.

АМ:

Детские просторы невелики, и если говорить об «экологии детства», то следует признать: взрослые на «абвгдейкиной» территории мусорят не меньше. Хоть телевизор включи, хоть книгу детскую открой. Должно ли искусство для детей иметь чёткие границы?

МЧ:

Как во все времена, часть очень хорошей литературы медленно, но верно спускается к детям. Да, похоже, взрослые в России разучились анализировать — то есть разымать явление на составляющие, устанавливать между ними причинно-следственные связи. Живут и инфантильно мыслят нерасчленёнными эмоциями: «Ельцин и Гайдар нас обобрали!» Дети и подростки, надеюсь, ещё не утратили аналитической способности. Им адресую я биографический роман «Егор» с подзаголовком «Книжка для смышлёных людей от десяти до семнадцати лет». Объяснить что-то взрослым согражданам я уже не надеюсь. Они легкомысленно ломают будущую личность своих детей, которые с десяти-двенадцати лет слышат, как папа и мама говорят, что от них в их стране ничего не зависит. Из-за этого и стала писать «Осинкину». В ней, если хотите, я и озабочена экологией детства.

АМ:

Жизнь человека в XXI веке изменилась радикально, реалии нашей повседневности, уровень технического прогресса совершенно не мыслимы для литературы прошлого века, не говоря уже о веке позапрошлом. Вероятно, действительно новому времени нужна иная детская литература. Но какая тогда, на каких носителях?

МЧ:

Насчет носителей — увольте. Достаточно того, что я сама с 1996 года работаю только на ноутбуке — не переставая этому удивляться, поскольку всю сознательную жизнь считала себя придатком к ручке. Но на этом моя рефлексия насчет носителей заканчивается.

К концу жизни человек забывает «вчерашний день», притом что помнит с фотографической точностью завитушки далёкого детства. Но мы родом не только из «можно» и «нельзя», в итоге — слагаемых судьбы, опрокинутой назло еврейской бабушке столовой ложки рыбьего жира, — мы родом из скрипучих книжных шкафов... Воспоминания, связанные с детством, родительским очагом, — белеющий парус нашего будущего. Будет ли вчерашний ребёнок в Пути одиноко искать бури, или ему окажется по сердцу тихо ходить с толпой, во многом зависит от правильно составленных библиотек, в которых, уверен, с незначительными оговорками, должно найтись место «Кондуиту и Швамбрании».

ЭТОТ ВОЛШЕБНЫЙ «БОМОНД»

Беседу ведет Матвей Ганапольский

Отмечая тяжкую дату начала Великой Отечественной войны, хотелось бы ретроспективно «послушать» Михаила Танича, которого, увы, уже нет с нами. По мне, если бы Михаил Танич не написал в своей жизни ничего, кроме песни «Зеркало», — этого одного было бы достаточно для обожания. «Давай не видеть мелкого / В зеркальном отражении. / Любовь бывает долгою, / А жизнь еще длинней...» Чем не лозунг для яркой, наполненной событиями жизни? Михаил Исаевич был у меня в «Бомонде» несколько раз, но я выбрал фрагмент программы, посвященной Дню Победы. И фронтовик Танич, отсидевший «по полной» в сталинские годы, был в этой программе очень кстати.

И́тъо е е́и и́тсёо́дд́И е́бдее́ Оа́йе: о́тъа́й а́и́ à 13 о́а́дддд́е́у 2007 а́а́а

МАТВЕЙ ГАНАПОЛЬСКИЙ:

Мне обидно, когда говорят, что 20 миллионов погибло, а на самом деле 30. От этих 30 осталось только: «Мы дошли до Берлина». Как будто и не было их вовсе.

МИХАИЛ ТАНИЧ:

Жалко, что нашей страной такой варвар руководил и ему слава досталась за эту победу, за войну, затеянную им самим же. Вот что обидно. Мудрецам и хорошим работникам выбраться из того... куда мы попали, очень трудно было. Не завидую и нашему президенту: трудно выходить из таких ситуаций — ищут все национальную идею. Вот когда мы воевали, была эта национальная идея: нам надо было отстоять страну и победить фашизм. Это мы сделали ценой неимоверных усилий. «Мы за ценой не постоим» из Окуджавы — вообще-то поговорка довольно-таки циничная. Именно что «не постоили». Жуков не считал, Сталин придумывал врагов народа и был предводителем «страны врагов народа». Недавно я ездил с гастролями на родину в Таганрог и в Ростов, подарили мне там книжку — толстенный 3-й том о расстрелянных в

Ростовской области и Азово-Черноморском крае. Там и мой папа был указан одной строчкой. Страшно... Приведены факсимильные списки, подписанные Сталиным. «Я за»: Сталин, а дальше — Молотов, Каганович, Ворошилов. В основном эта четверка фигурировала, иногда — Жданов. Страшно смотреть. Сталин людей не знал в Азовско-Черноморском крае, значит, списки присылались из самого Ростова-на-Дону, и он их подписывал совершенно безжалостно, без сожаления к этим людям. НКВД предлагал, он не возражал, только и всего. А потом приезжал дня на два так называемый выездной суд из корвоенюристов, бригвоенюристов, три человека: председатель выездной коллегии и два члена, тоже военные юристы. Оформляли в течение 30 минут все приговоры по списку. И в этот же день, самое крайнее завтра, расстреливали. Расстрельщиков привозили с собой, потому что в НКВД их нет: за два дня командировки людей сотнями стреляли. Приезжала такая команда сплоченная. За всем этим и стоит формула: «За ценой не постоим». Я сейчас написал с «Лесоповалом» новый альбом, 13-й по счету, мне самому не верится, и есть в альбоме такая песня, называется «Бизнес-план». Там такой припев: «Как говорил один цыган, / А нам бы новый бизнес-план, / Чтоб бабки — нам, а срок — другим. / Мы за ценой не постоим». Я нарочно эту строчку вставил, потому что, когда в таком циничном виде «за ценой не постоим», — это можно, это даже смешно, а когда в войне не постоять за ценой — это плохо, лучше бы дешевле она нам обошлась.

МГ:

Мы живем в какое-то странное время — нет национальной идеи, каждый сам по себе, и власть, и мы с вами: у вас — «Лесоповал», у меня — «Эхо». Невероятная государственная разобщенность, народная, гражданская... Некоторые говорят, что это хорошо — не стоит оглядываться на государство.

МТ:

Лозунг «Обогащайтесь!» уже был в истории нашей страны. Все перепробовано... Не думаю, что есть какой-то Эйнштейн, который может открыть нечто невероятное. Все уже было: карточки продовольственные... я стоял однажды уже в наше время, в 1990-м году, в гастрономе у Покровских ворот, мне нужна была или сметана, или кефир, не помню уже. Длинная очередь в кассу, наконец подошел, кассирша сказала, что нужен паспорт. Проверила прописку — выбила чек. Кошунство — по прописке выдавать кефир. Когда я сидел у вас в гостевой комнате, коротая время, смотрел газету «Московские новости» с портретом Солженицына. Вот он говорит: самая важная государственная задача сейчас — беречь народ. Ну что это означает? Он всегда выдумывал такие вот формулы. Народ живет не так плохо материально, он даже свободу сейчас имеет какую-то, в каком-то нашем понимании: можно что хочешь говорить, можно уезжать, можно даже выступить где-то в печати и так далее. Народу, чтобы он выжил, ничто не угрожает, у него другие идеи. Но Солженицын садится на своего конька.

МГ:

Есть люди, вспоминающие ностальгически, например, БАМ. Они говорят: да, он был бесцельный, но он объединял народы СССР.

МТ:

Такую цель, как БАМ, могут придумать не один раз. У нас, видимо, не может быть национальной идеи, ввиду самой формы нашего государства. Оно построено как многонациональное. Хотя на национальность обращалось особое внимание. Думаю, в Америке такого нет, а она тоже состоит из разных пришельцев, и национальной идеи в ней тоже нет. Национальная идея подразумевает, что человек должен жить достойно в любой демократической стране. Это значит, что не должен бедствовать студент, солдат, пенсионер. А заслуженная по старости пенсия должна обеспечивать нормальную жизнь. «Сажусь к столу с уже готовым стишком, придуманным в рассвет, / И не управиться со словом, и под подушкой ручки нет. / Летят-летят они, лихие, слова из снов моих цветных —/ Я расставляю запятые и останавливаю их».

Ἐὶ τὸ ἀνάγκη ἵ ἐοῦσέῃ Ἰσραὴλ οὐδέ τίς ἰσχύει ἐξ ἀσπίδος ἀπὸ τῆς ἐπιπέδου γῆς ἀδοῦναι ἢ τῆς ἀπὸ ἐπιπέδου ἔρδαι, ποῦ δὲ Ἀβραάμ, ἢ Νωὰμ, ἢ Αἰθίοπα Ἀσσυρίαι, ἢ Νωὰμ τῆς ἐπιπέδου (ἢ. Ἐβραϊκῶν. 2011. 14) αἰσθάνει ἢ τῆς ἀπὸ τῆς ἐπιπέδου ἀπὸ τῆς ἐπιπέδου. Ἰσραὴλ οὐδέ τίς ἰσχύει ἐξ ἀσπίδος ἀπὸ τῆς ἐπιπέδου

Максим Шевченко, islamnews.ru. Задача подобных Сатановскому — развалить Россию и держать ее в качестве колонии Запада и Израиля.

Иосиф Хейфец, ишув **Шани**, lechaim.ru. Сатановский — стратег. Один из немногих, предвидящих грядущий апокалипсис. О вялотекущей третьей мировой войне никто всерьез не хочет думать. В этом трагедия западной цивилизации, медленно, но верно, скатывающейся в пропасть. Это не стандартная война двух или нескольких враждующих армий. Это война с детьми, женщинами и беспомощными стариками. Трагедия 11 сентября ничему не научила власти. Безусловно, первым под ударом окажется Израиль. Но Б-г спасет Свой народ, хотя огромные жертвы неизбежны. А остальные страны однозначно обречены на вымирание.

Savely, **Иерусалим**, lechaim.ru. Только слепой или не желающий видеть не замечает интенсивную и экстенсивную экспансию ислама. Поднимается в ответ пока только отчасти христианский мир. Единственным форпостом противодействия на пути к всеобщей исламизации является крошечный Израиль. Пока молчит Православный мир. По-видимому, не может очиститься от традиционного и многовекового антисемитизма, ставшего, вероятно, уже биологическим фактором. Говорят, что в православных храмах регулярно читается молитва об «освобождении от иудейского ига». Где и когда иудаизм на кого-нибудь влиял или угнетал? Об этом нужно спросить у господ Шевченко, Проханова, Макашова, Шафаревича, у теоретиков православия типа дьякона и профессора Кураева и пр., и пр. Они-то знают. Нужно срочно «переформатировать» отношения мировых конфессий с исламом. Е. Сатановский обрисовал ужасную, но вполне возможную картину краха цивилизации под неудержимым напором исламской экспансии. Помутился разум у леволиберальных политических лидеров Запада, утративших способность решительно противодействовать надвигающейся катастрофе.

LeoNYC, forum.israelinfo.ru. Настоящие друзья Израиля не работают в гос. кормушках в России и не рассказывают сказок миру про страну, которая до сих пор поставляет оружие Сирии, строит ядерные реакторы в Иране и оружием которой убивают израильских солдат. В его словах и комментариях просвечивается официальная российская политика — особенно по отношению к США. Обвинять может любой — просто сидеть на сытом месте в Москве и раздавать советы.

Silwestr, forum.israelinfo.ru. Удар неконвенциональным оружием по Асуанской плотине? Говорят: «Бодливой корове Б-г рогов не дает». Более наглое и нахальное заявление сложно себе представить. Только сумасшедший может предложить использование оружия массового поражения для достижения военного превосходства в нашем регионе. Еще один камикадзе доморощенный... Впрочем, там, где он находится, гораздо безопасней, чем тут, почему бы и не пофантазировать. Т. е. массовый «Аллах Акбар» (на иврите, разумеется) всего еврейского народа, не спрашивая его согласия на глобальное самоубийство?! До такого еще ни один исламский террорист-камикадзе не додумался.

Murky, forum.israelinfo.ru. Факт, что Сатановский — друг Израиля, могут подвергать сомнению только отъявленные циники или те, кто никогда с ним не сталкивался и не читал. Но речь не о нем. Насколько верен его прогноз, не сгустил ли Сатановский краски? Допустим, прогноз верен, хоть отчасти, какие выводы должен сделать и какие меры должен предпринять Израиль? Ведь если Евгений Янович прав, большая война неизбежна. Притом Израиль в ней может рассчитывать только на себя. Что-то не видно, чтобы у нас о ней думали и готовились.

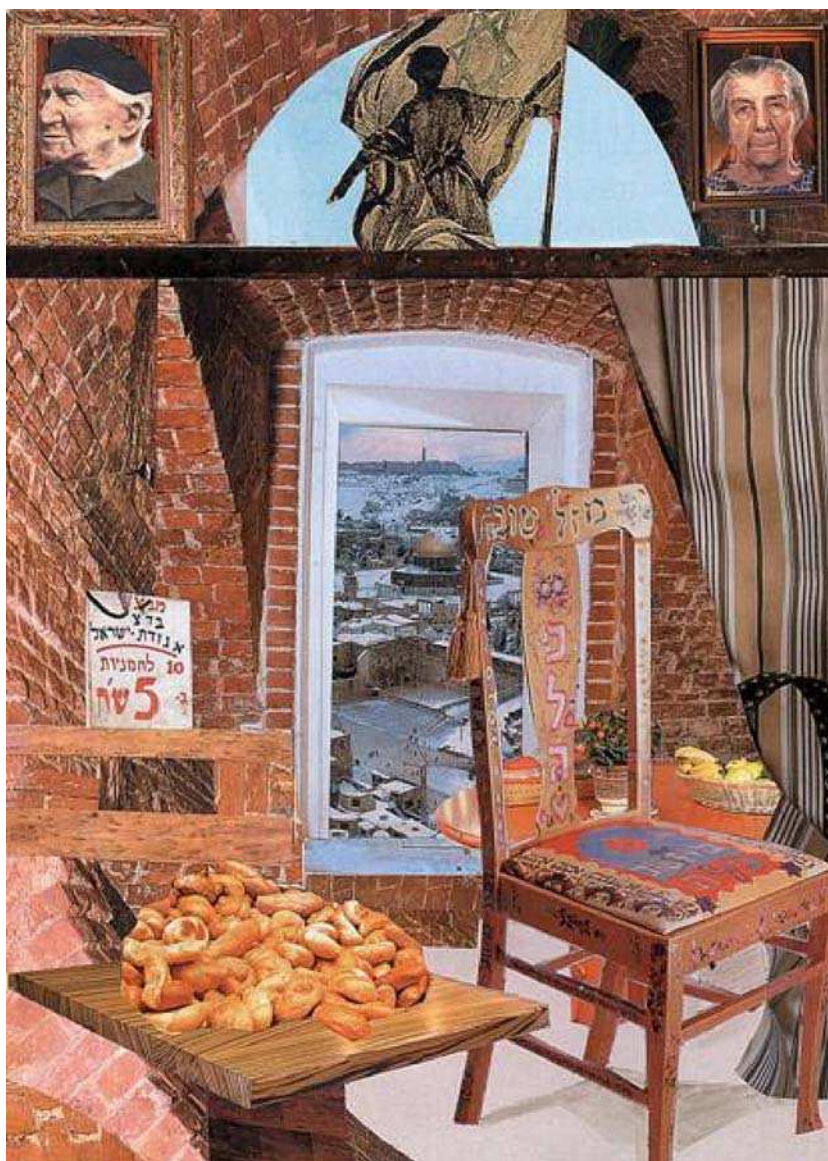
Danik, forum.israelinfo.ru. Хочется, чтобы в администрации Обамы был советник по БВ уровня и взглядов Сатановского. А то судя по тому, что эта администрация здесь наворотила, советники по БВ — из ближайшего дурдома.

Анин, mnenia.zahav.ru. Ничего не «запутал» Е. Сатановский, а расставил все по полочкам. И Иудейскую войну точно к месту вспомнил.

ТРИ, ЧЕТЫРЕ ТОВАРИЩА

Ṭa'arä Çe'aräd

Если вам доведется спускаться по нечетной стороне авеню Короля Георга V в сторону Яффской дороги, то на углу пешеходной улочки Мордехая Бен-Гилея вы, скорее всего, заметите витрину пекарни «Нэеман». И буде вы человек, так сказать, новой формации, то есть во всем следуете мировому стандарту, а в Иерусалиме обретаетесь без году неделю, а то и вообще заехали сюда с недалекими туристическими целями, то вы, вполне возможно, даже соблазнитесь какой-нибудь интернациональной слойкой, распираемой джемом неизвестного происхождения, или, напротив, левантийским гибридом венецианской пиццы и московского хачапури с приставшими к резиновому сыру ломтиками обугленного перца-гамбы. Толкнув тяжелую стеклянную дверь заведения, вы протянете облаченной в цвета фирмы сонной девице немнущийся, новой синтетической выделки двадцатник с зеленой физиономией Мойше Чертока, потребуете разогреть типовую выпечку на микроволне и рассеянно сжуete ее прямо тут же, за стойкой, сквозь толстое пыльноватое стекло, как сквозь годы чужой жизни, наблюдая невнятное вам роение города.

Настоящий иерусалимский житель в пекарню «Нэеман» вряд ли войдет. Не говоря уже о том, что ему, повывавшему на своем виду такое, что другим и не снилось, мое скромное повествование ничего нового не откроет. Он прекрасно знает не только эту историю, но и сотню-другую иных, куда более парадоксальных. Его воображение трудно поразить — он сразу же смекнет, что к чему, и дальше вступления за мною не последует. Зачем, спрашивается, нарочно беречь старое и понапрасну расстраиваться, если и

так прекрасно помнишь, что именно находилось в этом помещении всего несколько лет назад? Вот поэтому-то я и обращаюсь к вам, неوفиту, наивному нью-йоркскому провинциалу или гостю столицы из гордой своим историческим прошлым Петах-Тиквы.

Современный фастфуд, притом отнюдь не худшего качества, вряд ли причинит серьезный вред вашему здоровью. Никто бы не заподозрил пекарей «Нэемана» в том, что они, подобно Царю Фалафеля, еще какой-то десяток лет назад писавшему невероятные картины в своем угарном заведении на расстоянии каких-нибудь пятидесяти шагов отсюда, применяют в готовке машинное масло. Мировой стандарт подобных эксцентрических вывертов не допускает. И все же, по каким-то совершенно невнятным вам причинам, вторую половину вашей выпечки вы предпочли бы не есть. Не то чтобы вы пожелали отдать ее врагу, но предпочли бы поделиться с парочкой ворон, нагло разгуливающих между машинами, или со стайкой воробьев, засевшей на крыше автобусной остановки. Вы бы, вполне вероятно, подумали даже, что и вообще не следовало соблазняться этой лепешкой, а лучше было всю ее с самого начала, не разогретую, отдать птичкам Б-жым. Вот и горлицы как раз прохаживаются по тротуару: короткий зимний дождик миновал, и слышатся их воркующие голоса. Зачем выбрасывать слойку в помойку, если деньги уже заплачены...

Поздравляю вас, дорогой друг, вы постепенно начинаете кое-что осознавать. Настал подходящий момент поведать вам о том, что за события разворачивались на том месте, где вы сейчас стоите, ожидая автобуса четвертого маршрута до университета на горе Скопус и размышляя, как вам поступить с недоеденным куском печеного теста. Пришло время сообщить вам, какие действующие лица принимали в этих событиях участие и какие важные последствия все это имело для окружающего мира.

Итак, еще совсем недавно (а порою кажется, что прошли с тех пор века) в тесном помещении на углу Короля Георга V и Мордехая Бен-Гилеля размещался мясной ресторанчик Иццока Фалька. Там-то они всегда и встречались по средам — господин Зумминер, реб Йосе Шик и товарищ Шмеркин — трое закадычных друзей. Хотя на самом деле было их четверо, как мушкетеров короля заодно с д'Артаньяном, поскольку сам ресторатор Фальк тоже принадлежал к этой компании. Собственно, ничего общего с мушкетерами, забияками и фанфаронами, они не имели, а были довольно тихими вежливыми старичками, совсем не похожими на тех хамоватых атлетов и землепашцев — новых евреев, которых давно уже культивируют в Святой земле для решения насущных задач светлого будущего. Были они старичками не только по счету лет, но и, так сказать, по самой своей формации, словно уже родились седыми, лысеющими, со всякими причудливыми морщинками в самых неожиданных местах, с мешочками под глазами и прочими приметам старины, словно, знаете ли, так и появились на свет Б-жий с выражением лица. А выражение лица — это вовсе не такая простая и сама собою разумеющаяся вещь, как вам может показаться. Что оно, собственно говоря, выражает, такое лицо? Вот именно...

На первый взгляд он простак простаком, сразу видно, что руководить государством или, скажем, Берлинским симфоническим оркестром ему бы не доверили. Не то чтобы он, упаси Б-же, не справится. Еще как прекрасно бы справился. Только для того, чтобы это понять, потребовался бы хотя бы еще один, более проницательный взгляд, на который ни у кого нет досуга. К тому же он сам наверняка отказался бы от такого бессмысленного назначения. Что ему, делать нечего, что ли, кроме как совещаться с министрами или стоять к публике спиной и размахивать палкой! У него полно занятий и поважнее, и поинтереснее.

Наверное, с одним таким персонажем вы хоть раз в жизни встречались. Может быть, даже внимательно присмотрелись к нему и с изумлением покачали головой, не в силах разрешить простенькую задачку, кроющуюся в наивном взгляде этого сфинкса. Не то чтобы он, родившись дряхлым старцем, с течением лет молодец, как наша древняя столица, пока не превратился в младенца. Б-же упаси! Все это бабушкины сказки, а мы тут ведем разговор о вещах совершенно реальных, о природном, если так можно выразиться, явлении. Но четверо таких старичков, много лет подряд собиравшихся вместе каждую среду, это уже, пожалуй, случай из ряда вон выходящий. Особенно если задуматься, где все это происходило. А происходило это, как вам уже известно, в Иерусалиме, на перекрестке улиц, названных именами Короля Георга V и Мордехая Бен-Гилеля. Вот так: с одной стороны — король английский и император, родитель-деспот и страстный филателист, сочувствовавший делу возвращения избранного народа на Святую землю; с другой — средневековый еврейский книжник из Нюрнберга, убитый погромщиками вместе с женой и пятью детьми и по преданию похороненный на Масличной горе. О чем говорит такое скрещение улиц?

Да, хотелось бы и мне лучше разбираться в знаках судьбы и вообще больше понимать в этой жизни, да видно, не всякому это дано. Но, слава Б-гу, каждому позволено с широко раскрытым от изумления

ртом останавливаться перед загадками, рассеянными буквально на каждом шагу, и не слишком опасаться, что, мол, ворона залетит. Не залетит, ворона — птица сообразительная.

Так вот, господин Зумминер был владельцем хозяйственного магазина, который сам же и ликвидировал, отправившись на заслуженный отдых и пробив непоправимую брешь в судьбе всех тех, кому и сегодня может ни с того ни с сего потребоваться молоток нестандартной формы; реб Йосе Шик торговал бумагой и канцелярскими принадлежностями (вывеску над дверью писчебумажной лавки можно видеть и по сей день), а товарищ Шмеркин до последнего времени являлся хозяином аптеки, прямо через дорогу, напротив того самого ресторанчика. Хоть он и был хозяином аптеки, оставаясь таковым и после того, как господин Зумминер и реб Йосе покончили счеты с торговлей, но считал себя почему-то пролетарием, который морально противостоит лавочникам и капиталистам, а потому предпочитал говорить о себе, что этой аптекой он заведует. Что касается самого Фалька, то поговаривали, будто настоящая его фамилия не то Абрамович (в честь Менделеева, дедушки еврейской литературы), не то Рабинович (очевидно, в честь Шолом-Алейхема), это как вам больше нравится, но уж во всяком случае совершенно точно не Фальк. Все это, однако, большого значения не имеет. Достаточно отметить, что фамилия была абсолютно старорежимная, характерная такая ашкеназская фамилия, которую пристало носить где-нибудь в Лодзи или Барановичах, а вовсе не на углу улиц Короля Георга V и Мордехая Бен-Гилеля в столице еврейского государства. Впрочем, если на то пошло, то и фамилия Фальк, не говоря уже о Шмеркине, Шике и Зумминере, тоже в этом отношении большой находкой для строителя светлого ближневосточного будущего не являлась.

Что можно сказать о наружности наших героев? Все четверо, как уже говорилось, выглядели образцовыми простаками, отставшими от скорого поезда новой жизни на перроне одного из среднеевропейских городков. Этим все сходство между ними и ограничивалось. Господин Зумминер больше всего походил на престарелого коротконового барбоса с отвислыми щеками, чьи родители, заводя роман, думали о чем угодно, кроме сохранения породы. Товарища Шмеркина уместно сравнить с парикмахером из широко известного анекдота про «бей жидов»: что аптекарь, что парикмахер — разница невелика, особенно принимая во внимание щегольские усики этого «пролетария», которые он прилежно красил и, кажется, даже поправлял фиксажем. Реб Йосе Шик был изрядно высохшим высоким широкоплечим мужчиной, которого можно было бы назвать осанистым, когда бы осанка его, одновременно с несколько театральной запрокинутостью назад, не состояла в сильном перекосе на правую сторону, вызывавшем неодобрение левацки настроенного владельца аптеки. А о внешности ресторатора Фалька вообще трудно сообщить что-либо определенное. Удивительное дело: даже люди, посещавшие его заведение на протяжении десятков лет, сегодня затрудняются припомнить, как же именно он выглядел. Как будто можно представить себе какого угодно Абрамовича или Рабиновича — и созданный нашим воображением неяркий образ будет с изрядной долей точности соответствовать действительному его портрету. Так что сами видите: неблагоприятное это дело — обрисовывать внешность героев.

Гораздо больше перспектив открывает перед рассказчиком описание ресторанчика. Столиков там, сколько я помню, всегда было ровно шесть. Один из них предназначался только для нашей четверки. При нем постоянно стояли три стула, а четвертый, когда старички-приятели собирались по средам, хозяин всегда приносил сам и сам же на него усаживался. Во все остальное время за этот столик никого категорически не пускали, не вменя никаким просьбам и уговорам, и на нем красовалась фаянсовая табличка «Оккупіерт», явно попавшая в Иерусалим из прежней жизни, о которой остается только гадать. Все кому не лень рассказывают на свой лад, добавляя самые разные мотивировки и подробности, якобы совершенно поразительную историю о том, как старик Фальк отказался кормить у себя Генри Киссинджера. На самом деле в этой подлинной истории нет ничего необычного, поскольку Государственному секретарю США заблагорассудилось отобедать там именно в среду.

Напротив входной двери располагался бар, и, сидя, словно канарейка на жердочке, за его стойкой, можно было получить не только рюмку бренди ВВВ или шнапса, но и миску превосходного супа-гуляша. Некоторые заходили туда нарочно, чтобы полюбоваться развешанными по всем стенам хозяйскими коллекциями. Чего там только не было! Скажу вам совершенно точно: там не было абсолютно ничего такого, что появилось на свет начиная с конца пятидесятих годов минувшего века. Зато там висели водяные курительные трубки с расписными фарфоровыми чашечками, акварельки эпохи становления государства в тонких крашенных рамках, карикатуры покойного Доша на Арика Шарона и Эфраима Кацира (кто теперь помнит, как выглядел Эфраим Кацир!) и даже его самый первый Срулик в шапке «тембель», нарисованный зеленым карандашом на обрывке бурой оберточной бумаги, а также, откуда ни возьмись, — фотопортрет Кемалья Ататюрка в смокинге и галстуке-бабочке. На полках красовались сувениры с европейских горных курортов, керамические пивные кружки с рельефами и фигурными оловянными крышками и кружки с носиками — для кислых вод, пустая пыльная бутылка темно-коричневого стекла из-под орехового ликера «Крепкий орешек» со стилизованной физиономией Давида Бен-Гуриона на этикетке, в окружении изрядного собрания карликовых бутылочек с травными ликерами и желудочными настойками, статуэтки, изображающие охотничьих собак, балерин и негрятят, а также множество других экспонатов, именуемых в профессиональных кругах «параферналей». Словом, если посетителю абсолютно не о чем было разговаривать со своим визави за столиком, то они оба всегда находили, чем занять свое внимание. А если изысканный и требовательный вкус в искусстве не позволял им от души наслаждаться лицезрением коллекции старика ресторатора и она представлялась им несколько провинциальной и даже банальной, то к услугам перфекционистов были все лучшие музеи мира — кто их не пускал, скажем, в Дрезденскую галерею или в дом покойного доктора Тихо с собранием пейзажей его супруги.

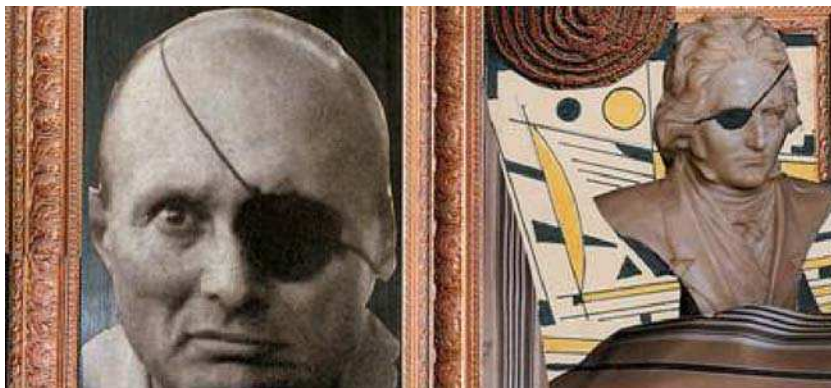
Говорят, что в прежние годы, когда кнессет находился в каких-нибудь ста метрах наискосок, в этом ресторанчике часто появлялись Голда и сам Бен-Гурион, не говоря уже о всякой парламентской мелюзге. Но все эти государственные мужи и тетушки, сами они, пришедшиеся тут к слову, и их высокая политика, имели весьма и весьма малое влияние на нашу переменчивую действительность. Или, скажем точнее, как раз Бен-Гурион и Голда, какими бы портачами ни считали их наши рафинированные интеллектуалы, еще кое-как помогали реальным мировым силам вращать второстепенные несмазанные колесики истории, именно потому, что захаживали в этот ресторанчик. А вот нынешние, портящие не только свой вкус, но и желудки в буфете нового кнессета и в дорогих ресторанах Тель-Авива, эти-то уж и вовсе лишние люди. Во всяком случае, если сопоставить производимые ими в мировом и отечественном пространстве волны и вибрации с теми, которые, как вы сами увидите, исходили от четырех престарелых простаков.

Удивительное дело, до чего слепы и доверчивы люди, придерживающиеся укоренившегося представления о том, будто важнейшие события мировой истории творятся либо «сильными мира сего», либо так называемыми народными массами. Последнее заблуждение еще как-то объяснимо, поскольку широкой публике лестно иметь о себе столь высокое мнение и верить, что там, где не помогают голоса избирателей, положение спасает разбушевавшаяся толпа. Но откуда берется еще более популярная вера в непреходящее значение политических линий, государственных пактов, мудрых, а порой и коварных стратегических планов, тайных переговоров и секретных сговоров, а также прочей подобной мишуры? Не иначе как политиканы, финансовые магнаты и тайные службы так давно и старательно распространяют слухи о своем всемирно-историческом значении и колоссальной, ну просто непреодолимой мощи, что и сами в них искренно уверовали.

Тем не менее большую часть той реальности, которую мы имеем возможность наблюдать, создали отнюдь не политики, не деятели науки и культуры и даже не человекообразные обезьяны, но всяческие мельчайшие существа, вроде бактерий, вирусов и грибов. Как правило, за крутые повороты в мировом масштабе ответственны наименее заметные невооруженным глазом организмы. Радикально меняя облик планеты, сами они на протяжении миллионов лет вполне успешно переживают эволюции и революции, практически не изменяясь. Следом за ними на шкале исторической значимости располагаются многоклеточные живые существа, такие, как крысы, поразившие Европу чумой и совершенно перевернувшие тем самым историю человечества, или ранее доконавшие Египет и открывшие столбовую дорогу монотеизму лягушки со вшами.

И наконец, так называемые люди. Их значением можно было бы, пожалуй, пренебречь, когда бы не горстка избранных и при этом внешне заурядных персонажей, занятых отделкой мелких, но чрезвычайно важных деталей. Тут нужно поостеречься, чтобы, не дай Б-же, не впасть в мистику и не вообразить, что бабушкиными сказками или дедушкиными притчами можно объяснить природу вещей, упорно не поддающихся каким-либо иным объяснениям. Вы, конечно, сразу же вспомните предание о тридцати шести скрытых праведниках, на которых держится мир. Хорошо, вы продемонстрировали свою начитанность. От комментариев я воздержусь. Замечу только, что четверо старичков из ресторанчика

Фалька в какой-либо особенной праведности замечены не были. Господин Зумминер, например, часто ворчал на своих работников, а за товарищем Шмеркиным закрепилась репутация старого дамского угодника. Поверьте, милый человек, я не затем претендовал на ваше внимание, чтобы вдаваться в дискуссии и талмудическую полемику. Примем за данность тот факт, что вы мне этой легендой ничего не доказали, да и я вам ничего не доказываю, а просто рассказываю о том, что видел и слышал, раз уж мы с вами одновременно остановились на том месте, где кое-что происходило в недавнем прошлом.

Как в точности все это началось, сказать трудно. Ясно только, что первые удивительные совпадения начали происходить в те времена, когда наше государство находилось, как тогда говорили, в пути. И начиналось все с какой-то забавной чепухи, почти что с анекдотических ситуаций, не более того. Выберем один из таких случаев прямо наугад. Загадываем любое число. Например, прибавляем к вашим тридцати шести скрытым праведникам наших четырех простаков. Получаем сорок. Хорошо, пусть будет сорок, чем не число — еврейская буква «мем». Кто, к примеру, не знает Моше Даяна. Я имею в виду его внешний облик, знакомый даже австралийским аборигенам и гренландским эскимосам, символ нашей задиристой молодости. Эту трогательную шкодливую физиономию до сих пор постоянно ассоциируют со многими нашими грехами и добродетелями. Она решительно отмежевывает иудейскую цивилизацию от христианской, наглядно противопоставляя упадочной директиве «подставь другую щеку» бодрый принцип «око за око». Вы скажете: вот он, пример влияния выдающейся личности на историю человечества! Ну так послушайте, как на самом деле обстояло дело с этим иконическим образом. Всем известно, что юный Даян потерял глаз в сумасшедшей вылазке за речку Литани, когда горстка наших ребят и австралийцев задала жару вишистам в Ливане. В Иерусалиме в то время практиковал уже поминавшийся мною окулист доктор Альберт Тихо, и Моше отправили к нему вставлять стеклянный глазной протез. Впервые в жизни оказавшись в Иерусалиме, Моше шел, вот так же, как вы, вниз по улице Короля Георга V, испытывая свойственный юности волчий голод и, увидев вывеску мясного ресторанчика, не задумываясь, зашел внутрь. Денег у него было кот наплакал, но с кухни доносился такой аппетитный запах супа-гуляша, что он, решив гулять напропалую, отважно уселся за стойку бара. На стене, прямо перед собой, он увидел фарфоровую рожицу молодецкато осклабившегося лысого дядьки с черной повязкой на правом глазу. Храбрый был парень Моше Даян, но тут его чуть холодный пот не прошиб. Это было знаком судьбы, вроде четырех бетховенских аккордов: та-та-та-тааа! Он понял, что сопротивляться бессмысленно, что к доктору Тихо ходить не стоит и вообще хватит валять дурака — тоже мне герой с остекленевшим взором! Он завел себе такую повязку и начал не за страх, а за совесть работать на этот образ, лить, так сказать, воду на колесо мифологии. Потом уже Моше не раз жаловался, что видеть не может эту самую повязку, но сделать ничего не мог — она словно приросла к нему. А люди, приходившие к Фальку, показывали на эту фарфоровую физиономию над баром и с удовлетворением замечали: Моше Даян. Никто так и не обратил внимания, что у этой английской безделушки десятых годов повязка на правом глазу, а у начальника Генштаба — на левом.

Вы скажете: совпадение. Вот именно, совпадение. И я о том же. А когда совпадений накапливается великое множество, каждое из них делается особенно пикантным.

Вам никто еще не рассказывал, как господин Зумминер читал газету? Нет? А мне несколько раз случалось присмотреться к этому удивительному процессу повнимательнее. Так вот, мною точно установлено, что господин Зумминер читал газету наоборот. То есть не в том смысле наоборот, что, скажем, «Давар» он стал бы читать слева направо, будто «Times» какой-нибудь, или за вечернюю газету «Маарив» брался бы поутру, а за утреннюю «Йедиот» — вечером. Нет. Речь идет о том, что он сперва читал сообщение в газете о каком-нибудь важном событии, и только после того это событие происходило на самом деле. Господин Зумминер всегда с возмущением заявлял: «Вы только послушайте, как бесстыдно врет эта желтая пресса!» После этого он своим хриплым брюзгливым голосом вслух читал приятелям

наиболее возмущившую его новость и брезгливо откладывал недочитанную газету. Другой, сколько ни читай, ничего существенного не вычитывал. У всех газеты одинаковые, и новости в них давно всем известные. А вот господин Зумминер всегда оказывался прав, хоть и не пророчил, а только ворчал.

А как реб Йосе и Ицхок Фальк играли в шахматы? (Они каждую среду играли одну партию.) Играли они так себе, на среднем любительском уровне. При этом товарищ Шмеркин и господин Зумминер стояли у них за спиной и давали очень полезные советы. Зная все то, о чем я вам успел уже рассказать, вы, конечно, можете представить себе, что происходило на Ближнем Востоке, пока они двигали свои фигуры и отмахивались от навязчивых советов своих друзей. Чего там только не происходило — просто волосы дыбом встают! Одно слово: Ближний Восток.

Вот возьмем, например, всем известную Шестидневную войну, уже на седьмой день превратившуюся в легенду. Как раз пятого июня 1967 года, чуть только взошло солнышко, на ресторанный кухню налетела тьма тьмушая мясных мух. Благо, политическая и военная ситуация была и без того настолько напряженной, что ни один посетитель в ресторан не явился ни к обеду, ни к ужину. Все, кого еще не мобилизовали, сидели по домам, прилипнув к радиоприемникам. Но с надоедливими вредителями нужно было что-то делать. Вентилятор помогал примерно так же, как обмен дипломатическими нотами. Тогда Ицхок Фальк вооружился вафельным полотенцем и принялся самолично колотить этих мух, десятками и сотнями. Так вот, вы будете смеяться, но с первым взмахом этого вафельного полотенца началась операция израильских ВВС, уничтожившая египетские и сирийские самолеты непосредственно на аэродромах. Все остальное в этой войне было уже делом техники и, как принято выражаться, массового героизма.

Или взять, к примеру, приснопамятное заседание Генеральной Ассамблеи на третий день боевых действий, когда Аба Эвен в Нью-Йорке все тянул и тянул свою речь, чтобы объединенные нации и народности не смогли вынести свою драгоценную резолюцию прежде, чем весь Иерусалим и Западный берег не будут освобождены. Так вот, если вы думаете, что в эту среду из-за войны наши простаки не собрались у Фалька, то вы их плохо знаете. Но странная это была встреча. С самого начала товарищ Шмеркин, точно какая-то вожжа ему под хвост попала, принялся с пеной у рта доказывать господину Зумминеру преимущества планового социалистического хозяйства. Он не пил, не ел, только, извините за выражение, чесал языком, сыпал какими-то липовыми статистическими выкладками и сомнительными примерами из практики советских пятилеток и строительства предприятий по переработке бурого угля в Германской Демократической Республике, не давая приятелям-капиталистам ни на секунду прервать поток своего красноречия. Тем временем господин Зумминер успел один раз пообедать, дважды перечитать все газеты, трижды выпить чашечку кофе и пропустить четыре рюмки «Крепкого орешка». Реб Йосе с Фальком сыграли не одну, а две партии в шахматы — все это, конечно, не без последствий для истории и географии Ближнего Востока. Но товарищ Шмеркин словно ничего не замечал, он даже не давал традиционных советов шахматистам — его заклинило на покорении целины и на венгерских колхозах (вы когда-нибудь о таких слышали?). Уже начало темнеть, а он все не унимался, пока на другом конце света наш представитель в ООН заговаривал зубы представителям мировых держав. Казалось, два языка — аптекарский и дипломатический — связаны незримой нитью, и пока неутомимый Шмеркин не закрывает рот, Эвен продолжает разливаться по-английски, хотя силы его на пределе. Тем временем Мота Гур сообщил, что Храмовая гора в наших руках, за нею последовали Бейт-Лехем и Гуш-Эцион и все прочее, о чем вы читали в исторических книжках. Только после восьми вечера старички разошлись по домам и было подписано прекращение огня с Иорданией.

Идем дальше, вытягиваем события наудачу... Реб Йосе очень любил венский шницель. Венский шницель, как мы все знаем, шницель тонкий и просторный, занимающий целиком большую тарелку. Если шницель толстый и короткий, то есть больше напоминает по своей конституции господина Зумминера, чем

поджарого широкоплечего реб Йосе, на котором раскидистый пиджак и длинные брюки развеваются, словно паруса, то это уже не венский шницель. Называйте его как вам будет угодно, но забудьте о столице бывшей империи на голубом Дунае, даже если мясо самое свежее, мягкое и надлежащим образом запанировано сухарями соответствующего помола. И вот такой настоящий тонкий венский шницель (а иного в ресторанчике Фалька не приготовят ни при каких обстоятельствах) едят, уверенным и точным движением ножа с острой пилкой отрезая по маленькому кусочку, затем отправляя этот кусочек в рот, и так далее, и так далее, кусочек за кусочком. Так всегда и ел его реб Йосе. Но однажды он изменил своей привычке, поправ все правила хорошего венского тона. Он нарезал свой венский шницель на мелкие кусочки сразу же, как только тот оказался перед ним на большой белой тарелке с каймой из дубовых листьев. Действовал он при этом молниеносно и артистично, ножик с роговой ручкой летал в его руке, словно исполнялось некое скерцо, и он был вовсе даже не ножиком, а дирижерской палочкой вдохновенного маэстро. Если бы соответствующие инстанции видели реб Йосе Шика в этот момент, то должность капельмейстера Берлинского симфонического оркестра была бы предложена ему с низкими поклонами и старику пришлось бы долго отнекиваться, ссылаясь на ревматизм и отсутствие музыкального слуха. И вот реб Йосе нарезал таким манером венский шницель и окинул дело рук своих меланхоличным взором. Перед ним был уже не венский шницель как таковой, а некое странное произведение — сеть тонких дугообразных разрезов покрывала традиционное блюдо. Дело было в конце шестидесятых. Тедди Колек поручил группе ведущих архитекторов разработать генеральный план развития объединенного Иерусалима. Ну, они его и разработали, хоть и пришлось им изрядно попотеть. Вы этот план можете увидеть в разных специальных книжках. Впрочем, поскольку он весьма удачно осуществлялся, то вполне достаточно хорошенько рассмотреть современную карту нашей столицы. Жаль только, некому было сфотографировать или зарисовать тот самый венский шницель после того, как его нарезал реб Йосе. Понимаете, это не просто сходство, это — тождество, один к одному. Теперь догадайтесь, кто чертил первым, реб Йосе или штаб архитекторов?

Или вот, например... Товарищ Шмеркин постоянно утверждал, что все определяет классовая борьба. А между тем, иногда все решает старомодный компот из сухофруктов. Если он, конечно, сварен и подан в ресторанчике Иццока Фалька. Было дело однажды. Помните, группа террористов захватила самолет компании «Эр Франс» с десятками еврейских пассажиров и заставила экипаж совершить посадку в Уганде, в самом сердце Черного континента? Тогда Фальк едва ли не единственный раз в жизни пошел против раз и навсегда установленных рецептов и велел изъять из традиционного компота, без которого не обходился ни один обед, такую непременно составляющую, как чернослив...

Впрочем, об этом, как и о многом другом, я вам расскажу как-нибудь в другой раз. Видимо, еще не настало то время, когда можно будет пролить свет на то, почему убили Анвара Садата, а Бегин-старший ушел в отставку и молчал как рыба до конца жизни; почему Фальк всегда покупал укроп только на бухарском рынке и никогда на Махане Йеуда и какое влияние это имело на политическую судьбу Иццока Шамира; почему Биньямин Нетаньяху больше не решается выпить ни капли самого обычного отечественного бренди ВВВ... Да, как-нибудь в другой раз. Тем более что вы, я вижу, спешите. Вы, вероятно, и так опаздываете на лекцию по политологии. Вот так всегда, только покончишь с предисловиями и с необходимыми вводными словами — и уже приходится сворачиваться. Теперь все спешат. Боятся отстать от скорого поезда современности на воздушной, так сказать, подушке...

Но вам, наверное, любопытно узнать, что стало с ресторанчиком Фалька, почему его больше нет на этом месте? И на чем, собственно говоря, держится теперь весь этот город и вся эта страна? Живы ли еще реб Йосе Шик, господин Зумминер, товарищ Шмеркин и сам Ицхок Фальк, и если да, то где их можно увидеть? Так вот, молодой человек... Ага, вот как раз и ваш автобус!

РАЗГОВОР С ОТЦОМ

Аהיה יאבב

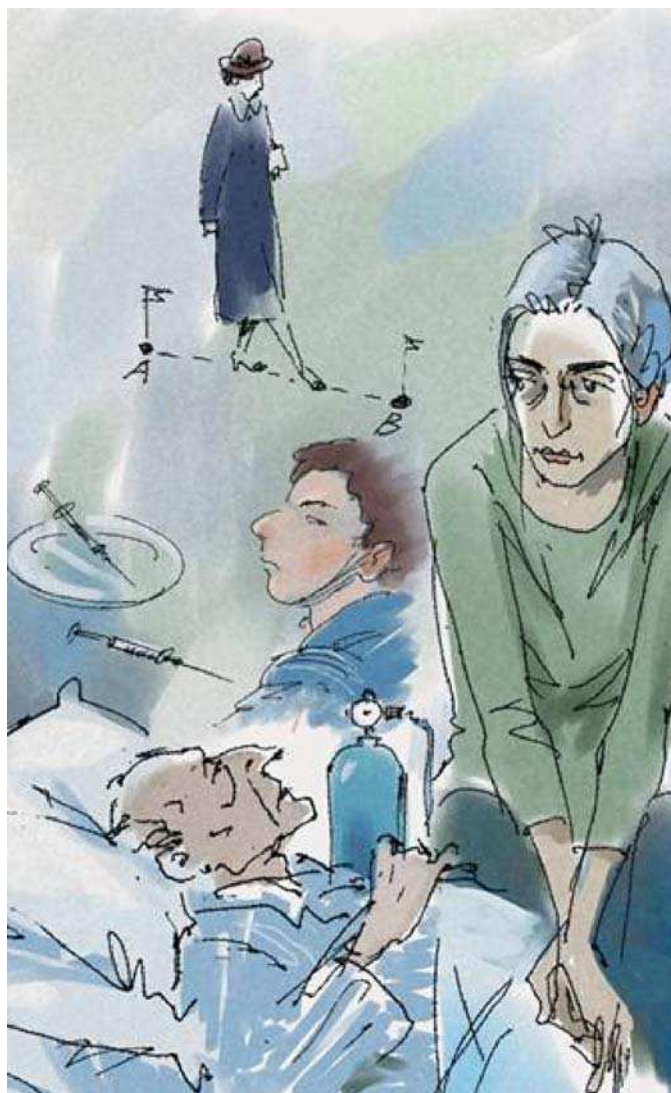
Моему отцу восемьдесят шесть лет, он не встает с постели. Его сердце, этот чертов насос, такое же старое и не со всей своей работой справляется. Мозг пока что обслуживает, а вот ногам носить хозяина по дому уже не дает. Это я так все объясняю, а он считает, что ноги ослабели вовсе не из-за сердца, а из-за нехватки калия. Сидя на одной подушке и опираясь еще на три, он советует, точнее, требует:

— Написала бы ты хоть еще разок простой рассказ, — говорит он, — в духе Мопассана или Чехова, как ты раньше делала. Выбери типичных людей и напиши, что с ними дальше будет.

— Может, и напишу, — отвечаю я. Не хочу с ним спорить, хотя и не помню, чтобы я так когда-нибудь писала. Впрочем, я и правда хотела бы попробовать, если он о рассказе, который начинается со слов «Жила-была одна женщина», и сюжет идет из точки А в точку Б. Я таких историй терпеть не могу. Не из соображений стиля, а потому что в них нет никакой надежды. Каждый, будь то живой человек или вымышленный персонаж, имеет право на открытый финал.

В конце концов я вспомнила историю, которая пару лет разворачивалась практически у меня на глазах — про людей с нашей улицы. Я ее записала и прочитала ему вслух.

— Пап, — сказала я, — как тебе такое? Ты это имел в виду?

Помню я одну женщину, у которой был сын. Они жили вполне прилично в квартирке на Манхэттене. Лет в пятнадцать парень стал наркошей, что в нашем районе не редкость. Мать, чтобы не терять контакт с сыном, тоже стала наркошей. Говорила, что это — неотъемлемая часть молодежной культуры, которая близка ей по духу. Через некоторое время парень по многим причинам завязал, уехал из города, бросил мать: она ему опротивела. И осталась она одна-одинешенька, впала в тоску. Мы все ее навещаем.

— Ну вот, пап, — сказала я, — такая вот грустная история, безо всяких прикрас.

— Я не это имел в виду, — сказал мне отец. — Ты же прекрасно меня поняла и нарочно написала так. Ты же знаешь, все гораздо глубже. Отлично знаешь! Но ты взяла и все выкинула. Тургенев бы так не сделал. И Чехов бы не сделал. Есть такие русские писатели, о которых ты слыхом не слыхивала и понятия о них не имеешь, так вот они ни за что бы не опустили то, что опустила ты. Я не против фактов возражаю, а против героев, которые сидят на деревьях и несут чушь, против голосов не пойми откуда...

— Про это пап, сейчас не надо. Ты скажи, что я тут-то опустила? В этом рассказе?

— Например, как она выглядела.

— А-аа... Ну, вполне, по-моему, недурна.

— А волосы какие?

— Волосы темные, густые косы — такие бывают у девочек или у иностранок.

— А какие у нее были родители, из какой она семьи? Как она стала такой? Вот что интересно.

— Они не из Нью-Йорка. Работники умственного труда. Были у себя в городке первыми, кто развелся. Ну, как тебе? Этого достаточно? — спросила я.

— Тебе всё шуточка, — сказал он. — А отец мальчика? Почему ты о нем не упомянула? Он кто был? Или она мать-одиночка?

— Да, — ответила я, — она мать-одиночка.

— Г-споди ты Б-же мой, в твоих рассказах вообще никто не женится? Ни у кого нет времени добежать до мэрии, все так в постель прыгают?

— Нет, — сказала я. — В жизни так. В моих рассказах — нет.

— Ну что это за ответ?

— Хорошо, папа. Это простая история, про умную женщину, которая приехала в Нью-Йорк, полная сил, надежд, любви, доверия к миру — все очень современно, и про ее сына, про то, какая трудная у нее получилась жизнь. А замужем она или нет — это роли не играет.

— Очень даже играет, — сказал он.

— Ну, хорошо...

— Себя ты уговорила, теперь меня уговори, — сказал он. — Вот что: я поверил, что она красивая, а вот что умная — сомневаюсь.

— Тут ты прав, — сказала я. — В этом-то вся заковыка с рассказами. Начинаешь писать и поражаешься своим персонажам. Думаешь: вот какие удивительные люди, а по ходу дела оказывается, что люди они довольно средние, просто хорошо образованные. А бывает и наоборот: пишешь про наивного дурачка, а он ухитряется обвести тебя вокруг пальца, и ты даже финала достойного не можешь придумать.

— И что ты тогда делаешь? — спросил он. Он лет двадцать был врачом, потом лет двадцать художником, и его до сих пор интересуют подробности — как работаешь, какими средствами пользуешься.

— Приходится дать рассказу отлежаться — пока не получится договориться с упрямым персонажем.

— Ну что за чушь ты несешь? — возмутился он. — Начни заново. Так получились, что сегодня вечером я дома. Расскажи всю историю с самого начала. Посмотрим, что у тебя получится.

— Хорошо, — сказала я. — Только это не на пять минут дело.

Со второй попытки получилось вот что:

Жила когда-то в доме напротив одна милая, недурная собой женщина. У нее был сын, которого она любила, потому что знала его с самого рождения (и беспомощным младенцем, и с семи до десяти, когда он был прелесть что за малыш, хоть и неуправляемый, и до того, и после). Мальчик, как стал подростком, сел на иглу. Он не был безнадежным. Наоборот — он был полон надежд, верил в то, что исповедовал, и умел перетянуть на свою сторону. Он был талантлив и деятелен и писал очень убедительные статьи в школьную газету. В поисках более широкой аудитории он, используя свои связи, добился того, что в киосках Нижнего Манхэттена стали продавать журнал под названием «Ой! Золотой конь!».

Чтобы избавить его от чувства вины (поскольку именно оно лежит в горестной основе девяти из десяти клинически диагностированных случаев рака, говорила она) и поскольку она верила, что дурным привычкам лучше предаваться дома, под присмотром, мать тоже села на иглу. Ее кухня приобрела известность — стала местом сборищ наркоманов-интеллектуалов, которые отдавали себе отчет в том, что делают. Некоторых тянуло на искусство — по стопам Колриджа[1], другие были учеными-революционерами — как Лири[2]. Она хоть и часто «торчала», но материнских инстинктов не потеряла, и она всегда следила за тем, чтобы дома были апельсиновый сок, молоко, мед, витамины. Однако из еды она готовила только чили, да и то раз в неделю, не чаще. Когда мы, по-соседски за нее переживая, пытались с ней серьезно поговорить, она объясняла, что такова ее роль в молодежной культуре и для нее честь быть с юным поколением, а не со своим.

Как-то раз, когда юноша дремал на фильме Антониони, его пихнула локтем в живот одна упорная девица, возжелавшая обратить его в свою веру. Она немедленно накормила его абрикосами и орехами, чтобы поднять уровень сахара, прочитала ему нотацию и отвела домой.

Она была наслышана о нем и его работе, да и сама издавала журнал «Хлебом единым жив человек», в котором была и автором, и редактором. Атмосфера естественного пыла и жара, которую создавало ее постоянное присутствие, сделала свое дело: ему снова стали интересны работа его мышц, артерий и нервных окончаний. Более того, он стал их любить и лелеять, возносил им хвалу в стихах для «Хлебом единым»:

ī ēīōē ī ādīō ū āādāīyō

ōōāī ūūāāāī āāēūī qī āōōō

ī āīēōēū āāēā ī āīyō

ī īēqōē ēē ī īōy ī ā ūūōō

В уста свои (являвшиеся вратами воли и решимости) он вкладывал яблоки, орехи, пророщенную пшеницу и соевое масло. Своим старым друзьям он заявил: отныне я намерен беречь свой разум. Я завязываю с наркотой. Сообщил, что пускается в захватывающее духовное путешествие. И ласково спросил: а ты, мам, как?

Речи его были столь блестящи и светлы, что ребята в округе стали говорить, что он и наркоманом-то по-настоящему не был, интерес к теме у него имелся чисто журналистский. Мать несколько раз пыталась победить порок, которому в отсутствие сына и его друзей ей приходилось предаваться в одиночестве. Но сумела только снизить дозу. Сын и его девушка, прихватив с собой печатное оборудование,

переехали на дальнюю окраину другого района. Они были строги. Сказали, что будут с ней общаться, только если она проживет без наркотиков не менее двух месяцев.

Мать сидела дома одна и по вечерам перечитывала, обливаясь слезами, семь номеров «Золотого коня». И по-прежнему верила каждому написанному там слову. Мы часто заходили ее поддержать. Но стоило нам упомянуть о наших детях — кто был студентом, кто лежал в больнице, кто дома болтался, — она, вскрикнув: «Сынок мой! Сыночек!» — раздражалась долгими мучительными рыданиями. Конец.

Отец долго молчал, а потом сказал:

— Первое: у тебя отличное чувство юмора. Второе: я убедился, что простую историю ты рассказать не можешь. Так что не трать время попусту. — И с грустью добавил: — Третье: как я понимаю, эта женщина, его мать, осталась одна, никому не нужная. Совсем одна. Она, наверное, болела?

— Да, — ответила я.

— Бедняжка. Несчастливая — родилась в дурацкое время и жила среди дураков. Конец... Конец... Ты правильно это написала. Конец.

Спорить мне не хотелось, но я не удержалась:

— Пап, это необязательно конец.

— Да... — сказал он. — Такая трагедия! Человеку конец.

— Нет, пап! — воскликнула я. — Необязательно! Ей всего-то лет сорок. Она может еще много чем заняться. Станет учительницей или социальным работником. Бывшая наркоманка! Да это порой куда лучше, чем ученая степень по педагогике.

— Всё шуточки, — сказал он. — Это главная твоя беда как писателя. И ты отказываешься это признать. Трагедия. Просто трагедия! Трагедия нашего времени. Надежды нет. Конец.

— Да ну, папа, — возразила я. — Она может измениться.

— В жизни тебе тоже придется смотреть правде в глаза. — Он принял две таблетки нитроглицерина. — Поставь на пятерку, — показал он на баллон с кислородом. Отец вставил трубочки в нос и сделал глубокий вдох. А потом закрыл глаза и сказал: — Нет.

Я обещала родственникам, что в наших спорах последнее слово всегда будет оставаться за ним, но на сей раз у меня была ответственность перед другим человеком. Перед этой женщиной в доме напротив. Я и знаю ее, и придумываю ее. Мне ее жалко. И я не оставлю ее одну в доме, в слезах. (Жизнь ее тоже так не оставит, но жизнь в отличие от меня не знает жалости.)

Вышло вот как: она действительно изменилась. Сын, разумеется, домой не вернулся. Но она теперь работает регистраторшей в общественной поликлинике в Ист-Виллидж. Ходит туда в основном молодежь, многие — ее старые знакомые. Главный врач сказал ей:

— Было бы у нас хотя бы человека три с вашим опытом...

— Врач так сказал, — отец вынул трубки из носа и произнес: — Шуточки... Опять шуточки...

— Нет, пап, вполне могло случиться и так: мир стал таким непредсказуемым.

— Нет, — сказал он. — Правда прежде всего. Она опять подсядет. Удерживаются только люди с характером. А она бесхарактерная.

— Нет, папа! — сказала я. — Так все и вышло. У нее есть работа. Даже не думай! Она работает в этой клинике.

— И сколько она продержится? — спросил он. — Трагедия! А ты сама? Когда ты согласишься правде в глаза?

Ī adāgā ŋ ai zēēfēgā

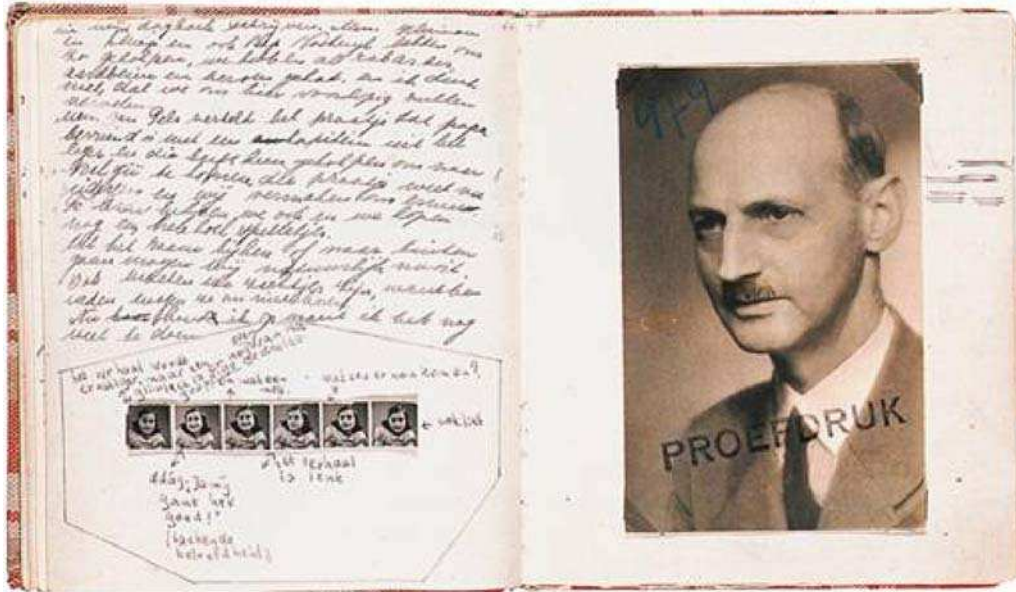
[1]. *Сэмюэл Тейлор Колридж (1772–1834) — английский поэт-романтик, имевший пагубное пристрастие к опиуму. — Здесь и далее прим. перев.*

[2]. *Тимоти Лири (1920–1996) — американский ученый, психолог, участник кампании по исследованию психоделических препаратов.*

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ АННА ФРАНК?

Nei deyi tse

Анне аи Аицо Одаие а іа-аеа 1945 аиа іа ііаіаеа еіісеааиу Аадиі-Ааеуаі и аи і'аиооііуі +аеіаеііаіаеііоіе+аиоаіі, ііа іоіаоеа аи ііаіе ііа еаиуоуе ааиу оіаеаіеу іа оіааеа аааооаоу і'аиіа аеа. Е ааеа аиіе аи ііа іа аеа оіа іаіаіеііаіі ііа аіаіеа, аеаа ааоу еіоіоіі о і і аа іааі, ааиу а ааиуоіі, +оі і і у аа дааі і +еііеа аи аа ііаеа іаі аіеоііоае аеа аааооаоіа — оіоу, аісі іаеіі, аа еаиіоіііоу аіеа аи іа ііоіеу оіае+аіеіа ііаіеіоаа. Ііа аіеа оіаеаіа, +оіау ііаоу іеііоаеііеоае. А оіеіааооу ііа іі+аиоаіаеа, еае аеіеа аа аісі іаеіііое, а іуоіааооу оеа ііаіаіі еі е даиіоуаеаіу. Наі і ііаіе і'деіаео іа оі, +оі, ііоаіуу ііа аеаа, еі ііа аа аіеіа е едаііоіаа і'аа аіоа аи аеііау +аіаа оіі аі іа е ііа. І і і іаеаі аиоу оааі іу (і'аіеіеуі і іаеіі аіауа аиоу оааі іуі а +аі -оі аііоаое+аіеіі), +оі аа оіаеу і'оіа ііаіу оаіеаіу аи ііооіоу і'оіеаоаеіі ііоу е іідеаііе+аіеа іі іо, е іі+оі і'аиі іаііі, +оі аа іеііоаеііеа іооу аіе аи аеаа е іоое, ііаеаі, Іаіеі Аіоаеі аа[1], +аі Одаііаау Нааі. Еіуі е іеіаі е, і'деііоіаіаеа аи аііеіа ааиі і. «В оі+о і'оіаіеаоу аеоу е і'ііа іі адое», — іаіаеа ііа а аіаі еаа ааи іе 1944 а іа[2].

Іооі Одаіе. Оіоіааоу іоаа Аіуу Одаіе, аеааіау а аа аіаіеа і'ііа іаіеіе іо 7 ііуаоу 1942 аиа: «Ааиу іоао — аі, аеу і аіу, іі аеу і аіу і'аааао аі аиу, е у іеііа іа ііаоа іа еіаеі, едті аіаа!»

И это не было словесной красотью, подростковым преувеличением. Интуитивно она уже почувствовала, в чем может состоять литературное величие, и ясно ощущала мощь того, что ее рука выводила на страницах дневника — этого сознательного литературного повествования о жизни в повседневном страхе, взрывчатого документа, напрямую адресованного будущему. В последние месяцы, проведенные в укрытии, она усердно шлифовала фразы и редактировала абзацы с прицелом на послевоенную публикацию. Рукопись, которую Анна Франк назвала «Het Achterhuis» (буквально: «Задний дом», часто переводится как «Секретная пристройка», «Убежище»), она не рассматривала как свое последнее слово; дневник должен был стать первой ласточкой, дебютным произведением профессионального литератора.

Однако любой перенос Анны Франк в наши дни, превращение ее в современную фигуру — домysel, и домysel скверный, искажение истории, реальности, губительной правды. «Когда я пишу, — признавалась она, — я обо всем забываю, уходит грусть, воскресает мужество!» Но своего ареста и уничтожения она не могла этим предотвратить, и дневниковых записей, которые сохранили бы память об

угасании ее духа, не существует. Убежище Анны Франк было раскрыто, ее забрали и депортировали; вместе с матерью, сестрой и миллионами других она стала жертвой программы, осознанно направленной на жесточайшее, дьявольское в своей изобретательности расчеловечивание людей. Зверства, которым она подверглась, были безжалостно и целеустремленно рассчитанными — от клеймения татуировкой через систематический голод к фабричному, поставленному на поток убийству. Ее необходимо было стереть с лица земли — так, чтобы не осталось ни могилы, ни знака, ни какого бы то ни было физического следа. Ее преступление состояло в том, что она родилась еврейкой, и как еврейка была причислена к тем, кто не имел права на существование ни как подчиненный народ, ни как низшее племя, ни даже как годные к использованию рабы. Военный и гражданский аппарат всего общества был нацелен на то, чтобы ликвидировать ее как заразу, как вредное и отвратительное насекомое. Яд «Циклон Б», которым убивали людей в газовых камерах, был, заметим, средством от тараканов.

Но Анна Франк погибла не от газа. За месяц до освобождения концлагеря, не дожив до шестнадцати, она умерла от сыпного тифа, который переносят вши. Точная дата ее смерти неизвестна. Она и ее сестра Марго были среди 3659 женщин, которых телячьими вагонами перевезли из Аушвица в Берген-Бельзен с его ужасающими условиями — на голый участок слякотной земли. Холодными дождливыми осенними ночами они изнемогали на залитой водой соломе в переполненных темных палатках, окруженных канавами для нечистот, пока страшная буря не сорвала даже эти жалкие укрытия. Обессиленные жестокостью, хаосом и голодом, пятьдесят тысяч мужчин и женщин — еле одетых, одолеваемых вшами — умерли, причем многие от эпидемии тифа.

Последняя дневниковая запись Анны Франк, датированная 1 августа 1944 года, кончается на интроспективной ноте — размышлением о ее борьбе за нравственное самосовершенствование. Находясь в мрачном расположении духа, Анна пишет о том, как сердце помимо ее воли поворачивается «плохой стороной наружу, хорошей вовнутрь», и о том, как бы найти способ «стать такой, какой мне бы очень хотелось быть и какой бы я могла быть, если бы... в мире не было других людей». Эти необычные самоуничижительные эллипсисы принадлежат ей, это не заимствования и не фигуры речи — в них иносказательно звучит сдавленная жалоба ребенка на заточение, последний всхлип узницы в клетке. Ее четко очерченный мирок составляли одиннадцать человек: три голландца, которые приходили и уходили, оберегая скрывавшихся и принося все необходимое, и восемь евреев-нелегалов — супруги ван Дааны, их сын Петер, Альберт Дюссел и семья Франков из четырех человек. Пятью месяцами раньше, 26 мая 1944 года, Анна горько сетовала на жизнь в убежище с ее напряжением, — оно, писала она, «не отпускает никогда, не отпускает вот уже два года, и как долго оно еще будет давить нас рукой, которая становится все тяжелее?». И несколькими абзацами ниже: «Если и нас когда-нибудь... нет, я не могу дописать, но сегодня от этой мысли не отмахнешься, наоборот, однажды уже пережитый страх вновь охватывает меня во всей своей невыносимости... Я снова и снова спрашиваю себя, а может быть, для всех нас было бы лучше, если бы мы не стали прятаться, если бы сейчас нас уже не было в живых и не пришлось бы терпеть все эти муки... Хотя бы уж поскорее что-нибудь произошло, пусть уж хоть начнется стрельба, даже она не будет так давить на нас, как эта тревога, пусть придет какой-то конец, даже если он будет суров». 11 апреля 1944 года: «Мы — узники-евреи».

Веселым дневник никак нельзя назвать, хотя Анна много страниц посвящает ярким, сатирическим описаниям зорко подмеченных «комических сторон» жизни в убежище. Распространенное мнение об «оптимистичности» дневника, скажем прямо, нелепо. Кроме того, письменный рассказ Анны Франк не был и не является историей ее жизни. В том, что этот дневник — чудесное, сознательное творение юного гения, нет никаких сомнений. Разнообразие темпа и тона, пронизательный юмор, невыносимая тяжесть неопределенности, подростковые любовные переживания и разочарования, сексуальное любопытство, минуты ужаса, минуты радости, вспышки идеализма, молитвенные порывы, психологические прозрения — все эти проявления ума, чувства и мастерства великолепно оживляют его страницы. Есть тут, помимо прочего, поразительное для такого раннего возраста понимание хода войны на всех фронтах. Судьба всей маленькой скрывающейся группы напрямую зависела от времени вторжения союзных войск и скорости их наступления; дом содрогался от рева пролетающих над ним бомбардировщиков. Иногда бомбы падали до ужаса близко. В целом дневник — это хроника трепета, смятения, тревог. Даже там, где говорится о сравнительно спокойных периодах чтения и учебы, чувствуется зловещая тишина заточения. В пищу идут вареный салат и гнилая картошка; сливать воду в единственной уборной запрещено по десяти часов кряду. По ночам слышна стрельба. Предательство и арест возможны в любую минуту. Царят беспокойство и неподвижность. Мы читаем повесть о страхе.

Но дневник как таковой, при том, что он богат событиями и чувствами, нельзя считать историей жизни Анны Франк. Историю невозможно назвать историей, если отсутствует конец. И поскольку он отсутствует, историю Анны Франк за пятьдесят лет, прошедшие после первой публикации дневника, выхолащивали, искажали, переделывали, извращали, сокращали; ее инфантилизировали,

американизировали, сентиментализировали, сглаживали; ее фальсифицировали, превращали в китч и даже попросту отрицали, криливо и нагло объявляя подделкой. Фальсификацией и выхолащиванием занимались драматурги и режиссеры, переводчики и участники судебных процессов, родной отец Анны Франк и даже — нет, скорее, в особенности — публика: читатели и зрители по всему миру. Глубоко правдивый документ использовали для распространения частичной правды, суррогатной правды и антиправды. Чистое превращали в нечистое — иногда претендуя на прямо противоположное. Почти каждый, кто прикасался к дневнику с благородным намерением сделать его достоянием широкой публики, внес лепту в подрыв исторической памяти.

Многие считают дневник документом Холокоста, каковым он, безусловно, не является. Почти каждое издание — а их было бесчисленное множество — разукрашено такими выражениями, как «гимн жизни», «мучительный восторг перед беспредельными возможностями человеческого духа». Эти фразы словно бы витают в горьком аромате насмешки. Гимн жизни? Дневник не дописан, прерван, обрублен — вернее, его дописывают Вестерборк (адский пересыльный лагерь в Нидерландах, через который шла депортация евреев), Аушвиц и губительные ветры Берген-Бельзена. Именно там, а не в «заднем доме» совершались преступления, получившие название Холокоста. Наше знакомство с этими преступлениями начинается с колонок цифр, с аккуратных депортационных перечней, четко и ясно написанных красивым бухгалтерским почерком в немецких «транспортных книгах». Из этих колонок, озаглавленных «Ausgangs-Transporte nach Osten» («Партии, отправляемые на восток»), как будто речь идет об экспортируемых товарах, явствует, что Анна Франк и другие в составе партии из 1019 «штук» были в ночь на 6 сентября[3] 1944 года отправлены в Аушвиц. В ту же ночь 549 человек были умерщвлены в газовых камерах, среди них — один из скрывавшихся вместе с Франками (отец Петера ван Даана) и все, кому еще не исполнилось пятнадцати. Пятнадцатилетнюю Анну и семнадцатилетнюю Марго оставили в живых — для работы, ясное дело. В конце октября, с 20-го по 28-е, в течение двух часов после прибытия в Аушвиц в газовых камерах было убито более 6000 человек, в том числе тысяча мальчиков и юношей до восемнадцати лет. За декабрь в женском лагере от голода и непосильной работы погибло 2093 заключенных; в начале января умерла Эдит Франк.

Между тем к Аушвицу стремительно приближались советские войска, и в ноябре поступил приказ скрыть все свидетельства отравления людей газом и взорвать крематории. Десятки тысяч узников, истощенных и уже на грани смерти, в сильный холод посылали в другие места. Люди гибли в пути, многих застрелили. Анну и Марго либо 28 октября, либо 2 ноября отправили в Берген-Бельзен. Из двух сестер Марго умерла первая. Одна выжившая заключенная вспоминала, как Марго, упав с нар, лежала на цементном полу барака, вся во вшах; Анна, потерявшая волю к жизни, превратившаяся в скелет и прикрытая лишь какой-то тряпичей, пережила ее на день или на два.

Приниматься за этот дневник, не вобрав в себя сначала «Ночь» Эли Визеля и «Канувших и спасенных» Primo Levi (называю только две книги из всех) или же колонки цифр в «транспортных книгах», — значит вариться в соку собственной наивности, столь же невероятной, сколь уродливой. Крикливый гомон издательской рекламы на обложках: «долговечное свидетельство неуничтожимого благородства человеческого духа», «неиссякаемый источник отваги и воодушевления» — обычное пустозвонство самообмана. Успех — нет, триумф — Берген-Бельзена состоял именно в том, что лагерь исключал всякую возможность отваги, дал долговечные свидетельства хрупкости, легкой уничтожимости человеческого духа. «Hier ist kein warum», — сказал охранник Аушвица заключенному Primo Levi, — здесь нет никаких «почему», нет ни вопросов, ни ответов, есть только мрак безумия. История Анны Франк, рассказанная правдиво, — это история без искупления, без пути к свету.

Эти истины из числа трудноусвояемых — и потому они остаются неувоенными. Есть люди, кому все это уже очень сильно наскучило, и порой они настолько толстокожи, что признаются в нежелании слушать — в который раз! — о бесчинствах полувековой давности. «Эти события прошлых лет, — может заявить один из таких, — трогают лишь в известной мере... Если непременно надо быть исхлестанным, я уж лучше поберегу кожу для не столь давних мировых бедствий». (Я процитировала личное письмо одного известного автора.) Эта точка зрения, подозреваю, довольно широко распространена, но ее редко выражают публично, и социально она нерепрезентативна. Чаще люди уважительно отдают некую дань жалости из чувства долга. Порой, однако, и чувство долга не пробуждается — отклик может быть легкомысленным, равнодушным, нахальным. Но даже те, кто преисполнен безукоризненного сочувствия, как правило, не желают признать неумолимый факт: Аушвиц и Берген-Бельзен, сколько ни расшевеливай их священными догматами, никогда света не дадут.

Объектом, на котором эта почти всеобщая глухота была продемонстрирована с наибольшей силой, стал дневник Анны Франк. Восславлять годы, прожитые Анной Франк в убежище, — значит, по сути дела, замалчивать природу и смысл ее гибели. Четкая оптика дневника не наводится на конкретные

обстоятельства смерти автора, их она беспомощно оставляет в тумане, и затуманенность восприятия, особенно у юных читателей, ведет к бесстыдству.

Это бесстыдство присвоения. Кому принадлежит Анна Франк? Мальчикам и девочкам всего мира, скажут сентименталисты. Стоит рассказать в таком случае о поразительной переписке, опубликованной в 1995 году под названием «С любовью, Отто», между Карой Уилсон (в девичестве — Вайс), родившейся в Калифорнии в 1944 году, и Отто Франком, отцом Анны Франк. Двенадцатилетнюю Кару киностудия «XX век — Фокс» пригласила пройти пробу на роль Анны в намечавшейся экранизации дневника. «Я не получила роли, — пишет Уилсон, женщина средних лет, — зато обрела целый новый мир. Дневник Анны Франк, который я читала и перечитывала, обращался ко мне — к моим дилеммам, к моим тревогам, к моим тайным пристрастиям. Она чувствовала то же, что и я... Я настолько отождествила себя с этой владеющей даром слова девочкой моего возраста, что внутренне, как мне теперь кажется, в некотором смысле стала ею». И на каких же признаках сходства основывает Уилсон свое острое чувство тождества с преследуемой и скрывающейся от преследования девочкой?

Я была противна самой себе... Я стояла на краю этой ужасной бездны переходного возраста и, как Анна, нуждалась в собеседнике <...> (По иронии судьбы Анна тоже хотела большего внимания со стороны своего отца.) <...> Вся папина жизнь состояла из деловых встреч. Домой он приходил слишком усталый или раздосадованный, так что я не могла излить ему душу. И еще одно обстоятельство роднило меня с Анной. Нам обоим надо было делить жизнь с сестрами, которые казались нам красивей и умней, чем мы сами <...> Несмотря на колоссальную разницу в нашем положении, Анна — я и донныне это чувствую — помогла мне пройти через годы взросления с ощущением внутренней собранности. Она говорила за меня. Она была сильной за меня. Она не теряла надежды, когда я готова была сдаться.

Сквозь переписку между повзрослевшей Карой Уилсон и Отто Франком (которая длилась, что примечательно, с 1959 года до его смерти в 1980 году) кое-где проглядывают ее интересы. Вот, например: «Стоял 1968 год — как он врезался мне в память! Забыть его невозможно. Отис Реддинг “сидел на причале у залива”[4] <...> а мы вполголоса подпевали битловской “Хей, Джуд”». Затем опять: «1972 — что это был за год! Именно тогда я посмотрела один из любимейших фильмов моей жизни — “Гарольд и Мод” с невероятной музыкой Кэта Стивенса[5] <...> Помню, как подпевала “Американскому пирогу” Дона Маклина[6], как грезила под чудесную песню Роберты Флэк[7] “Когда я в первый раз увидела твое лицо”» — и так далее. «В 1973–1974 годах, — сообщает она, — я носила головные повязки, ожерелья из настоящих ракушек и все-все-все индейское. Страшно модны были татуировки...» — но довольно. Татуировки, упускает она из виду, были модны в Аушвице; по поводу уцелевшего узника Аушвица, который более двух десятилетий был ее терпеливым корреспондентом, Уилсон замечает: «Какой, собственно, у него, бедного, был выбор? При каждом новом приступе болезни под названием “нет, я больше этого не вынесу” я облекала ее в пространную диатрибу, обращенную к моему заокеанскому гуру — Отто Франку».

Тот факт, что человек, назначенный ею самой себе в гуру, год за годом отвечал на ее нескромные и малоинтересные излияния, может пролить некоторый свет на характер Отто Франка, о котором мы имеем в целом довольно смутное представление. Его ответы из Базеля, где он поселился со второй женой, неизменно участливы, любезны, доброжелательны. Когда Уилсон родила ребенка, он послал ей музыкальную игрушку, и он откликнулся на все ее сообщения о том, что ее волновало и радовало, — о сынишках, об уроках танцев, о работе мужа в рекламном бизнесе, о ее литературных опытах. Но есть в его письмах и серьезные суждения на общественные и политические темы: это хорошо, писал он в октябре 1970 года, когда человек «активно участвует в попытках устранить несправедливость и разного рода унижения, но мы не можем разделить Ваших взглядов на “Черных пантер”[8]». В декабре 1973 года: «Как Вы могли себе представить, мы глубоко потрясены внезапным нападением арабов на Израиль в Судный день, и сейчас мы скорбим вместе со всеми, кто потерял родных». Уж он-то знал кое-что о потере родных. Уилсон, беззаботно скользнувшая мимо этих далеких от нее дел, поглощена совсем другим: «Наши малыши та-а-а-ак забавны!»

Беззастенчивый пустячный щебет Кары Уилсон, одной из тысяч тех, кто «отождествил себя» с Анной Франк, и просто оказавшейся посмелее остальных, загадывает нам загадку. Не в том дело, что интеллектуальное расстояние между Уилсон и Анной Франк огромно: не могут же все склонные к рефлексии девочки-подростки быть настолько одарены. Но неужели Отто Франк не понимал, что Кара Уилсон глуха ко всему, что стояло за гибелью его дочери? Неужели он не видел по одним лишь этим письмам, как легкомысленный подход к дневнику может способствовать забвению — забвению того, что стремительно становилось историей? Укрытое от внешнего мира домашнее пространство, сколь бы велика ни была угроза ему, может временами мимикрировать под обычную жизнь. От юных читателей, которых побуждают обращаться к дневнику, не всегда можно ждать, чтобы они почувствовали, распознали стоящий за этой мимикрией страх. Большею частью они, подобно Каре Уилсон, его не распознают. Актриса Натали

*Àà, i ed àrā àtēuōā i dāāduāāōīf ā iōūōīf, àà, àrā àrī -ā dāfēāōū i dēāēēāpūāāīf
àrī à, ēfōīdūē fān cāūāō, àà, àāēēēīf ārā i ēēēēīīā ēpāāē... À ŷ ātēāīā āf ōāō īīd mōdāī ēōū fāfē
ēāāēēū, ēāē cī āōū, āf cī fāēīf, ā āfāōūēā ādāī āf ā āfā dāāfōīf i dāō āf dēōū ēō ā xēēcī ūf*

Поскольку претворить их в жизнь так и не удалось, ни Мип Хис, самоотверженная и отважная женщина, которая помогала скрывавшимся, ни школьная подруга Анны Ханнели Гослар, тоже еврейка, которая незадолго до ее смерти слышала ее дрожащие жалобные крики в Берген-Бельзене, не были согласны с Отто Франком, подчеркивавшим ее «веру в доброту человеческой души». Эту единственную фразу превратили в некое послание Анны Франк всему миру, по существу, в ее девиз, не задаваясь вопросом, могло ли подобное кредо уцелеть в лагерях. Но почему именно эти слова возводятся в символ, а не такие, например: «Человеку присуща тяга к разрушению, тяга к убийству, ему хочется буйствовать и сеять смерть»? Анна написала это 3 мая 1944 года, размышляя о виновности «маленьких людей». Вот слова, которые не смягчают и не подслащают всепроникающий ужас тех лет, не позволяют лгать, отрицая его. И не затуманивают историю.

Отто Франка с детства приучали к тому, что он как член общества должен приспособливаться к своему окружению, не раздражать его; это было условием вхождения в мейнстрим, сделкой, которую немецкие евреи заключили с самими собой. Приличней — и безопасней — было хвалить, чем обвинять. И когда благодаря дневнику дочери перед ним открылся более широкий послевоенный мир, гораздо лучше, опять-таки, было говорить о добросердечии, чем о разрушении: ведь такая большая часть этого широкого мира была причастна к буйству и убийству (Анна упоминает в дневнике о нарастании — на фоне отправки евреев на гибель — антисемитизма в самих Нидерландах, о котором «нам очень горько и страшно слышать»). После освобождения концлагерей груды истощенных мертвецов казались достаточным обличающим свидетельством. После войны люди поспешили переключить свою жалостливость на другое, подальше от зверств и их виновников. Эта атмосфера, эти настроения повлияли на восприятие дневника, и сам дневник, с аккуратными, но очень важными изъятиями, сделали инструментом поддержания этих настроений и атмосферы. Страх Анны можно было преобразить в надежду, ужас в отвагу, в ее молитвах отчаяния увидеть бодрость духа. И, поскольку дневник получил теперь статус документа Холокоста, восприятие самого этого катаклизма было исподволь подогнано под выражения типа «бесчеловечность человека к человеку», «затушевывание и заглаживание определенных исторических событий и их причин». «Мы не должны быть слишком жестокими к прошлому», — настаивал Франк в 1969 году. Его конкретной реакцией на события прошлого стало создание в 1957 году Фонда Анны Франк и его филиала — Международного молодежного центра, расположенного в том самом амстердамском доме, где был написан дневник, и призванного «всячески способствовать контактам между молодыми людьми разных национальностей, рас и вероисповеданий», — цель, конечно, цивилизованная и благая, но чреватая растворением в пресной жиже филантропических абстракций вполне определенной тяги к буйству и убийству, которая погубила его дочь.

Отто Франк, впрочем, лишь потворствовал преобразованию дневника из свидетельства одного рода в свидетельство другого рода — из болезненно разоблачительного в частично скрывающее. Если Анна Франк стала тем, что мы сегодня называем «иконкой», то причина — пьеса по ее дневнику, удостоенная Пулитцеровской премии, быстро ставшая популярной во всем мире и сотворившая легенду, которой поверило даже новейшее поколение. Инсценировку, авторами которой были Альберт Хакетт и Фрэнсис Гудрич, чета голливудских сценаристов, впервые поставили на Бродвее в 1955 году, через десять лет после того, как отпылали печи Аушвица; изображенная в пьесе «счастливая душа», преисполненная «юмора» и «надежды», живет по сей день, причем не только в интерпретациях дневника, но и во взглядах на Холокост как таковой. Пьеса появилась на свет под знаком конфликта, и ей суждено было надолго стать источником озлобления и предметом судебных разбирательств. Юридический узел, который из-за нее завязался, в конце концов стал подобием бесконечного и многосложного дела «Джарндисы против Джарндисов» из «Холодного дома» Диккенса: «В этой тяжбе — пугале, а не тяжбе! — с течением времени все так перепуталось, что никто не может в ней ничего понять... Нет числа младенцам, что сделались участниками этой тяжбы, едва родившись на свет; нет числа юношам и девушкам, что породнились с нею, как только вступили в брак; нет числа старикам, что выпутались из нее лишь после смерти»[9]. Многие из главных участников затянувшегося спора по поводу инсценировки уже умерли, но сама проблема за минувшие десятилетия не только не сошла на нет, но обострилась еще больше. И какие бы формы она, разветвляясь, ни принимала, какие бы панорамы при ее рассмотрении ни открывались или, наоборот, ни игнорировались, центральный вопрос остается неизменным: кому принадлежит Анна Франк?

Героем этой истории — или антигероем, смутьяном (смотря какой стороне конфликта сочувствовать) стал уроженец Чикаго Меир Левин, романист социально-реалистической школы, автор таких довольно популярных книг, как «Старая компания», «Мания» и «Поселенцы». Он начинал как левый, хоть и был убежденным антисталинистом; в литературе его привлекала пролетарская тема (его роман «Граждане»

средства, конкретные анатомические описания: «В верхней части, между большими срамными губами, на самом верху, находится кожная складочка, если присмотреться, вроде пузырька, это клитор. Дальше идут маленькие срамные губы...» Все это Франк исключил. Он также опустил фрагменты, где дочь злится на нервную суетливость матери («самая ничтожная особа на свете»). Несомненно, он лучше понимал защитные реакции Эдит Франк и не хотел увековечивать ее негативный портрет. Кроме того, он изъяснял многочисленные места, где проявлялась религиозная вера, прямое упоминание о Йом Кипуре, полные ужаса отрывки о том, как немцы хватают евреев в Амстердаме. Многие из этих вмешательств продиктованы осторожностью, чрезмерной стыдливостью и, возможно, некой неуверенностью, свойственной ему лично. В 1991 году, через одиннадцать лет после смерти Франка, было выпущено «полное издание» дневника без каких-либо купюр. Но упрощенный образ Анны Франк как веселой, невинной девочки, всегда верной своим идеалам, — образ, который был ярко продемонстрирован в пьесе, — к тому времени уже был неискореним.

Дальнейшее выхолащивание — в 1950 году — носило еще более принципиальный характер и еще серьезней противоречило всему, что делал Левин, стремившийся к бескомпромиссной достоверности. Переводчица на немецкий Аннелизе Шютц, стараясь завуалировать вину своих соотечественников, методично исключала или сгладила все выпады против немцев и чего бы то ни было немецкого. Например, в пародийном списке правил поведения в убежище, который приводит Анна, есть такой пункт: «Применение языка. В любое время суток необходимо говорить тихо. Разрешены все культурные языки, значит, не немецкий». Немецкий перевод гласит: «Alle Kultursprachen... aber leise!» — «Все культурные языки... но тихо!» Героизм, который люди проявляют «на войне или борясь против немцев в тылу», был превращен в «героизм на войне и в борьбе против угнетения». («Книга, которая, так или иначе, предназначена для продажи в Германии, — объясняла эти изменения Шютц, — не может оскорблять немцев».) Искреннюю фразу, крик, вырвавшийся у девочки в разгар преследований, — «в мире нет большей вражды, чем между немцами и евреями», — Шютц переделала так: «в мире нет большей вражды, чем между этими немцами и евреями!» Франк согласился на последнее изменение, потому что Анна, по его словам, на самом деле имела в виду именно это: она «никоим образом не мерила всех немцев одной меркой. Ведь она прекрасно знала, что даже в те дни у нас было много добрых друзей среди немцев». Однако в дневнике этот осторожный приспособленческий взгляд, свойственный самому Отто Франку, нигде не выражен. И еще поразительней, чем согласие Франка на эти искажения, то, что сорок один год (пока не был опубликован более верный перевод) ни один читатель дневника на немецком языке не знал подлинного текста.

Размышляя над инсценировкой и обещаясь не допускать компромиссов, Левин пообещал Франку действовать «бережно и соблюдая максимум точности» и не оставил сомнений в том, что именно он имеет в виду под точностью. В его глазах дневник был осознанным свидетельством о еврейской религиозной вере и о еврейских страданиях; это, и почти единственно это, определяло для него психологическую, историческую и метафизическую подлинность дневника и его ценность для мира. Вот о чем пекся Левин, пускаясь на поиски театрального продюсера. Одновременно он настойчиво добивался публикации дневника на английском; однако мало-помалу на документ стали обращать внимание и помимо него. В «Письме из Парижа», напечатанном 11 ноября 1950 года в журнале «Нью-Йоркер», Джанет Фланнер отметила выход на французском языке записок «не по годам одаренной юной франкфуртской евреечки», забывая, похоже, об уничижительном звучании, да еще в послегитлеровские годы, слова «евреечка». Получив отказ от шестнадцати англоязычных издательств по обе стороны Атлантики, Левин наконец заручился согласием лондонской фирмы «Валентайн Митчелл». Его переговоры с бостонским издательством еще шли, когда компания «Даблдей» по своей инициативе приобрела права на американское издание непосредственно у Франка. Отношения между Левиным и Франком были, как и прежде, теплыми; Франк неоднократно благодарил Левина за усилия по распространению дневника, и Левин продолжал действовать, считая, что Франк поддержит его кандидатуру как будущего автора инсценировки.

Если одна-единственная рецензия на первой странице еженедельника «Нью-Йорк таймс бук ревью» способна стать ракетой, мгновенно возносящей книгу на уровень святости, именно это сделала весной 1952 года рецензия Меира Левина на книгу «Анна Франк. Дневник юной девушки». Заказа на эту статью он рьяно добивался. Однако предисловие к книге написал не он: Барбара Циммерман (впоследствии — Барбара Эпстайн, основательница журнала «Нью-Йорк ревью оф букс»), молодой редактор дневника в издательстве «Даблдей», сразу поняла, что произведению суждено стать «малой классикой», и сумела привлечь Элеонору Рузвельт (правда, Левин утверждает, что предисловие написала за Рузвельт сама Циммерман). И теперь Левин объединил усилия с Циммерман и «Даблдей», искавшими продюсера. Компания «Даблдей» должна была, по мысли Левина, стать официальным агентом Франка с условием, что Левин будет активно участвовать в работе над инсценировкой. «Честно могу сказать, — писал он Франку, — что считаю себя способным справиться с этой задачей не хуже любого другого писателя». Телеграмма, посланная Франком в «Даблдей», выглядит как согласие: «Хотел бы видеть Левина автором или соавтором любой трактовки, гарантирующей идею книги». Загвоздка, как выяснилось позднее, таилась в опасной неопределенности: чью идею? Левина? Франка? Продюсера? Режиссера? В любом случае «Даблдей» уже

испытывала немало сомнений по поводу двойственной роли Левина: что, если заинтересовавшийся книгой продюсер предпочтет другого драматурга?

Вся лавина последующих событий, вся мешанина яростных обвинений, гремевших годами, стала предметом двух захватывающих работ, посвященных делу «Левин против Франка». И если слово «дело» приводит на ум дело Дрейфуса, то именно в таких масштабах видел происходящее Левин: как несправедливое лишение его законных прав, последствия которого выходят далеко за пределы его личных затруднений. Книга Лоуренса Грейвера «Одержимость Анной Франк», выпущенная в 1995 году издательством Калифорнийского университета, стала первой, где распутывается сумбур требований, опровержений, писем, телеграмм, ходатайств, полемических заявлений и громких конфликтов — всего того, чего не может обойти вниманием ни одно исследование пути дневника на сцену. «Украденное наследие Анны Франк» Ральфа Мелника (1997 год, издательство Йельского университета) богаче насыщено подробностями и источниками и более категорично по тону. Обе работы — добросовестные, квалифицированные исследования, они сходятся в фактах и расходятся в выводах. Грейвер уклоняется от прямых оценок, Мелник открыто берет сторону Левина. Грейвер не видит в этой истории злодеев, Мелник видит: Лиллиан Хеллман[10].

Неизменно относившийся к достоинству и правам Франка крайне уважительно и никогда не забывавший о том, что довелось пережить этому молодому человеку, Левин пообещал отойти в сторону, если возникнет какой-либо выдающийся драматург, «мировая знаменитость». Между тем он упрямо и уверенно работал над своей версией инсценировки. Подозревали, что он — прежде всего романист — не способен написать пьесу (на склоне лет, став чрезвычайно желчным, он ответил на это перечнем: «Сартр, Горький, Голсуорси, Стейнбек, Уайлдер!»). Хотя существует немало экземпляров пьесы Левина в разных вариантах, канонического текста мы не имеем; и публикация, и постановка были по требованию юристов Франка запрещены. По рукам ходит версия, поставленная в 1966 году без разрешения Солдатским театром в Израиле, и читается она хорошо: получилось и трогательно, и театрально, и профессионально, и актерам есть что играть. Эта позднейшая работа, однако, отличается от пьесы, которую в 1952 году получила от Левина Черил Кроуфорд, одна из нескольких бродвейских продюсеров, поспешивших выразить интерес после шумного успеха дневника. Именитая Кроуфорд, соосновательница Актерской студии, вначале обнадежила Левина: пообещала рассмотреть его кандидатуру первой и, если пьеса окажется не вполне удовлетворительной, обеспечить помощь более опытного соавтора. Но потом она в одночасье отвергла труд Левина категорически. Левин был ошеломлен и взбешен, и с тех пор он стал несгибаемым и неутомимым борцом за свою пьесу — и борцом, настаивал он, за сохранение подлинного смысла дневника. В рецензии в «Таймс» он с пафосом назвал его голосом «шести миллионов уничтоженных еврейских душ».

Между тем «Даблдей», предвидя осложнения, отказалась быть театральным агентом Франка, поскольку сочла, что Левин, чьего участия хотел Франк, будет помехой: он, по их мнению, слишком навязчив, своеобразен, независим и предприимчив, сосредоточен на своих личных интересах, а именно на том, чтобы любой ценой отстаивать превосходство своей работы над работами всех потенциальных конкурентов. Франк, со своей стороны, начал мягко, вежливо, с неустанными изъявлениями благодарности Левину, двигаться к прохладной позиции «Даблдей», чему особенно способствовало влияние Барбары Циммерман. В свои двадцать четыре (она родилась в том же году, что и Анна) она была очень умна и внимательна. Они постоянно обменивались с Франком ласковыми письмами, он называл ее в них «маленькой Барбарой» и «моей дорогой малышкой». Однажды он послал ей в подарок старинную золотую заколку. Насчет Левина Циммерман в конце концов пришла к выводу, что с ним «невозможно иметь дело ни в каком плане — ни в официальном, ни в юридическом, ни в моральном, ни в личном». «Невротик, обуреваемый навязчивой идеей <...> разрушающий и себя самого, и пьесу Анны». (Никакой «пьесы Анны», разумеется, не существовало на свете.)

Но что побудило Кроуфорд так резко изменить мнение? Известно, что она посылала пьесу Левина для дальнейшей оценки Лиллиан Хеллман и продюсерам Роберту Уайтхеду и Кермиту Блумгардену. Все трое были театральными светилами, и все трое отвергли работу Левина. От доверия Франка Левину, которое и без того сильно уменьшилось, теперь ничего не осталось. По совету «Даблдей» он решил доверить бродвейским профессионалам, Левин же продолжал борьбу в одиночку. Возникли и исчезли знаменитые имена: Максвелл Андерсон, Джон Ван Друтен, Карсон Маккаллерс[11]. Кроуфорд в итоге самоустранилась, опасаясь иска со стороны Левина. В конце концов посреди многочисленных осложнений, юридических и эмоциональных, и под бдительным оком Левина, по-прежнему громко и публично заявлявшего о первенстве своего труда, продюсером стал Кермит Блумгарден[12], режиссером — Гарсон Канин[13]. Блумгардена порекомендовала Хеллман; она же посоветовала заказать пьесу Альберту Хакетту и Фрэнсис Гудрич. У этой супружеской пары за плечами было много голливудских кинохитов, от «Отца невесты» до «Этой прекрасной жизни»[14], и они имели успех как сценаристы веселых мюзиклов. Левин

пришел в ужас: он с дорогим его сердцу детищем должен, выходит, уступить дорогу не «мировой знаменитости», а парочке кинодеятелей легкого жанра, просто «наемным перьям»?

«Наемные перья» отнеслись к делу серьезно и с почтением. Немедленно взялись за книги по европейской истории, иудаизму и еврейским обычаям; проконсультировались с раввином. С энтузиазмом переписывались с Франком, стремясь оправдать его ожидания. Поехали в Амстердам и побывали в том самом доме 263 на канале Принсенграхт, где прятались Франки, ван Дааны и Дюссел. Встретились с Йоханнесом Клейманом, который, наряду с Гарри Кралером и Мип Хис, вел бизнес Франка, укрывая и защищая его и его семью в комнатах позади помещения фирмы. Левин, возмущенный, помимо прочего, тем, что ему предпочли людей, совершенно не знакомых с еврейской жизнью, поместил в газете «Нью-Йорк пост» заявление, в котором обрушился на Блумгардена и потребовал, чтобы его пьесе публично прослушали. «Сюжет, с которым я работал, — писал он, — это еврейский сюжет. Я постарался инсценировать Дневник так, как это сделала бы сама Анна, я использовал ее собственные слова... Я считаю, что моя работа имеет право быть вынесенной на ваш суд — на суд публики». «Нелепо и смехотворно», — отозвался на это Блумгарден. Обращаясь к критику Бруксу Аткинсону[15], Левин дошел до возмутительной крайности: он заявил, что его пьесу «убивает то же самое своевольное небрежение, что стоило жизни Анне и шести миллионам ее сородичей». Франк перестал отвечать на письма Левина; многие он возвращал, не читая.

*Ὀδύνην Ἀγάθη· ἐ Ἀεὶκλάδο Ὁαέαδὸ, πῶράδενῶν ἰ πρῆεῖτᾶ ἐῖοῖδῶνι αὐεῖα γαεῖαζᾶ
ἐῖ πῶρᾶ ἐδῖτᾶα ἄῖ αἰῖ ἐεῖ Ἀῖ ἰ Ὁδᾶῖ ἐ*

В ранних вариантах Хакетт и Гудрич тоже старались бережно обращаться с «еврейским сюжетом». Помня, что получили этот заказ благодаря Хеллман, и сокрушаясь из-за резкого неприятия Блумгарденом их первоначальных попыток, они уик-энд за уик-эндом летали к Хеллман на Мартас-Винъярд за советами. «Она была бесподобна», — умилялась Гудрич и слушалась ее с радостью. Предложения Хеллман, как и те, что исходили от Блумгардена и Канина, были диаметрально противоположны тому, чего хотел Левин. Всюду, где Анна в дневнике заводила речь о своем осознании еврейской судьбы или о еврейской вере, Хакетт и Гудрич аккуратно убирала упоминания об этом или меняли их акцент. Все конкретное заменяли на обобщенное. На первый план они выдвинули взаимное влечение Анны и юного Петера ван Даана. Комическое начало оттеснило тьму. Анна превратилась в этакую всеамериканскую девушку, напоминающую задорную героиню «Юной мисс»[16] — популярной пьесы предыдущего десятилетия. Сионистские устремления Марго, старшей сестры Анны, исчезли. Единственный эпизод, имеющий религиозное звучание, — празднование Хануки — нелепо нанизан на местные обычаи того времени («восемь дней подарков»); развеселый перезвон занял место старинного гимна «Маоз Цур»[17], где говорится о перенесенных евреями тяготах. (Канин настаивал на чем-то «воодушевляющем и радостном», дабы не создавать «абсолютно не ту атмосферу». «Традиционно-еврейское, — добавил он, — просто-напросто вызовет у публики отчуждение».)

Как это ни удивительно, в одной реплике, которая приписывается Хеллман и напрочь отсутствует в дневнике, звучит излюбленное нацистами слово «раса». «Мы не единственный народ, которому выпало страдать, — говорит Анна в пьесе Хакетта и Гудрич. — Всегда были люди, которым приходилось плохо... то одна раса... то другая». Это бесцветное высказывание, пустое в своей неопределенности, разительно противоречит ключевому размышлению, которое авторы пьесы сознательно решили перечеркнуть:

È àrèè i ú òàdíèì àñà yòè íáíàñòè, òí, àrèè òíèùèì àñà àààè íá àáàò òíè-òíàáíú, èíàà-íéàáúù èç ìdí ééyòúò è íòáààéáííúò ííè ìòáààòyòñy á íáààçáò àéy ìíàààéáíèy. Èòí çíáàò, áúòúì íààò, èíàà-íéàáúù èì áíí íàòà ààà íàò-èò àíàòò àñà -àéíàà-àñòáí, àñà íáàíáú, è òààè yòíá, òààè yòíá íáííá òòíèò ìíòòáààòú.. Á-íííáú íééíàà áúá íá àòííàè íàò íáàíá íá ìòíèçáíè òááúáú; ààèá è àèèè àààè, íáíí íòòy íá àñà ìòáààáíáíèy; íí çà àñà yòè ààèá ííè è òòàèè òèéúú úì è.

По мнению Канина, подобные рассуждения «смущают своей односторонностью... То обстоятельство, что в пьесе символом преследований и угнетения стали евреи, второстепенно, и такими утверждениями Анна наносит ущерб своему величию». И так по всей пьесе. Особое, частное бедствие евреев, вынужденных скрываться, было размыто, обращено в то, что Канин назвал словом «бесконечное». Реальность, обусловившая написание дневника, объявлена «второстепенной». Впечатлительную девочку, страстно размышляющую о вполне определенном злодействе, превратили в олицетворение уклончивости. Ее история имела обиталище и название; «бесконечное» же лишено имени и не привязано ни к какому месту.

В глазах Левина источником и первопричиной всех этих искажений была Лиллиан Хеллман. Хеллман, считал он, «руководила» Хакеттом и Гудрич, будучи насквозь политизированной, твердокаменной доктринершей. Ее позиция якобы лежала в основе заговора. Неисправимая сталинистка, она, по его словам, следовала советской линии. Как и советские руководители, она была настроена антисиионистски. И подобно тому как советские власти постарались не допустить никакой еврейской специфики в памятнике жертвам Бабьего Яра, где тысячи евреев, расстрелянных немцами, лежали безымянные и, по существу, преданные забвению, — так и Хеллман, заявил он, дала Хакетту и Гудрич указание затушевать национальную сущность персонажей пьесы. Прегрешения советских властей и прегрешения Хеллман вкуче с ее бродвейскими подручными были, по мнению Левина, схожи. И он решил наказать того, кто позволил всему этому произойти. Отто Франк заключил союз с мастерами заглаживания, Отто Франк не помешал им выбросить пьесу Левина на свалку. Что, спрашивается, оставалось делать человеку, которому нанесли такое оскорбление? Меир Левин подал в суд на Отто Франка. Это было, как заметил кто-то, все равно что судиться с отцом Жанны д'Арк.

Объемистый клубок судебных споров принес Левину успех, но весьма скромный: поскольку композиционно пьеса Хакетта и Гудрич в какой-то мере была сходна с его пьесой, жюри усмотрело плагиат; но даже эта ограниченная победа была сведена на нет, потому что получить хоть сколько-нибудь существенное возмещение убытков оказалось невозможно. Левин рассылал листовки, собирал подписи, создал комитет защиты, выступал с речами, помещал в газетах заявления, подключал к своему делу раввинов и писателей (в том числе Нормана Мейлера). Он выпустил книгу «Одержимость» — свое величественно-исповедальное «Я обвиняю!»[18] — и в одной стычке за другой репетировал битву за постановку своей версии. В ответ ему бросали столь же яростные обвинения: маккартист, преследователь «красных». Стало циркулировать словечко «параноик»: как иначе назвать человека, выступающего против популяризации и разжижения, на которых всегда стоял и стоит Бродвей? «У меня, безусловно, нет никакого желания нагонять на публику тоску, — заявил Канин. — Я вообще не считаю, что такая цель спектакля допустима». (Прощайте, «Гамлет» и «Король Лир»!)

*Εἰς τὴν ἐπιπέδου τῆς «Ἀννῆς Ἀννῆς Ὀδῆς». Ἐπιπέδου ἀδελφότητος ἰσχυρῶς. Διακρίνου
Ἀννῆς Ὀδῆς Ἀννῆς Ὀδῆς ἰσχυρῶς. 1959 ἄρ.*

Рецензенты соглашались: легковесность пьесы пришлась им по вкусу. На них воздействовали лучистая живость Сюзан Страсберг в роли Анны и игра Джозефа Шильдкраута в роли мудрого, вселяющего мужество Отто Франка, чье внешнее сходство с прототипом вызывало умиление. «Анна не на смерть идет; она идет в жизнь, чтобы оставить в ней след, и пусть смерть забирает то, что осталось», — писал в «Геральд трибюн» Уолтер Керр, беря мистическую ноту. «Верайети»[19] с облегчением отметил, что пьеса избегает «ненависти к нацистам, ненависти к тому, как они поступили с миллионами невинных людей», и что она, напротив, оставляет «яркое, трогательное, нередко юмористическое» впечатление, дает зрителю «почти все, чего он только может пожелать. Никакого мрака». Рецензия в «Дейли ньюс» подтверждает, что Канин добился своей цели: «ни в каком существенном смысле не еврейская пьеса <...> Анна Франк — это сиротка Энни[20], зажившая на сцене полнокровной жизнью». Публика смеялась и пленялась; многие, сверх того, испытывали изумление и растроганность.

И публики становилось все больше: пьеса Хакетта и Гудрич обошла весь мир, не исключая Израиль, где начали новую жизнь многие бывшие узники концлагерей, и повсюду спектакли имели успех. Особого внимания заслуживает то, как воспринимали их в Германии. Во впечатляющем и вскрывающем суть дела эссе «Популяризация и память» Элвин Розенфельд, профессор литературы в Университете Индианы, обсуждает, как трансформировался «феномен Анны Франк» в стране, где она родилась. «В театральных рецензиях того времени, — пишет Розенфельд, — говорится, что зрители сидят на протяжении спектакля ошеломленные, а после него не способны ни разговаривать, ни смотреть друг другу в глаза». Не всех, однако, было так легко пристыдить, не все были столь впечатлительны; в 1950-х годах в Германии театральная публика еще принадлежала к поколению нацистской эпохи. (На Бродвее Канин бестрепетно пригласил представительницу этого поколения Густу Хубер на роль матери Анны Франк. Вплоть до разгрома Германии состоявшая в нацистской Гильдии актеров, Хубер с самого начала выступала против «актеров-неарийцев».) Впрочем, необычная немота в театрах по всей Германии, возможно, объясняется не столько чувством вины или стыдом, сколько своего рода всеобъемлющим состраданием; не была ли это жалость к самим себе? «В судьбе Анны Франк, — писал один немецкий театральный критик, — мы видим нашу собственную судьбу — трагедию человеческого существования как такового». Философ Ханна Арендт, бежавшая за границу от гитлеровского режима, отнеслась к таким безмерно-расплывчатым формулировкам с презрением: «Дешевая сентиментальность перед лицом великой катастрофы», — писала она. Бруно Беттельхайм[21], переживший Дахау и Бухенвальд, отрицательно отозвался о той реплике пьесы, которую чаще всего цитировали. «Если все люди добры, то никакого Аушвица не было», — заявил он. Спустя десятилетие после падения нацизма живая, лучезарная и приглаженная девчужка из пьесы стала средством коллективного самоотжествления немцев — самоотжествления с жертвой, а не с ее преследователями — и, согласно Розенфельду, постоянным «символом облегченного пути в моральном и интеллектуальном плане». Та Анна Франк, которую на семи премьерах в семи городах увидели тысячи людей, «говорила жизнеутверждающие слова и не обвиняла своих мучителей». Ни один немец в форме на сцене не появлялся. «Короче говоря, — заключает Розенфельд, — Анна Франк стала удобной формулой легкого прощения».

Пьеса и до сих пор — как того и хотел Отто Франк — действует утешительно — и не только в Германии, где даже пятьдесят лет спустя тема по-прежнему очень чувствительна. Анна Франк в ореоле

святости, отпускающая грехи, чуждая мраку, во всех странах остается для современного сознания почитаемой фигурой, источником успокоения. В Японии, поскольку и в дневнике и в пьесе заходит речь о первой менструации, «Анна Франк» стала у девочек-подростков кодовым обозначением месячных. В Аргентине в 1970-х годах церковные издания начали проводить аналогию между ней и католическими мучениками. «Отдавать прошлому благоговейную дань, — утверждает французский исследователь культуры Цветан Тодоров, — всегда означает приспособлять память к нуждам нынешнего дня».

Имеется тут, однако, нечто, уходящее глубже, чем благоговейная дань прошлому: самоотожествление. Отождествить себя — значит стать тем, чем ты не являешься, а это не что иное, как узурпация, присвоение того, что тебе не должно принадлежать, — но кому же теперь, через полвека после того, как Мип Хис собрала разрозненные страницы дневника, по праву принадлежит Анна Франк? Кто может говорить за нее? Ее отец, который, прочтя дневник, признался, что «не знал» собственную дочь, затем принялся объяснять нам, что, по его мнению, она хотела сказать? Меир Левин, претендовавший на то, чтобы стать ее подлинным голосом, — и посмеявшийся приравнять отказ от его труда, сколь бы неблагодарные мотивы за этим отказом ни стояли, к массовым казням Холокоста? Хеллман, Блумгарден, Канин, чья интерпретация связана с коллективистской идеологией людской взаимозаменяемости? Обосновывая, почему они игнорировали в инсценировке еврейское начало, Канин утверждал, что «людям приходилось страдать из-за того, что они англичане, французы, немцы, итальянцы, эфиопы, мусульмане, негры и так далее», — как будто это не служит еще одним аргументом в пользу того, чтобы осмыслить и конкретизировать каждую историю. Не забудем и про «мальчиков и девочек всего мира» во главе с Карой Уилсон, которая низвела преследование целого народа к проблемам переходного возраста.

Все эти акты присвоения — дешево-личные и крайне идеологизированные, воспринимались ли они как возвышение или как принижение — внесли лепту в превращение Анны Франк в готовый к использованию товар. Другой авторизованной версии, кроме самого дневника, не существует, и даже на него пыталась бросить тень индустрия отрицания Холокоста (которая в какой-то мере является ответвлением индустрии, спекулирующей на имени Анны Франк), объявляя дневник фальшивкой. Согласно одному из обвинений, Отто Франк якобы написал его сам, чтобы заработать. (Эта и подобные ей инсинуации побудили Государственный институт военных архивов в Нидерландах выпустить в 1986 году научное издание, куда вошли результаты экспертизы почерка и чернил, — том, выдержанный в оборонительном духе и потому унылый.)

Ни о какой пьесе нельзя судить только по ее тексту; пьеса воздействует и помимо слов. Так или иначе, читая работу Хакетта и Гудрич сегодня, видишь, что это вполне добротный сделанный бродвейский продукт пятидесятых, чередующий комические эпизоды с тревожными сценами, первую любовь с кражей, мудрость с буффонадой. Слог профессионально-посредственный, на обычном уровне коммерческого театра того времени. И тем не менее пьеса электризовала зрителей повсеместно, по ней сняли почтительный (хоть и с персонажами-роботами) фильм, и она в куда большей степени, чем дневник, сформировала для мира образ Анны Франк. В чем тут дело — в пьесе или в эпохе?

Í à nòáíà Ì óçú ààòàéíéíàí í àíéíàéú áúéà ñòòàñò àéáí à í ñòáí í àéà áí ááí ééà Áí í ú Óðáí é, ñú í ááí í áú í à áááí ò áòéé áéú ðááéí, áúí í éí áí í í é Ì áéðí É ááéí úí áéú ðááéí Ñé-áé-ñí á 1952 á áó Ì òí áñí ð ñóáí é-áí é í ñòáí í áéé Áéáí í é ó áð Ñò ò ñí. Í úò-Éí òé. Ñáí ò ý á á ú 2009 á á á

Хотя вторая мировая война и Холокост с каждым новым поколением все дальше уходят в область преданий, мало чем отличимых от историй, скажем, о гуннах под водительством Аттилы, изучение Холокоста идет ускоряющимися темпами: мемуары выживших, устные рассказы, волна за волной новых документов и аналитических публикаций. Под рубрикой «изучение восприятия» события и цифры Холокоста исследуются в контексте культурных представлений нынешнего дня. Преобразованию

представлений о Холокосте заметно способствовал фильм Стивена Спилберга «Список Шиндлера» о нацистском промышленнике, который спасал преследуемых евреев (охранник, разоблачивший роль швейцарских банков в присвоении средств бывших узников, как говорят, сделал это под влиянием фильма Спилберга). И неудивительно, что новая постановка пьесы Хакетта и Гудрич 1997 года была осуществлена в иной атмосфере, нежели постановка 1955 года. Автор новой редакции текста и режиссер спектакля гораздо более скрупулезно соблюли верность дневнику и приложили все старания, чтобы не обострять заново старых спорных вопросов. Однако эта постановка — со всеми аккуратными, добросовестными добавлениями — не оставляет следа; ее словно бы и не было вовсе. Анна Франк в сознании публики по-прежнему говорит голосом первоначальной пьесы. Да, это неизменно был голос доброй воли, по части намерений тут все было в полном порядке — как и по части кассовых сборов. Но это была добрая воля побродвейски, имевшая в своем составе — так, по крайней мере, считал Меир Левин — толику зла. Для него — и, что знаменательно, для Блумгардена и Канина — самым чувствительным пунктом, фокусом проблемы был старинный спор между частным и всеобщим. И это уводило от сути дела: в спектакле о скрывающихся оказалось скрытым зло как таковое. История преследований была облагорожена, разжижена. И если еще нужны доказательства, что пена ложного оптимизма до сих пор не осела, достаточно вспомнить слова юной исполнительницы роли Анны в постановке 1997 года, через сорок лет после бурного конфликта Левина с Каниным и Блумгарденом: «Здесь много юмора, много надежды, и она — счастливая душа».

Мародерство — вот погребальная песнь по убитым. Мародерство рекламы и сцены, искушенности и наивности, трусости и мистицизма, прощения и безразличия, успеха и денег, тщеславия и ярости, принципиальности и страсти, подмены и сродства. Мародерство славы, стыда, упрека. Оптимизма. Узурпации.

В пятницу 4 августа 1944 года, в день ареста, Мип Хис поднялась по лестнице в убежище и увидела, что оно разгромлено. Кто-то предал маленькую группку скрывающихся, получив за каждого по семь с половиной гульденов — то есть примерно по доллару. Шестьдесят гульденов за всех. Мип Хис собрала записки Анны и, не читая, спрятала в ящик своего письменного стола. Там дневник пролежал нетронутым до тех пор, пока не вернулся Отто Франк, переживший Аушвиц. «Если бы я его прочла, — призналась она впоследствии, — мне пришлось бы сжечь этот дневник, потому что оставить его было бы слишком опасно для тех, о ком Анна писала». Мип Хис, удивительная героиня этой истории, женщина глубинно добрая, не сумев спасти людей, спасла для нас незаменимый шедевр. Мне приходит в голову мысль — мысль шокирующая, — что можно вообразить еще более спасительный исход: дневник Анны Франк сожжен, исчез, утрачен — и, следовательно, спасен от мира, сотворившего из него многое, частью истинное, легкомысленно паря при этом над более тяжелой истиной зла, о котором мы знаем, как оно звалось и где обитало.

Ἰ ἀνάη παρὰ τὴν ἐξουσίαν Ἐπίτρεσσά Ἰ τὸν ἐαυτήν

[1]. *Надин Гордимер (р. 1923) — англоязычная писательница из ЮАР, лауреат Нобелевской премии по литературе (1991 г.). — Здесь и далее прим. перев.*

[2]. *Здесь и ниже цитаты из дневника Анны Франк в русском переводе даются по изданию: Анна Франк. Убежище. Дневник в письмах / Пер. с нидерландского С. Белокриницкой и М. Новиковой // М.: Текст, 2005.*

[3]. *На самом деле — 3 сентября 1944 года.*

[4]. *Отис Реддинг (1941–1967) — американский певец в стиле соул, его песня «Сидя на причале у залива» была записана за три дня до его гибели в авиакатастрофе.*

[5]. *Кэт Стивенс (первоначально — Стивен Георгиу; р. 1948) — английский эстрадный певец.*

[6]. *Дон Маклин (р. 1945) — американский эстрадный певец.*

[7]. *Роберта Флэк (р. 1937) — американская певица в стиле соул.*

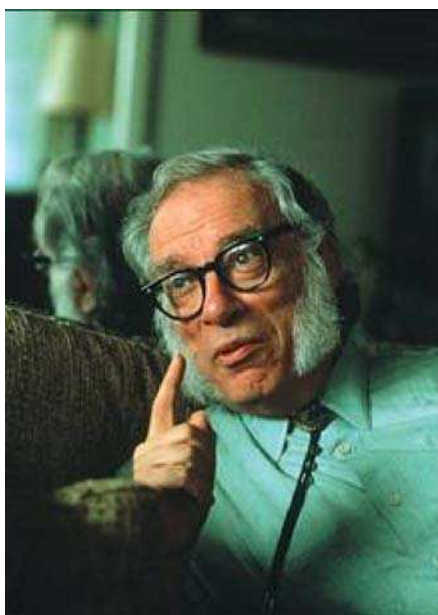
[8]. *«Черные пантеры» — радикальная негритянская организация, действовавшая в США во второй половине 1960-х и в 1970-х годах.*

- [9]. *Перевод М. Клягиной-Кондратьевой.*
- [10]. *Лиллиан Хеллман (1905–1984) — американский драматург и писательница.*
- [11]. *Максвелл Андерсон (1888–1959) — американский драматург. Джон Ван Друтен (1901–1957) — английский (с 1944 года — американский) драматург и театральный режиссер. Карсон Маккаллерс (1917–1967) — американская писательница.*
- [12]. *Кермит Блумгарден (1904–1976) — американский театральный продюсер.*
- [13]. *Гарсон Канин (1912–1999) — американский драматург, режиссер театра и кино.*
- [14]. *«Отец невесты» (1950) и «Эта прекрасная жизнь» (1946) — мелодрамы, снятые по сценариям Альберта Хакетта (1900–1995) и Фрэнсис Гудрич (1890–1984).*
- [15]. *Брукс Аткинсон (1894–1984) — американский театральный критик.*
- [16]. *«Юная мисс» — пьеса Джерома Чодорова и Джозефа Филдса по рассказам Салли Бенсон, впервые поставленная в 1941 г.*
- [17]. *«Маоз Цур» («Твердыня, Оплот») — еврейская ханукальная песнь.*
- [18]. *«Я обвиняю!» — открытое письмо французского писателя Эмиля Золя президенту Франции Феликсу Форю, опубликованное 13 января 1898 г. в газете «Орор» и обвинявшее военный суд и власти страны в антисемитизме и предвзятости при рассмотрении дела Дрейфуса.*
- [19]. *«Верайети» — американский еженедельник, посвященный шоу-бизнесу.*
- [20]. *Сиротка Энни — рыжеволосая девочка, героиня американских комиксов.*
- [21]. *Бруно Беттельхайм (1903–1990) — американский психолог и психиатр австрийского происхождения.*

ПОЧЕМУ Я?

Айзек Азимов

В новой рубрике журнала, повторяющей название новой книжной серии издательства «Текст / Книжники», мы предложим вниманию читателей еврейскую фантастику, детективные и приключенческие повести и рассказы. Открываем рубрику публикацией небольшого очерка Айзека Азимова, служащего вступлением к сборнику американской еврейской фантастики под названием «Дибук с Мазлтов-IV», который вскоре выйдет в свет. В следующих номерах мы опубликуем несколько рассказов из готовящегося сборника.

Именно этот вопрос я задал, когда меня попросили написать вступление к сборнику еврейской фантастики: «Почему я?»

Один из вариантов ответа: потому что я, судя по всему, еврей. По крайней мере, моя мама еврейка, мама моего отца тоже еврейка, значит, и мой отец, и я определенно евреи.

Как вы понимаете, я по этому поводу особо не беспокоюсь. Я не посещаю синагогальное богослужение, не соблюдаю традиций и даже не проходил бар мицву — любопытный обряд конфирмации. Тем не менее я — еврей, и всё тут.

Как такое может быть, спрашиваете? Ну, даже не имея кошерной печати, выданной иудаизмом, я покрыт культурными стигмами (извините за выражение). Я родился в российском местечке и переехал в Бруклин, когда по улицам еще возили ручные тележки, а на каждом углу имелась кондитерская. В одной такой кондитерской, принадлежавшей отцу, я проработал тринадцать лет. Я умею мастерски рассказывать анекдоты с идишским акцентом и вообще бегло говорю на идише. Минорную музыку я предпочитаю мажорной и едва не падаю в обморок, видя, как любимый человек мажет масло на хлеб, собираясь приготовить себе сэндвич с говядиной. «Горчицу, — в отчаянии шепчу я, — горчицу!..»

«Почему я?»

Когда-то евреи не ассоциировались с научной фантастикой и фэнтези. Великие романы — пожалуйста, это еврейским мальчикам разрешалось писать, так же как разрешалось играть на скрипке (не на саксофоне!), играть в шахматы (никаких карт или бильярда!) и становиться врачами и адвокатами (в самом крайнем случае — дантистами или оптиками, но никак не бейсболистами!).

В результате множество произведений американской литературы затрагивают еврейские темы. О ком же еще писать великим еврейским романистам? Не о методистах же, в самом деле!

Иначе обстояли дела в научной фантастике и фэнтези (дешевые журнальчики — фи!). В те дни, когда я жадно глотал эти журнальчики, во всех рассказах действовали исключительно американцы, которые вели свое происхождение из Северо-Западной Европы. Они сражались с космическими пиратами, монстрами из других миров и злыми колдунами в битвах, достойных пера Гомера (и это не говоря о марсианских принцессах в пивных). Разве это для еврейских мальчиков?

Нет, я вовсе не хочу сказать, что среди шелкоперов, заполнявших писаниной страницы тех дешевых журналов, не было евреев. Наверняка были. Ведь даже самая лучшая еврейская мама иногда ослабляет контроль. Вспомните хотя бы евреев, которые занялись пьесами-бурлеск (бум-с!) и стали миллионерами (гении!).

Но многие евреи, писавшие чтиво, прикрывались псевдонимами. По деловым соображениям. Сами посудите, возможно ли, чтобы автора «Богов войны людей-устриц с Денеба» звали Хаим Ицкович?

Замечательный писатель Гораций Л. Голд написал чудесный веселый рассказ «Проблемы с водой», включенный в этот сборник. Он еврей до мозга костей — и много лет писал прекрасные научно-фантастические произведения под именем «Клайд Крейн Кэмбелл», извините за выражение.

Допускались еврейские имена, имевшие немецкое звучание. Ведь человек с таким именем мог оказаться и немцем, а немцы — все та же Северо-Западная Европа, немцы — великий народ (разумеется, не такой великий, как немцы сами воображают).

Насколько мне известно, я стал первым писателем-фантастом, писавшим под своим именем, хотя оно состоит из библейского Исаака и славянского Азимова.

Почему? А ничего лучше я бы все равно не придумал. Я бы все равно вернулся к своему настоящему имени. Оно меня вполне устраивало (возможно, из врожденного чувства превосходства), и я никогда не испытывал необходимости в более романтическом имени. Если бы мне кто-нибудь предложил называться Лесли Фоттерингэй-Фиппс, даже умолял бы со слезами на глазах, я бы все равно отказался.

Более того. Я столь собственнически отношусь к своему имени, что в течение долгого времени меня раздражало, что мой брат носит такую же фамилию, а Исаак Башевис Зингер — имя. Впрочем, мой брат — добрый малый, а Зингер — хороший писатель, как видно из рассказа, входящего в этот сборник, так что Б-г с ними.

А еще одной причиной было желание видеть напечатанным мое имя. Мое, а не какого-то незнакомца.

Вот возьмите Уильяма Тенна, его рассказ тоже есть в этом сборнике. Его имя вовсе не Уильям Тенн. Да кто вообще когда-нибудь знал такое имя — Уильям Тенн? Настоящее имя Уильяма Тенна — Филипп Класс. И когда бы Фил ни утверждал, что Уильям Тенн — это он, никто ему не верит. В ответ он слышит такие слова, как «мегаломания, отягченная галлюцинациями» и ин ганцен а мешугенер^[1].

А у меня таких проблем никогда не было. Мое имя и стало моим псевдонимом, то и другое такие же еврейские, как я сам.

И при всем при том на еврейские темы я не писал. Как-то не связывались у меня евреи с роботами, космическими кораблями и галактическими империями.

И все же иногда кое-что проскакивало. Мой первый научно-фантастический роман «Камешек в небе» описывает противостояние группы жестоковейных землян и галактической империи, презирующей их. Иные усмотрели в этом параллель с взаимоотношениями Иудеи и Римской империи в I веке н. э. Кто знает, может, они и правы. Главного героя зовут Джозеф Шварц. Я не знаю, еврей ли он, но пока не встретил никого, кто бы думал иначе.

Иногда мне нужен был персонаж, которого читатель, по моим гнусным замыслам, должен недооценивать. Для этого проще всего заставить такого персонажа говорить на перевранном английском, не соответствующем языковой норме. В этом случае читатели думают, что перед ними комический персонаж. А единственный подходящий вариант, который я знаю, — идишские речевые обороты и словечки. Вот так и пришлось изъясняться некоторым персонажам трилогии «Основание».

Но времена изменились. После второй мировой войны, с исчезновением нацистской угрозы и появлением ООН, расизм утратил респектабельность. В моду вошло этническое самосознание в самых разных вариациях. К моему удивлению, стали появляться научно-фантастические и фэнтезийные произведения на еврейские темы. Наконец, стало возможным появление замечательных сборников, подобных этому.

Конечно, новое веяние привлекло и меня. И я написал рассказ, целиком посвященный еврейской теме. Он называется «В четвертом поколении» и включен в этот сборник.

Вот вам и еще один вариант ответа на вопрос «Почему я?» — да потому что мой рассказ включен в эту книгу!

Как бы то ни было, без бар мицвы и традиций, но я теряю терпение, когда сталкиваюсь с кем-то, кто нарочито демонстрирует, что он Большой-Еврей-Чем-Ты.

Вспоминаю, как однажды я говорил по телефону с господином, чье настоящее имя я не назову (потому что просто-напросто забыл), но в нужный момент я обеспечу его именем соответствующего оттенка.

Итак, газета «Бостон глоб» проводила книжную ярмарку и попросила меня выступить. Я согласился и произнес речь. Так получилось, что ярмарка совпала с праздником Рош а-Шана, о чем я понятия не имел. Впрочем, это неважно, так как я бы все равно выступил, даже если бы и знал.

На следующий день мне позвонил некто, заявивший, что он — еврей, и поинтересовавшийся, почему я согласился выступать в Рош а-Шана. Я вежливо объяснил, что не соблюдаю праздников, и это привело его в ярость. Он выдал преисполненную самодовольного пафоса лекцию, порассуждав о моих еврейских обязанностях, а затем обвинил в желании ассимилироваться.

Я вознес краткую молитву Богу Аристотеля, Ньютона и Эйнштейна, а затем спокойно сказал: «У вас есть преимущество передо мной, сэр. Вы знаете мое имя, но я не знаю вашего. С кем я говорю?»

И Бог науки оказался на рабочем месте! Мой собеседник ответил, что его зовут Джордж Давенпорт.

«Вот как? — сказал я. — А меня зовут Айзек Азимов, как вам известно. Если бы я хотел скрыть свое еврейское происхождение, то первым делом сменил бы имя — например, на Джордж Давенпорт».

На этом разговор почему-то прекратился.

Однако я хочу сказать Джорджу Давенпорту (это не настоящее имя, вы помните?) кое-что еще: причина, по которой я пишу это вступление, заключается в том, что, несмотря на мои языческие привычки и верования, я был и остаюсь евреем.

יִשְׂרָאֵל נִאִי אֵדְעֵנְךָ יְהוָה אֵלֹהֵינוּ

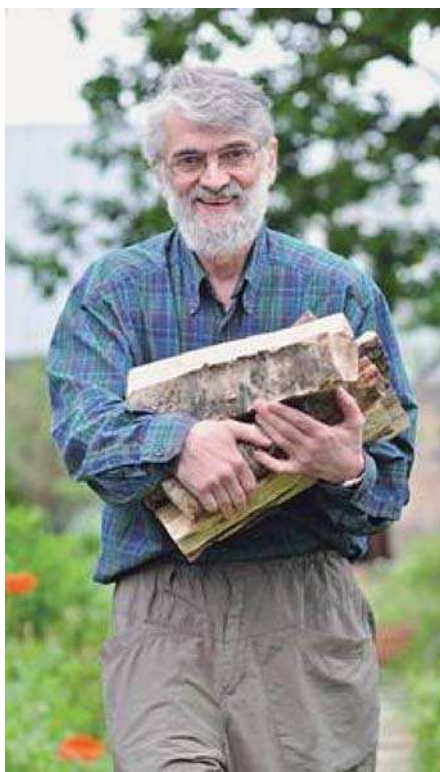
[1]. *Ин ганцен а мешугенер (идиш) — букв. «сумасшедший во всем; больной на всю голову».*

ВЛАДИМИР ЛЮБАРОВ:

«Я ПОКА МОЛОДОЙ ПИСАТЕЛЬ»

Беседу ведет Елена Калашникова

На выставке «Праздник без повода» в Театральном музее им. А.А.Бахрушина Владимир Любаров представил публике новый альбом, на проверку оказавшийся «книжкой с сюрпризом». Репродукции картин в нем сопровождаются текстами — «рассказиками», как называет их сам художник. Вошли в альбом и картины из серии «Еврейское счастье» — их художник впервые «расшифровывает» автобиографическими зарисовками из жизни коммуналки на улице Щипок в Замоскворечье.

Альбом «Еврейское счастье»

ЕЛЕНА КАЛАШНИКОВА:

В интервью вы не раз рассказывали, что ваша серия «Еврейское счастье» навеяна детскими воспоминаниями, еврейским кварталом Антверпена, куда вы случайно забрели, произведениями Башевиса Зингера и Шолом-Алейхема, которые вы иллюстрировали. А какой смысл вы вкладываете в название серии?

ВЛАДИМИР ЛЮБАРОВ:

Словосочетание «еврейское счастье» я впервые услышал от своей бабушки Сони, женщины большой жизненной стойкости — и такого же неубиваемого остроумия. «Еврейским счастьем» она именovala собственную жизнь, в которой на всякое счастье обязательно находилось несчастье — и наоборот. Она была красавицей, но — горбатой (я об этом еще не рассказывал, надеюсь, бабушка на меня не обидится). Мужа при этом она заполучила тоже красавца, но, судя по всему, безответственного человека и отчаянного картежника — мне кажется, что творческая жилка у меня от него. Бабушка практически в одиночку поднимала четверых детей, в то время как дедушка то и дело норовил проиграть шинок, который она держала. В конце концов бабушка отправила его с глаз долой — на заработки в Америку, и лет через

двенадцать он вернулся уже в Советскую Россию, ничего не заработав. Привез только теплые американские кальсоны и кожаное пальто — из тех, что называют вечными: даже я еще успел в нем пофорсить. Сам дедушка рассказывал, что все заработанные деньги у него на корабле отобрали чекисты. Но, скорее всего, он их спустил в картишки. К тому времени бабушка с детьми уже перебралась из Харькова в Москву, уж не знаю, как он их отыскал в сумбуре двадцатых. Бабушка его приняла, не попрекнула тем, что дети выросли без него, и он доживал тихим советским пенсионером.

Такую вот жизнь бабушка Соня и называла «еврейским счастьем», причем крупного масштаба. А на мелкие «еврейские счастья», вроде потерянного кошелька или плюющегося манной кашей внучка Вовы, она обращала внимание лишь в той мере, в какой они закаляли ее остроумие.

ЕК:

Ваша бабушка Соня, мадам Любарова, один из самых любимых персонажей ваших историй, была верующей?

ВЛ:

В годы моего детства быть верующим считалось чуть ли не преступлением. Поэтому если бабушка и говорила со мной о Б-ге, то очень деликатно, а то вдруг ребенок-пионер и впрямь уверует, рассказывать всем про это начнет! Бабушка была мудрой женщиной и хорошо понимала, в какое время живет. Своих детей, а потом и внуков она вырастила вполне советскими людьми. Ну а самой бабушке верить в Б-га запретить никто не мог, и она безо всяких демонстраций, но особо и не таясь, регулярно ходила в синагогу, мне кажется, в ту, что на Китай-городе. У нее на случаи этих походов имелась и своя компания — дядя Лева и тетя Рахиль.

ЕК:

Герои вашего рассказа «Еврейское счастье» — два маленьких еврея.

ВЛ Да, они тоже жили на Щипке, в хибарке напротив нашего дома, похожей на дворницкую, только такую крошечную, что в ней могли поместиться лишь они, поскольку оба были очень маленького роста. Я любил смотреть на их домик из нашего окна, меня чем-то завораживала их жизнь. Например, по вечерам в пятницу они зажигали свечи. Зачем они это делали при наличии электричества, мне, советскому мальчику, было непонятно, но это чем-то напоминало Новый год, а потому очень мне нравилось.

Наверное, если бы я спросил бабушку, она растолковала бы мне смысл этого ритуала. Но я не спросил — как не спросил и о многом другом, о чем теперь невероятно жалею. Спросить из того поколения больше не у кого, и история семьи существует в моем сознании в виде осколков зеркала. Самый цельный среди этих осколков — это образ бабушки Сони, я ее чувствую, как будто у нас с нею сохранилась особая энергетическая связь. Без этой связи, без нашей общей «крови», которую я понимаю скорее как духовный, а не физический компонент, едва ли могла возникнуть моя еврейская серия.

ЕК:

Ваш отец был инженером, а чем занимались остальные дети бабушки Сони?

ВЛ:

Старший брат отца выведен у меня в рассказах под именем «Дяди Миши с Большой Головой» — его и на самом деле все так звали. Красотой и энтузиазмом по части женского пола он, видимо, пошел в дедушку, за что однажды и пострадал. Спасаясь как-то от ревнивого мужа, он вниз головой упал в шахту лифта, и с тех пор голова у него начала расти. Вероятно, в детстве его облик производил на меня сильное впечатление, не случайно я часто заимствую размер его головы для героев своих картинок. В этой диспропорции мне видится какой-то более глубокий смысл, чем в банальной карикатуре.

После падения дядя Миша остепенился и сделал самую значительную в нашей семье карьеру — стал главным технологом типографии «Красный пролетарий», по тем временам огромного предприятия. Все сотрудники его искренне уважали: я часто бывал у него на работе и слышал, как про дядю Мишу говорили,

что нет на свете начальства лучше. А меня, даже когда я уже учился в Полиграфическом институте, называли «племянником Дяди Миши с Большой Головой». Это была хорошая рекомендация.

Еще у бабушки с дедушкой было две дочери: тетя Оля и тетя Вера. Тетя Оля была самой тихой, но у нее родилась самая шумная и веселая моя сестра Света, которую я тоже часто изображаю на своих картинках. Ей передан и бабушкин дефект внешности, что так же мало ее смущает, и бабушкин негибкий оптимизм. А тетя Вера, как и бабушка, строила свою большую семью, которая в начале перестройки эмигрировала в Германию и там весьма преуспела. Но тетя Вера все время просилась назад, в Россию — и теперь прах ее захоронен здесь, на «семейном» Востряковском кладбище.

ЕК:

Как получилось, что вы стали писать рассказы?

ВЛ:

Честно говоря, я с иронией воспринимаю, когда меня называют писателем. И едва ли на самом деле им являюсь: ведь не рисовать я не могу, а не писать — могу, и без особых затруднений.

Все началось с того, что по просьбе редактора моего альбома я написал несколько комментариев к картинкам — просто для того, чтобы заполнить пустоты в макете. Всем понравилось, текстик поместили в альбом — ну и, как говорится, Остапа понесло.

Процесс писания привлекает меня своей простотой — может быть, потому, что я не отношусь к нему с излишней торжественностью. Не нужно никаких «спецсредств», как при занятиях живописью, — кисточек там всяких, холстов, подрамников, мольбертов. Красок, наконец, имеющих сильный запах, — а у меня хронический бронхит, даже вот курить на старости лет бросил.

ЕК:

При чтении ваших рассказов мне вспоминается Довлатов, хотя язык у вас другой.

ВЛ:

Довлатова я действительно очень люблю, время от времени перечитываю. Хотя сравнивать меня с ним некорректно: он же выдающийся писатель, а я... ну, скажем, художник, которому какие-то свои истории захотелось передать с помощью слов. И у Довлатова — могучая писательская фантазия. Я же, как акын, пишу то, что вижу, а если привираю, то самую малость.

ЕК:

Как возникают замыслы ваших картин, серий?

ВЛ:

Я не склонен к мистике, но иногда мне кажется, что это мои персонажи командуют мной, а не я ими. Они возникают откуда-то по собственному усмотрению — и я только успеваю их рисовать. Причем, то повалит толпа деревенских жителей — из моей отчасти реальной, отчасти мифологической деревни Перемилово. А то вдруг русская тема сама собой сворачивается — и начинается «исход» из еврейских пластов моего подсознания. И эти люди идут и идут, пока их черед так же внезапно не обрывается. И тут я понимаю: всё, серия сложилась.

Периоды простоя, когда я полностью опустошен, длятся у меня совсем недолго — я маюсь, гоняю своих близких, а потом меня берут в оборот новые персонажи, новые овощи, фрукты, чайники, пины... Натюрморты, кстати, тоже ведут себя со мной весьма бесцеремонно: это не я ставлю себе композиции, а сами предметы подманивают меня, зачаровывают — и я уже принадлежу только им. Со словами таких сложных взаимоотношений у меня не возникает. Но кто знает, может, все еще впереди? Я же пока молодой писатель.

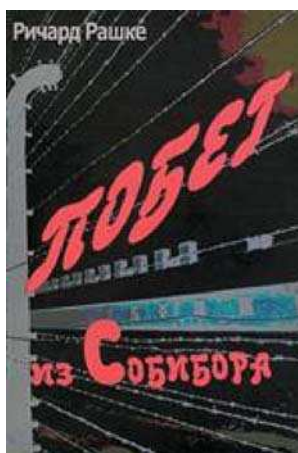
ТЮРЬМА, РОЖДЕННАЯ ТЮРЬМОЙ

ÊÍ ÈÆÍ ÛÁ Í ÎÄÈÍ ÈÈ

Đè: àðä Đàø éá

Í îááã èç Ñîáéáí ðà

Í àð ñ àí äë. À. Ñáàðäëí àà
Í.: Í îëèì ää, 2010 — 288 ñ

В фильме Романа Поланского «Пианист» есть такая сцена. Вокзал. 1942 год. Евреев гонят к товарняку. Они не знают, что их отправляют в лагерь смерти. Один из погонщиков-полицейских, знакомый героя, отшвыривает того в сторону. Герой рвется назад, к близким. «Что ты делаешь? — шепчет ему полицейский яростно. — Я же спасаю тебе жизнь!..» Осознав эти слова, герой поворачивается и убегает. Даже не оглянувшись на поезд, в котором его семья. И это настолько героя унижает... и одновременно это такая правда... которую лучше бы не знать о себе ни герою, ни зрителям. Сразу чувствуется, что Поланский через все это прошел: гетто, нацистов, животный ужас. И что он не верит в героизм. Узники, которые давали Рашке интервью (на них и основана книга), тоже не верили в героизм. Они постоянно подчеркивали: да, мы убивали нацистов, но гордиться тут нечем. Так было надо. В «Побеге» одно из самых сильных мест — даже не то, как офицеров СС поодиночке рубили топорами, а то, как Том Блатт, бывший беглец, а ныне благополучный гражданин Бразилии, никак не может начать рассказ. Никак не может найти слов, чтобы объяснить Рашке, что это такое — быть в Собиборе. Каким деформациям это тебя подвергало. Встречи поездов с обреченными (музыка, номерки взамен вещей — и в газовую камеру). Стыд за роль статиста на этом страшном спектакле. Сочувствие. Горе. И одновременно: пища, которую ешь, одежда, которая на тебе, все это — убитых людей. Перебои с поездами означали голод для евреев, отобранных для работ. То есть они не могли не ждать этих составов, не думать о них.

Первое, что можно сказать про книгу «Побег из Собибора», — что в ней ощущается то самое тошнотворное «знание» из первых рук, как в вышеупомянутом «Пианисте». Это сквозь литературную обработку пробиваются голоса самих узников. Голосов много, и эта полифоничность усугубляет эффект... Если сравнить книгу Рашке с одноименным фильмом 1987 года, то замечаешь фактические расхождения. Например, в сцене поимки 13 человек после первого побега (с лесоповала). По фильму в лагере каждого из них заставили выбрать себе пару «для смерти». В фильме казнили 26 человек. В книге — только 13. Когда натыкаешься на такое несовпадение, то веришь Рашке, не киношникам. Потому что степень ответственности автора документальной книги и создателей фильма разная. Точнее, она в разных областях лежит. Рашке отвечает перед бывшими узниками, которые доверились ему и открылись. А режиссер и продюсер — перед инвесторами. Разные задачи — разная достоверность.

Узники в фильме выглядят более однозначными. Они тут именно «герои», без достоевской мути. Это понятно. Посыл на расширение аудитории, забота о том, чтобы всем все было понятно,

закономерно приводит и к искажениям фактов, и к превращению реальных, болезненно изломанных Собибором людей в носителей той или иной сценарной функции. Рутгер Хауэр в роли Александра Печерского, лидера восстания, как будто сошел с плаката, причем нацистского. Бравый ариец с горящим взором и римским профилем. Не человек, а военная машина, вроде танка... А реальный Печерский уже в пожилом возрасте плакал перед камерой, вспоминая Люку, девушку, которая погибла во время восстания. А реальный Печерский после побега бросил узников в лесах. Попросту говоря, обманул. Сказал, что пошел разведать дорогу, — и сбежал с горсткой боеспособных, бросив старых и слабых, как балласт. Осуждать за это нельзя, ситуация была — каждый за себя, но киношный Печерский так бы не поступил.

Фильм «Побег из Собибора», он, как девушка, поставлен перед необходимостью нравиться всем, возбуждать сплошь возвышенные и поверхностные эмоции; поднимать рейтинг, короче. Отсюда — политкорректность. О роли поляков (крестьян и партизан) в уничтожении части сбежавших узников в фильме почти ни слова, зато в книге про это очень подробно. Вообще, то время, те люди — их эмоции и мотивации — труднодостижимы сейчас. Поляки ненавидели немцев. Казалось бы, почему им не объединиться с евреями. Враг общий, сильный. Объединившись, больше шансов нанести ему урон. Но, оказывается, евреев поляки ненавидели даже сильнее, чем немцев. Не все, но большая часть...

Все герои этой книги (кроме одного) покинули Польшу после войны. Но потом приезжали. Кто-то даже ежегодно — на то место, где был лагерь. Они признавались Рашке, что не могут освободиться от Собибора. Собибор продолжал их держать.

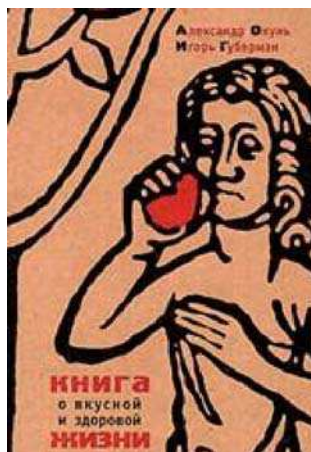
Pòée Nîiîîîî

ОЗОРНО О СЕРЬЕЗНОМ

Àëàèñáí äð Î éóí ü Èã ðü Áóááðì àí

Êí èñ ì áëóñ í é è çãí ðí áí é æ è ç í è. 4-á è çã, èñ ð è áí ì.

Î .: Ý è ñ ì, 2008 — 464 ñ

Àëàèñáí äð Î éóí ü Èã ðü Áóááðì àí

Î ó ááí æ è ò æ ü í í ñ ò ðáí á ñ è í í ñ è ò ì ó ä ð á ò í á

Î .: Ý è ñ ì, 2011. — 512 ñ

Название кулинарной книги Игоря Губермана и Александра Окуня образовано сдвигом одного слова в заглавии советского пропагандистского издания. Замысел авторов, конечно, философско-глобальный: тотальная целостность человека, «синтез верха и низа», свобода и раскрепощенность. «Еда ничуть не менее духовна, / Чем пьянство, вдохновение и любовь»; «Я есть то, что я ем». Элементарная замена слова «пища» на «жизнь» призвана служить этой идеологии.

Интернет-поисковики сообщают, что читатель использовал книгу по-разному: кто-то для академического исследования «Мотив пиршества в литературе “третьей волны” эмиграции», а кто-то, не мудрствуя, — как сборник рецептов. Оно и понятно: противоречива сама структура книги. С одной стороны, в ней много сведений о «высоком кулинарном искусстве», об истории гурманства, о национальных кухнях и о связанных с едой ритуалах. С другой — авторский имидж освобождающихся от культурных условностей мужчин потребовал введения иных приемов, и чем причудливее, тем лучше. Кухня семантизируется,

рецепты поднимаются до идеологем. Попутно успешно вышучиваются и травестируются еврейская история и мифология: суфле из манной крупы «Сорок лет в пустыне», фаршированная рыба «Иона», даже яйца «Самсон». Причем карнавал деидеологизации всякий раз уступает место прагматике — за ерническим названием следуют инструкции по приготовлению блюда.

А в последней части — «Кулинарная икебана» — преобладает полухудожественная эссеистика: тонкие рассказы о встречах с колоритными людьми, описание израильских тусовок. Происходит неминуемое разделение жизни и еды, тема входит в естественное русло, не теряя при этом в значимости. И интонация здесь уже не стебная, а элегически-мягкая, самоироничная. Авторы «довольствуются» литературным языком: «Когда я вспоминаю Питер...»

Беда в том, что лозунг «Еда является пищей духовной и интеллектуальной не в меньшей степени, чем физической» так лозунгом и остается. При всей изобретательности и остроумии авторов, сопровождающие продукты ассоциации (суп — «тема воды», лимон — «кислая история», рассольник — «история, трогательная до слез») — не более чем игра слов.

Для сравнения: на одном из израильских телеканалов священнодействует повар Эяль Шани. Он бродит по полям, растирая в ладонях колосья пшеницы, стоит рядом с хлебопеками, наблюдает за изготовлением вин, буквально ныряет в каждый помидор, переживая его божественность, и одновременно — готовит. Страстность его преклонения перед плодами земли кажется чрезмерной, но все равно заражает. Вот пример подлинного превращения пищи и всего с ней связанного в жизненную философию.

Как и «Книга о вкусной и здоровой жизни», «Путеводитель по стране сионских мудрецов» имеет на «внешнем плане» конкретную цель — повести туриста за собой в историю Страны. Идентичность авторов многослойна: израильтяне, русские евреи, правые, но аполитичные, патриоты, но космополиты, светские люди, выпивохи. Но равноправны ли эти составляющие авторского «мы»?

Самое ценное здесь — исторический материал и неповторимая манера его подачи. Это касается и обобщающих блоков: историй о «романах» еврейского народа с Испанией, Россией и Германией, которые, по словам одного из рецензентов, «переворачивают душу», и авторских реплик вроде: «Сказать Изабелле и Фердинанду, что евреи не только живы, но имеют уже собственное государство». Врезается в память характеристика Иерусалима, который «пропитан святостью, как лестница доходного дома — запахом котлет, капусты и мочи», или рассказ о Тель-Авиве, с историей «проклятого дома на улице Яффо, 86, где 217 чайников с двойным дном болтаются на велосипеде одессита Гилеля Казарновского». Но демонстрация неперменной вольности — до эпатажа — в отношении исторических событий нередко напоминает «Историю Государства Российского» А.К. Толстого: «Тем временем ассирийцам надоело играть с евреями в кошки-мышки, и они покончили с Израильским царством»; «После разрушения Первого храма был построен Второй. Так себе. Не чета первому. Но все-таки Храм».

Конечно, такая манера помогает снять традиционный глянец, да и с юмором у авторов все в порядке («Моисей искренне признался, что с этими людьми ему стыдно появляться на улицах Тель-Авива»), но раскованность не отменяет доказательности, иначе как не впасть в новое мифотворчество? «Пару слов о “великих вождах Меа Шеарим”. Только днем такие? Но спустится ночь... Проступят на них мудрость, понимание и доброта».

Многое прояснится, если сравнить этот фрагмент с фильмом Губермана о Меа Шеарим, выложенным в Интернете. Прохаживаясь — не скованно, но сдержанно — по улочкам этого музея под открытым небом, старается он найти ответ на вопрос: в чем секрет этой странной жизни? Решение загадки, взвешенное и точное, приходит из бесед с этими чудаками. Спонтанность не освобождает от культурной памяти, но обостряет мысль: я другой, я русский еврей, воспитан сомневающимся, а они во всем уверены. В книге же байки и сленг, выпивки-шутки вступают в противоречие с изначальной серьезностью авторского задания.

Губерман и Окунь неоднократно подчеркивают, что неповторимость Страны требует не поездки-путешествия, а проживания. Но, как написал по прочтении один из читателей-рецензентов, «ехать-то все-таки для чего?» Авторам скучно внутри жанровой прагматики, они то и дело норовят сбежать на вольные луга. Впрочем, из-за спин гуляющих или сидящих за выпивкой друзей время от времени все же «выглядывает» гид-зануда, призывающий: надо посмотреть «Яд ва-Шем», нужно побывать здесь, не упустите, разглядите — разглядели? Так знайте: это случилось вот тут. Оно и понятно: без гения места нет путевых заметок, тем более когда речь идет об Израиле. *יָדֵינוּ יְרוֹדֵינוּ*

ТЫ ЕЩЕ КРЕПОК, СТАРИК LEO GURSKU *НИКОЛЬ КРАУСС; ХРОНИКИ ЛЮБВИ*

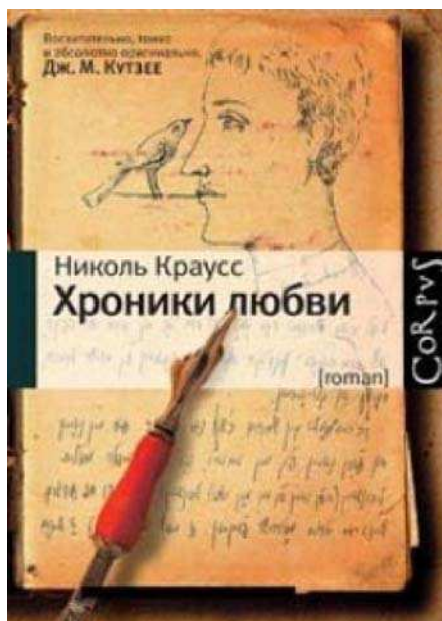
Астрель, Corpus, 2011.

пер. с англ. М. Синельниковой, С. Окладниковой

Лев Гурский

«Мир рухнул. Ни один еврей не мог чувствовать себя в безопасности. Ходили слухи о кошмарных вещах, настолько кошмарных, что мы не могли в них поверить, пока у нас уже не осталось выбора и не стало слишком поздно...»

Лео Гурски, главный герой романа Николь Краусс (жены популярного в России американского прозаика Джонатана Сафрана Фоера), родился в маленьком белорусском городке под названием Слоним, и у него была большая, веселая и шумная родня. До лета 1941 года. Тем летом «айнзатцгруппы продвигались вглубь в восточном направлении, убивая сотни тысяч евреев. Светлым жарким июльским днем они вошли в Слоним». Лео сумел спастись, но своих близких он потерял. После войны ему удалось уехать в Америку, куда еще раньше эмигрировала его любимая женщина. Но когда они увиделись вновь, оказалось, что любимая не дождалась его и вышла замуж за другого. И сын Лео, Исаак, носит фамилию отчима, даже не подозревая, кто его настоящий отец.

Теперь Лео живет в своей маленькой нью-йоркской квартире. Он дряхл. Ему за 80. Он одинок. Он боится умереть внезапно, в пустой комнатухе, и старается как можно больше времени проводить на людях. Он покупает гамбургеры, которые ему не нужны, он подрабатывает натурщиком, хотя при своих скромных запросах особенно не нуждается в деньгах. Когда-то, в прошлой жизни, он мечтал посвятить свою судьбу литературе («я хотел описать мир, потому что жить в неопisanном мире было слишком одиноко»). В молодости он даже написал на идише несколько романов. Однако в Америке Гурски стал слесарем — специалистом по дверным замкам. Единственным смыслом жизни для старика Лео оказывается сын Исаак, ставший писателем. Гурски наблюдает за ним тайком, не решаясь признаться в своем отцовстве даже после смерти его матери и отчима...

Но Гурски — не единственный главный герой романа Краусс.

В том же Нью-Йорке, где доживает свой век Лео, живет с мамой и младшим братом Альма Зингер. Ее назвали в честь героини книги «Хроники любви», написанной неким Цви Литвиновым. Цви, спасаясь от гитлеровцев, перебрался из Белоруссии в Чили, где издал этот роман на испанском и умер, ничего больше не создав.

Однажды мать Альмы, Шарлотта, получает письмо от загадочного мецената, который так хочет прочесть англоязычную версию книги Литвинова, что просит Шарлотту за большой гонорар заняться переводом. Альма тайком берет у матери готовые страницы рукописи, читает их и пытается узнать побольше об авторе. Однако поиски приводят героиню к неожиданным открытиям...

До поры до времени обе сюжетные линии существуют параллельно, как бы не пересекаясь, но читатель понимает, что скрещения судеб неизбежны. И точно! Уже к середине книги выясняется: Альмой звали ту девушку, ради которой много лет назад Гурски приехал в Нью-Йорк. И именно это имя оставил в неприкосновенности Литвинов, когда менял в рукописи Гурски (полученной от автора с просьбой уберечь) белорусские реалии на чилийские. При этом Литвинов — вовсе не банальный плагиатор, ибо присвоил роман друга не корысти ради, а лишь для того, чтобы произвести впечатление на свою невесту, и издал под своим именем, будучи уверен, что Лео давно нет в живых. Вдобавок ко всему Литвинов сознательно наметнул на приоритет Гурски, дописав еще одну страницу, где его друг возникает уже как персонаж романа...

Если судить о книге по этому краткому пересказу, можно сделать неверный вывод, будто перед нами — всего лишь замысловатое постмодернистское полотно, прихотливая игра, где текст романа Гурски «Хроники любви» существует внутри текста романа Краусс с тем же названием и где автор получает статус персонажа, персонаж выбивается в писатели, маска обретает лицо, допельгангер пытается занять место протагониста и т. п. Все перечисленное в книге действительно присутствует, однако, по счастью, на периферии повествования. А центральной остается заглавная тема любви, над которой не властны ни время, ни расстояния, ни роковые стечения обстоятельств, так что Орфей непременно найдет свою Эвридику, как бы ни старались внешние силы разорвать невидимые нити, соединяющие людей. Краусс — не фокусник-экспериментатор, но лирик и мистик. Недаром функцию демиурга, соединяющего судьбы, берет на себя совсем юный персонаж, искренне считающий себя ламедвовником — то есть, согласно еврейской мистической традиции, скрытым праведником.

Думается, что если бы лирическая тема была тут приглушена, если бы роман не соответствовал своему названию, едва ли знаменитый режиссер Альфонсо Куарон (постановщик не только одной из лент «поттеровской» серии, но и нескольких артхаусных картин) взялся за экранизацию книги Краусс. Кстати, очень любопытно: кто из актеров получит в этом фильме главную мужскую роль? Если бы кастингом занимался автор этих строк, он бы выбирал между Аль Пачино и сэром Энтони Хопкинсом. Право же, оба они вполне подходят на роль Лео. Хотя не исключено, что режиссер все же доверит роль Гурски сэру Майклу Кейну, который уже играл возрастного персонажа в картине «Дитя человеческое». Поживем — увидим.

23 мая

ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2011 СИВАН 5771 – 6(230)
КАРЕ ЯГНЕНКА

Оксана Алексеева

Как тепло говорила бабушка: «Шабатні вечер». Особенно душевно слова ее звучали в летнее время, когда за окном не «пушкинская» метель, не январское чернило, а мягкий июньский вечер: в доме пляшут огоньки свечей, разливается запах благословенных хал и мяса. Кстати, о мясе. Кому птички с фруктами, а кому баран. К летнему шабатному вечеру предлагаем сделать каре ягненка. Летом мясо получается особенно «пастушечьим», «натуральным»; выглядит аппетитно и празднично, а в приготовлении совсем несложно, что, согласитесь, немаловажно.

А почему, кстати, «каре»? Слово будто бы не совсем кулинарное. Название «каре» происходит от французского слова «carreau» — «квадрат», которое стало использоваться для обозначения чего-либо, имеющего квадратную форму или состоящего из четырех равных компонентов. Военное построение на плацу — каре, комбинация игральных карт, квадратная «косынка», — каре; стрижка с четкими лаконичными линиями — тоже каре; и блюдо каре — условно квадратная вырезка на ребрах.

Обычно каре готовят из ягнятины, молодой баранины, мягкое и сочное мясо которой прекрасно подходит для этого блюда. Есть, правда, и любители каре из говядины, но такое угощение уже для неумолимых сибаритов. Ягненком, к слову, считается животное в возрасте не старше одного года. Потом мясо молодого барашка становится менее нежным и более плотным.

Блюдо из ребрышек — это самое то, поскольку, как вы помните, мы, согласно условиям кашрута, никогда не готовим еду из задней части животного, только из передней, где мясо к тому же более «чистое» и нежное.

Но сначала по всем правилам должна быть совершена шхита (забой животного). Шохет совершает шхиту так же, как он делал это несколько веков и тысячелетий назад... Он — хранитель традиции, почти не измененной цивилизацией, важной и актуальной. Прочитав полагающуюся молитву, он тщательно осматривает животное, здорово ли, не было ли ранено. Если на животном нет изъянов, шохет берет свой нож, острый и гладкий как лезвие, лишенный малейшей зазубрины, нож, который сравнивают со стрелой, и уверенной рукой, одним отточенным движением перерезает трахею и пищевод животного. Когда туша обескровлена, шохет делает небольшой разрез в области груди и рукой обследует, не было ли внутренних заболеваний, — многовековое «мануальное сканирование». Осталось только менакеру удалить нутряной жир, крупные сосуды и седалищный нерв.

Теперь кусочки парного ягненка разбирают хозяйки, смотря кому какой нужен, и приступают к таинству.

Опыт приготовления мяса барашка, надо сказать, накоплен немалый, шутка ли: еще в VIII веке до н. э. барана или овцу называли ценным домашним животным. Приручить овец было несложно: они, как подтверждают ученые, с легкостью одомашниваются, и весьма полезно: баранина — замечательная еда, а одежда из овечьей шкуры и шерсти укрывает буквально «от гребенок до пят» в любой холод. К тому же овцы очень здоровые животные, они крайне редко болеют.

Человек наделил барана символическим значением: ягненок, овца, баран и даже разные части барана символизируют богатство, силу и успех, отвагу и смелость, трусость, тупость и упрямство, а иногда и невинность. Баран и овца используются в качестве символов в Пятикнижии, и если баран обозначает правителя, царя, то овцы — народ, паства.

В Древнем Египте существовал культ барана; голова барана, как символ богатства, изображалась на античных монетах Малой Азии; с древнегреческих времен золотое руно (шкура барана с головой) символизирует несметные богатства и нечто недостижимое. Есть, кстати, научное мнение о том, что этот миф поэтично изображает возможное реальное событие: поход греков за ценными тонкорунными овцами, которых у них не было.

В Бургундии в первой половине XV века была учреждена одна из почетнейших наград — орден Золотого руна, который вручался представителям благородных сословий за героизм, проявленный в

сражениях. Впоследствии орден стал наградой в Австрии и Испании и просуществовал вплоть до начала XX века.

В некоторых легендах и поверьях баран обладал человеческими чертами, его представляли в виде оборотня. Эта идея нашла отражение в «Мелком бесе» Федора Сологуба, где учителю Передонову чудится, что его друг на самом деле баран, которого превратили в человека.

Но, невзирая на все легенды, культы и награды, барана и овцу в пословицах и поговорках, загадках и сказках разных народов часто упоминают в уничижительном смысле: он — упрямый и тупой, она — глупая, бестолковая и наивная. Возможно, объяснение столь неоднозначному отношению человека к барану можно найти у знатока жизни животных Альфреда Брэма. Он описывает различия в поведении барана дикого и одомашненного: «Дикий баран проворен, резв, ловок, смел, умен и задорен; напротив, домашний представляет глуповатое создание, трусливо убегающее от последней шавки <...> не обращая внимания, свалится ли оно в бездонную пропасть или шумный поток». В общем, домашние пугливы и безразличны ко всему, даже к своим детенышам, а дикие отнюдь не лишены смекалки и решимости.

Однако вернемся к нашим баранам, точнее, бараньим ребрышкам. И пусть в деле их приготовления у нас не будет никаких помех, даже таких, о которых вспоминал Сергей Есенин: «Не хочу баранины, / Потому что раненый, / Прямо в сердце раненный / Хозяйкою баранины!»

ÈÀÐÁ ÐÁÍÁÍÈÀ

ÌÒ ÐÁÔ-ÈÍÍ ÑÕËÛÒÁÍ ÒÀ ÐÁÑÒÌ ÐÁÍÁ «ÈÍÁ» ÁÁÁÁÍ ÈÐ ÁÁÁÍÁÍÈÍ

Для 1-й порции: 200–250 г мяса ягненка на ребрышках, каре ягненка; 10 г крупной морской соли; 10 мл растительного масла; 7–8 ягод можжевельника (свежих или сушеных); 1 веточка розмарина; 3 горошины черного перца; 1/2 листа (квадратного) мацы; 10 г кедровых орешков; 1 яйцо; 15–20 шт. помидоров-черри; 3–4 листика шалфея; 5 шт. клубники; 50 г (около 3 ст. л.) сахарной пудры; 100 мл красного сухого вина; 4 перышка лука-порея; 10 шт. чернослива; по горсти светлого и темного изюма.

Берем мясо ягненка на косточках, моем и очищаем от пленок и жилок, тщательно натираем морской солью, кладем в миску и плотно накрываем крышкой или пищевой пленкой и убираем на 4 часа в холодильник. Затем удаляем лишнюю соль: она очистила мясо, а мясо, в свою очередь, впитало в себя соли ровно столько, сколько ему требуется. После такой обработки солить больше не надо.

Делаем панировку для мяса: 5 можжевеловых ягод, веточку розмарина (отделив от нее 3–4 листика, они нам пригодятся позже), черный перец, кедровые орехи и мацу измельчаем в ступке в крупный порошок (до консистенции сахарного песка). Взбиваем яичный желток. Взяв за косточки каре ягненка, опускаем его сначала в желток, затем в приготовленную панировку, еще раз в желток и снова в панировку и сразу же кладем мясо на сковороду с раскаленным маслом и обжариваем его. Переворачивать мясо не надо, оно должно лежать на сковороде «косточками вверх». Подгореть не успеет, его защищает панировка. Входящие в ее состав розмарин и можжевельник добавят мясу приятный хвойный оттенок, а зольные вещества, которые образуются в результате обжарки, придадут легкий привкус горелости, «дымка». Жарим недолго, 5–7 минут. Затем перекладываем каре на противень, покрытый листом пергаменты, обматываем каждую мясную косточку перышком лука-порея — для красоты — и отправляем мясо в духовку, разогретую до 180 °С на 10–15 минут. За 5 минут до готовности открываем духовку и кладем рядом с мясом свежие помидоры.

Тем временем готовим соус к мясу: на сухой раскаленной сковороде кристаллизуем до светло-коричневого цвета сахарную пудру, добавляем пару листочков шалфея и несколько (отложенных ранее) листиков розмарина, кладем две молотые ягоды можжевельника и вливаем красное вино, смесь постоянно помешиваем. Выпариваем соус до тех пор, пока он не станет густым, плотным, мармеладной консистенции и по цвету красновато-бурым или темно-коричневым (в зависимости от цвета выбранного вина).

И еще делаем сладкий гарнир: чернослив, оба вида изюма, порезанную кубиками клубнику и измельченный лук-порей кладем на дно раскаленного сотейника, помешивая, томим в течение 5 минут. За это время все компоненты пропитаются ароматами и соками.

Достаем мясо из духовки, удаляем корочку-панировку, кладем каре на блюдо, вокруг выкладываем помидоры и сладкий гарнир. Ставим рядом соусник с соусом и украшаем каре ягненка

клубникой, листиками шалфея, сахарной пудрой и кедровыми орешками. И подаем к столу вкусное и радующее глаз каре ягненка.

Флейшман указывал, в частности, что, когда Пастернак в 1922 году женился на Евгении Лурье, он «отказался от хупы, на которой настаивала теща», но «согласился зарегистрировать брак у раввина (несмотря на то, что в первые годы после революции регистрация брака была необязательна)». А в 2009 году в издательстве Стенфордского университета вышла книга Флейшмана «Встреча русской эмиграции с “Доктором Живаго”», где этот аспект вкупе с реакцией на роман еврейской аудитории, пожалуй, впервые описан неожиданно объемно как равноправный элемент рецепции «Доктора Живаго» в мире.

Почти одновременно с этой монографией в сборнике к 65-летию ее автора [1] Е.Б.Пастернак, Е.В.Пастернак, К.М.Поливанов и М.А.Рашковская опубликовали письма друга Пастернака литератора Сергея Боброва сыну поэта (1964) и его сестрам (1967). Стоит напомнить, что Бобров не был особым семитофилом. А в его записях сохранились сведения, что участники кружка, куда в юности входили оба поэта, издевались над языком Пастернака, напоминая им «жаргон», т.е. идиш (он же язык «приемных покоев больниц») [2].

В письме Е.Б.Пастернаку Бобров раздраженно откликается на эту историю:

Nai ay i addiaay ae-u — yoi aeoi ai ueay aaiy i «oaei i edai ae» Aide!! Yoe nraçt-ee i faei dafneayaaou oieuei dai ebyi, eioidua i eoeaei i oaaai i o fau-aa e oiiaa (e çaei i i i efaiee maadoai i i oeeaeiu uo) dafneia oadneta i daai neaay. Edai ae — yoi iaoya, aiteia oi-ia emieiaiey, naya i ue n eçai i ue e çaeiey i a oioiduo eteao oadneta, eioidua a i i eiey e a oadneta dume oieu maadoai i i oeeaeiu uo oiiaaeieo (çaa a iaoya maadoao ia faei i i, i i n ide-oi, n ai m deai i eai e (edai i ue i ooi e e i adai y i e), eioidua jaeypoiy eçai i ue maadoay i e edai ae e i oia-ayoiy maadoai i i oioida (n deaieai eia, «oeeoey i ue maioiee» e id). Ie faei i i i a I neai (noieeoa) ie ça eaeaa aai ue ia noae au edai eou aadneta i aeueeaa, eai eçyoi a i ia au aieoe maadoai i i aiaaei çie ue neiaae, a i aieui oi oy au dai u yoi a neoa ai aiaoi e aeeyoaeiu i i neiaieie aadnetae faueiu. Deieiaou aia eaduaie eç-ça oaeie i dai aeai te n oiiaaeie oi-ee çai ey aiaai ee i eeo i a noae au.

Публикаторы предпринимают попытку спасти ситуацию:

O oadnetae aia e a ia oia i aiaoi e e aeeyoaeiu i neiaieie aadnetae faueia a ia-aea 1890-o aia ia iaeioaeoi i. Eae daç ia 1891-92 aa i deoi ayoiy dai dafneai ua i adu, ei eoeoiaai i ua i neiaieie au aadnetaioioi aeeeei ei çai Nadai Aaeiaia oia e-ai. Eç i neai auee a i ueai ue aieaa 20 oiuy- aadneta çaeioa oieuei oi i i noia i ay oi daeu ay neiaaa, auee eç i aia u i daeaa i oiaaeai ey ay i i fae eadnetae aadnetae i aieaeiey, a daçyuaoa a-aa oiuy-e ebaie i noaeiu aç edia e niaioa e niaioaiaiep, a aayoe i i aeae io oiiaa

Неясно, какое отношение все эти вполне верные сведения имеют к верхушке московской общины — а именно к ней относились семья Леонида Пастернака, которому разрешили без крещения стать профессором Московского училища живописи, ваяния и зодчества, и весь его круг. Но авторы продолжают:

Niaioai i, Aiaoi a yoi i i eiu a nai e fauyiyao, i i-ai o edai ae i fae au ou oieuei oaei i. I aiaoi ae aue edai ae ia a eçai i i aiaioai i i daai neaay, a oaei aç aiyeeo çaeiee (-oi i i çea ide maioieie aeand e noae i i noiy i i e i daeoeiee), aieaa oia, maadoeou edai ae i fae a eiep-eeoaeiu uo iaioiy oaeiu oaa e iedyiee — a eia i i oaeiaie i aioiy oaeiu oaa i fae i daioaay oiuy i y i a Aieia

Логика здесь такая: русская няня так сочувствовала высылаемым евреям и так была потрясена закрытием Хоральной синагоги, что тайно (будучи мирялкой, да к тому же женщиной!) крестила мальчика из вполне благополучной профессорской семьи. Нам кажется, что в 1891–1892 годах тех проблем, которые решали молодые люди (а не младенцы) 1950–1970-х годов (а многих из них, по словам публикаторов, в церковь привел именно пастернаковский роман), еще не было...

Что же касается сестер Пастернака (кстати, близких христианству), то они явно испытывали неудобство. Жозефина Пастернак в ответе Боброву писала:

I i i p, i y i y i de i i nee a i ai i o i n e o u e ç o a d e a e, i i i p y o i, — y a i a a i i n o a e e, i i a i d e o e a e ç o a d e a e, a a o i i a i n y u a i i u e e u m - a e. E e i i a - i i, i i i a a d a e a i a n a o a d e i a i — a P o e i a i i i a a, o y a i n n i j m e o e i e. I i e d a i o e o u « o a e i i »? A i a y o i e E e a i - e a e e i i a e a e a o i y n o d a i i u i,

Еще один важный документ, связанный с обсуждаемой темой, приводит в своей книге «Отмытый роман Пастернака: “Доктор Живаго” между КГБ и ЦРУ» (М., 2009) Иван Толстой. Речь о письме «информатора» Г. Струве — книготорговца из Нью-Йорка Г. Лунца от 30 апреля 1958 года: «Слухи о том, что он [роман] печатается по-русски в Голландии, как видно, неверны. <...> В еврейской жаргонной здешней газете <...> печатается, мне говорили, уже в течение 12 номеров довольно подробный пересказ романа, как видно взятый из итальянского текста» (речь вновь о «Форвертс»). А полный перевод «Доктора» на идиш с русского оригинала вышел в Тель-Авиве в 1959 году; на обложке Пастернак, по выражению Михаила Вайскопфа, изображен в виде образцового «халуца» — пионера освоения Палестины (книга эта, судя по всему, дошла до поэта). В Израиле и практически по всему еврейскому миру печатались переводы отрывков из романа, обсуждались проблемы перевода Пастернака на идиш и сравнивались переводы «Доктора» на идиш и иврит (с предпочтением идишского — причем даже в ивритской прессе) и т.д. Более того, в Буэнос-Айресе в том же 1959 году вышла целая книга на идише Я. Ботошанского о романе и его еврейской проблематике. Однако весь идишский контекст этой полемики пока не привлек к себе серьезного исследовательского внимания. История еврейских споров о «Докторе Живаго» еще не написана.

[1]. *Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана. М.: Водолей, 2010.*

[2]. *См.: Кобринский А. Дуэльные истории Серебряного века: дуэли поэтов как факт литературной жизни. СПб.: Вита Нова, 2007.*

[3]. *Мы специально обсуждаем эти проблемы в статье: Поколения Пастернаков // Поколения в славянской и еврейской культурах. М., 2010.*

ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2011 СИВАН 5771 – 6(230)

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

КНИГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

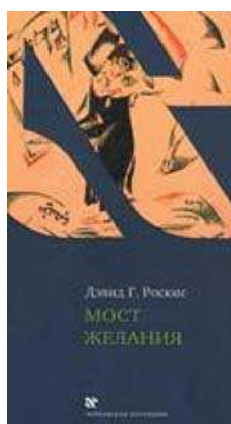
ДЭВИД Г. РОСКИС

МОСТ ЖЕЛАНИЯ.

УТРАЧЕННОЕ ИСКУССТВО ИДИШСКОГО РАССКАЗА

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО Л. ЧЕРНИНОЙ

М.: ТЕКСТ; КНИЖНИКИ, 2010. — 685 с. (СЕРИЯ «ЧЕЙСОВСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ»)

ЗОЛОТАЯ ЦЕПЬ

Монография профессора Дэвида Роскиса — одна из основополагающих книг для теории еврейской литературы. Разумеется, можно возразить, что теории одной национальной литературы не существует, а есть единая теория словесного искусства всех времен и народов. Однако применительно к еврейской литературе такой подход не срабатывает.

Идея мировой литературы Гете или мировой истории Гердера исходит из существования единого механизма развития всех культур, неизменно начинающихся с «золотого века» (например, античности). Но ведь еврейская культура пережила как минимум два «золотых века». Трудно не счесть таковым время создания Торы. Однако немецкая «наука о еврействе» нашла и другой «золотой век» — средневековое испано-еврейское возрождение.

Тема же труда Роскиса — «золотой век номер три». Начало расцвета «искусства идишского рассказа» (в точном переводе скорее «искусства рассказывания историй») приходится на эпоху рабби Нахмана из Брацлава, то есть не два с половиной тысячелетия тому и даже не восемь-девять веков, а примерно 250 лет назад. И если еврейский автор XXI века задумает вернуться в лоно специфически еврейского повествования, то промежуточными «станциями» на его пути окажутся Башевис Зингер, Ицик Мангер, Лейбуш Перец, Шолом-Алейхем, а конечной точкой неизбежно станут хасидские сказки середины XVIII столетия.

Кстати, сказочки эти не так уж просты. Рабби Нахмана невозможно понять хотя бы без «Кузари» Йеуды Галеви из второго еврейского «золотого века», а того — без Торы. Все это в совокупности и образует ту «ди голдене кейт» — золотую цепь (так назывался журнал великого Суцкевера, выходивший в Израиле), которой и является история еврейской литературы на любых языках.

В книге Роскиса упомянуто множество сочинений, пока недоступных русскоязычному читателю. Однако при нынешнем половодье разного качества переводов из Башевиса Зингера любой может ощутить всю трудность положения автора, который вынужден сокращать слишком иудейские или, напротив, слишком критические по отношению к соплеменникам главы, а свой английский приспособлять к протестантско-либеральной традиции. Тогда и встретится нам «канцлер синагоги» или что-то подобное. И это не просто процесс «одевания» идишской — хасидской по своим истокам — наррации в удобоваримую для современного мира форму. Речь о воздействии на рассказчика историй христианской культуры, пытающейся политкорректно инкорпорировать вчерашний еврейский антимир (едва ли не сатанизм) в свой истеблишмент.

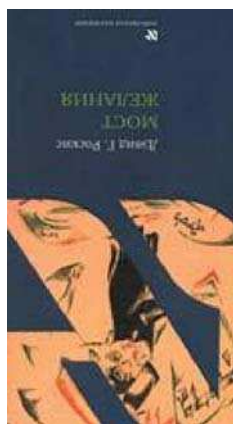
Здесь хотелось бы коснуться оформления книги. В привычной серийной букве «алеф» легко узнается иллюстрация Эля Лисицкого — Хад Гадья, трагическая козочка за два зуза из песенки на Песах. Разумеется, можно прочесть книгу Роскиса и через эту призму. Однако у того же Лисицкого есть иллюстрация к детской книжке Мани Лейба, где колоритный еврей стоит одной ногой на правом берегу реки, а другой — на левом. Справа мы видим церковь, а слева — знаменитую могилевскую синагогу, символ еврейского авангарда. Между ног еврея — мост. Вот выбор, который встает перед еврейским писателем во все времена: идти по мосту с правого берега на левый или же наоборот...

Удовольствие от чтения книги Роскиса не смог затмить даже торопливый выпад главного редактора питерского бюллетеня «Народ книги в мире книг» Александра Френкеля, который написал о «вязком, неуклюжем, неряшливом тексте» русского перевода монографии: это, мол, «почти подстрочник, пестрящий грамматическими, стилистическими и фактическими ошибками». В качестве иллюстрации приводится следующий пример: «Английский детский стишок про легендарного короля Коля, полюбившийся российской детворе в классическом переводе Маршака <...>, представлен в этой книге по-новому, прямо скажем — неожиданно: “Старый король Капуста был веселый старичок”. А написал, оказывается, этот фольклорный стишок, известный в Британии еще с начала XVIII века, не кто иной, как... еврейский поэт первой половины XX века Мойше Надир».

Не хочется объяснять раздраженному критику, что и в России было такое явление: «склонение на русския нравы». Это закономерный этап развития любой литературы. Для идишского читателя существует поэзия именно на этом языке, и для любителя «Бобэ Майсэс» нет лубочного Бовы Королевича. А на вопрос, надо ли пояснять, что «чипитто и чиполло» у Джанни Родари — это «огородный лук», каждый переводчик отвечает по-своему.

Что же до Маршака, то подобные отзывы вызывают в памяти другой его стишок: «Где ты была сегодня, киска? / У королевы у английской. / Что ты видала при дворе? / Видала мышку на ковре».

עאלע עאָען

МОСТ, КОТОРЫЙ РУХНУЛ

Пазл, который называется «литература на идише», хуже ли, лучше ли, но начинает складываться в пространстве русского языка. Шолом-Алейхем и И.-Л. Перец (последний с досадными

лакунами) присутствовали в русских переводах «всегда». Башевис появился лет двадцать назад и на сегодня издан чуть ли не «весь». В последние годы переведены рабби Нахман из Брацлава, Ицик Мангер, Дер Нистер.

Именно эта частичная «полнота» вызывает потребность в итоговой монографии, которая должна представить литературу на идише как целое. Такой потребности, даже «вызову», ответила в свое время работа Дэвида Роскиса «A Bridge of Longing» (1995). Сразу скажу, что эта книга превосходна. Ее достоинства не исчерпываются блестящей эрудицией автора, единством взгляда на развитие литературы на идише и ее подробным анализом в широком историко-литературном контексте. Роскис принадлежит к той породе филологов, чьи научные тексты сами по себе представляют образец изящной словесности. Настоятельно рекомендую его монографию всем, кто интересуется еврейской культурой и читает по-английски.

Казалось бы, замечание про «читает по-английски» можно снять — теперь работа Роскиса издана и по-русски. Увы, существующий «перевод» только делает вид, что он — перевод. И, более того, до известной степени закрывает возможность появления настоящего перевода. То есть, как всегда, плохая книга является величиной не нулевой, а отрицательной.

Собственно, смысл моей рецензии состоит в том, чтобы объяснить читателю, почему не нужно читать русское издание «Моста желания». Причин на то две: 1) перевод изобилует ошибками; 2) русский язык перевода плох до полной непонятности. Вот несколько выбранных наудачу примеров.

А вот «Дер ребе Элимейлех» с его хасидскими скрипками, цимбалами и барабанами — это правильное переложение на идиш песни «Старый король Капуста был веселый старичок» Мойше Надира.

Здесь однозначно говорится, что старинную английскую народную песенку «Old King Cole» написал еврейский американский поэт Мойше Надир. Естественно, в оригинале сказано прямо противоположное: песня Надира «Дер ребе Элимейлех» — это переложение на идиш «Old King Cole». Кроме того, я не понимаю, как переводчику пришло в голову перевести кельтское имя фольклорного короля Коля словом «капуста». Действительно, Kohl по-немецки — «капуста». Но при чем тут немецкий? Дело усугубляется тем, что каждый ребенок в России знает «Старый дедушка Коль / Был веселый король» в переводе С.Я. Маршака.

То же произошло и с целеустремленным молодым литератором по имени Шлойме Рабинович из большого города Киева, который превратился в «Шолом-Алейхема», еще вполне не понимая, что назвал себя «господином Здравствуйте».

Здесь прямо сказано, что Шолом-Алейхем настолько скверно знал идиш, что не понимал, что значит его собственный псевдоним. В оригинале же написано: «before fully realizing what it would mean to become “Mr. How-Do-You-Do”» («еще до того, как вполне осознал, что значит стать “господином Здравствуйте”»). И кстати: почему «Шлойме»? Шолом-Алейхема на самом деле звали Шолом Рабинович. У Роскиса сказано «Соломон Рабинович» (так Шолом-Алейхем подписывал свои письма на русском языке), но при изготовлении русского перевода «Соломона» зачем-то перевели на идиш, и получилась ерунда.

Есть ошибки какие-то уж вовсе необъяснимые, например:

В возрасте двадцати одного года Шолом-Алейхем представил то, что провозгласил первым самобытным еврейским романом.

Речь о «Степеню», написанном и опубликованном в 1888 году, когда писателю было 29 лет. Может, Роскис что-то перепутал? Так ведь нет, в оригинале четко написано: «At age twenty-nine...»

Примеры такого рода можно множить и множить, я выбрал первые попавшиеся.

Даже там, где прямой ошибки нет, раздражает неточный, смазанный выбор слов. А тяжелый, местами темный до полной непонятности, синтаксис русского перевода делает «Мост желания» просто неудобочитаемой книгой. Например:

Эта песня была на пике популярности в Польше, когда звезды сцены со Второй авеню привезли ее из Нью-Йорка в начале двадцатых годов.

Куда привезли песню (речь все о том же «Элимейлехе»)? Из Нью-Йорка в Варшаву, где она и так была на пике популярности? Зачем же было привозить?

Когда современные евреи пытаются провозгласить какие-то ценности, почерпнутые из утерянных книг своей культуры, они болезненно осознают это.

Что это? Что эта фраза, ради Б-га, значит?

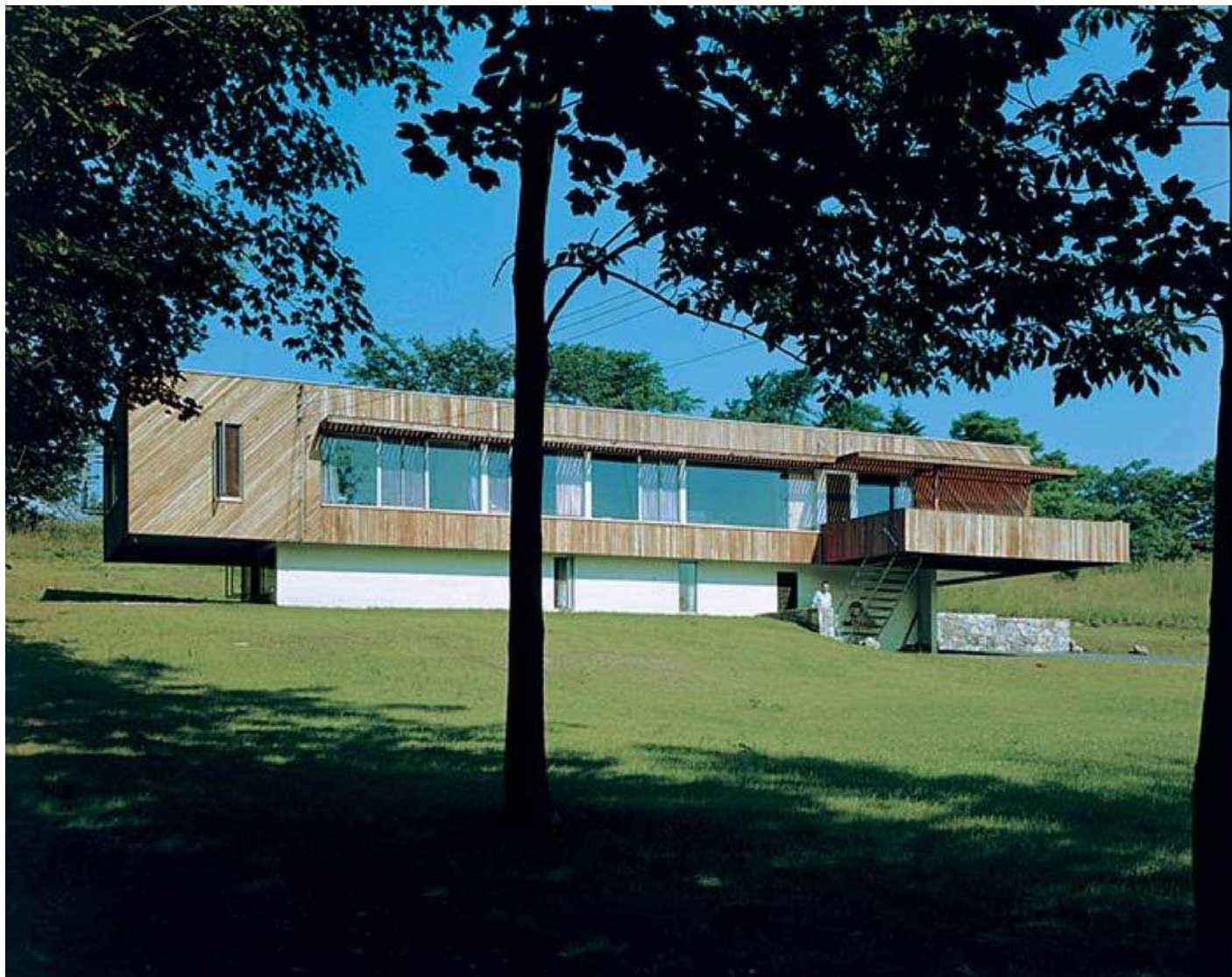
Таких нелепых, непонятных предложений — множество. Но и понятные не радуют: синтаксис искусственный, механически калькирующий английский оригинал. Закрадывается ощущение, что перед нами слегка приглаженный машинный перевод.

У книги пять всевозможных редакторов: М. Яглом (общий), М. Гутгарц (ответственный), В. Чернин (научный), а также Ш. Аксенфельд и К. Ключников. Плюс координатор Р. Школьник. Чем они вшестером занимались, для меня загадка. Самое неприятное, что среди этих ответственных и научных есть люди с заслуженной литературной и академической репутацией. Если исключить маловероятное предположение, что все редакторы разом заболели, то придется признать, что ни один из них рукопись перевода в руки не брал. Ответственный, видимо, надеялся на общего, общий — на научного или наоборот. Непонятно даже, где была корректор Т. Калинина: в книге есть места, где прилагательное и существительное не согласованы в падеже, и т.п. Вот уж действительно: у семи нянек...

Русский перевод «A Bridge of Longing» в том виде, в каком он существует сегодня, не просто плохая книга — это вредная книга, отвращающая читателя от желания иметь дело с литературой на идише. Это «Мост желания», который рухнул.

Ààèàèé Àùì øèö

В 18 лет он получил стипендию в венской Академии художеств, но продержался там несколько недель. По совету знакомого Бройер отправляется учиться новому дизайну в недавно открывшийся в Веймаре Баухауз. Отучившись на столяра, в 22 года он возглавляет мебельную мастерскую, создает множество образцов авангардной мебели и скоро получает заказ на мебель для нового здания Баухауза в Дессау. Трудно переоценить произошедшее: комплекс в Дессау стал визитной карточкой всего движения, важнейшую роль в его оформлении поручили молодому Бройеру. К тому же в 1924 году Баухауз впервые участвовал в Лейпцигской ярмарке, важнейшей в ту пору для создателей интерьеров. Такое доверие молодым возможно лишь в революционные времена — а 1920-е в истории искусства были годами революций, прорыва и утопии одновременно (и неизвестно еще, можно ли отделить одно от другого: чем жив прорыв, если не утопией?).

Бройер-хаус II. Проект Марселя Бройера: частный дом в Новом Ханаане, Коннектикут. 1947–1948 годы. Архив американского искусства, Вашингтон

Еще недавно Бройер как архитектор был мало кому в Европе известен. Он строил по всему свету, от Аргентины до Австралии, сюда же можно включить и Тель-Авив, во многом построенный его учениками из Баухауса. Но большая часть его творений находится в Северной Америке. В отличие от Ричарда Нойтра, проведшего последние годы жизни в Старом Свете и много здесь создавшего (кстати, этому периоду творчества Нойтра посвящена сейчас выставка во франкфуртском Музее архитектуры), Бройер в Европу не вернулся. Архив он передал Сиракузскому университету, позднее его вдова подарила многие материалы Архиву американского искусства в Вашингтоне, известному как Смитсоновский институт. Так что в Европе долгое время говорили о Бройере как о дизайнера, авторе деревянных стульев и мебели из металлических трубок, таких шедевров, как клубное кресло «Василий» (модель В3) (в честь

Кандинского оно было названо не в момент создания, но уже в 1960-х, когда авторские права на него выкупила итальянская фирма «Gavina», вновь выпустившая кресло на массовый рынок) и стул «Cesca», названный в честь дочери. Многие его модели 1920-х производят и сегодня, их влияние на мировой дизайн XX века трудно переоценить. На проходящей сейчас в парижском Пти-Пале выставке Шарлоты Перриан, жены Ле Корбюзье, представлена мебель ее работы. Здесь видно, насколько плодотворными были идеи Бройера, вскоре после войны не просто создавшего новый стиль, но и сумевшего совместить его с техническими возможностями и требованиями массового производства. Его стулья и кресла делались из типовых деталей, они напоминают игру в детский конструктор: дело лишь за точно выверенным набором исходного материала и авторской фантазией. Другое дело, что изначальная цель Баухауза — производить доступную мебель — словно растворилась в воздухе. Можно сохранить рекламные лозунги, предлагавшие в свое время относиться к табуретам как к «маленьким столикам для чая». Но трудно рассчитывать на дешевизну, если за реализацию твоих проектов принимаются такие гранды, как «Thonet». Наследники Бройера даже судились с известной фирмой по поводу авторских прав, и в конце 1980-х Кельнский суд принял историческое решение: указывать его имя как «автора концепции».

Υέρη ἱσφοῦν Ἰ ἀδρῆν Ἀδρῆαδᾶ Ἰ ὄσῆ ἰ δεῦρ ὀτ ἰ ἰ ἀῖε, Ἀῖτ ἰ

Если нанести на воображаемую карту все города и веси, где стоят дома Бройера, там обнаружится масса европейских названий, от Лондона до Цюриха, Парижа и Берлина. Но список архитектурных классиков не открывается Бройером, его имя если и можно в нем найти, то ближе к финалу. Дело, правда, не в количестве и тем более не в качестве построенного, но в хронологии. История принадлежит первым. Последующие уточнения редко принимаются в расчет.

Ñò óé (í íááéüü tí 1a). 1922 áã Ì óçé í ðéááü ðí íé í áááéé, Ááí à

К 1932 году, когда завершилось затянувшееся строительство первого здания по проекту Бройера, дома Харнишмахера в Висбадене, главные иконы классического модерна уже стояли как вкопанные — вилла Савой Ле Корбюзье, дома Гропиуса, барселонский павильон Миса ван дер Роэ. Последний, как и Бройер, тоже не получил специального архитектурного образования, но это не помешало его славе. Дома же, которые Бройер строил в Америке, никогда не были так же известны в Старом Свете, как его мебель или интерьеры (среди самых знаменитых — берлинская квартира Пискатора, оформленная в 1927 году). Бройера это задевало: в какой-то момент он расхотел, чтобы его воспринимали как дизайнера, — лишь как архитектора. Но до войны такое вряд ли было возможно. Наиболее интересные проекты, как социальное жилье конца 1920-х или театр в Харькове в 1931-м, так и не были реализованы. В Америке же соавтором Бройера стал сам Гропиус, предпочитавший работать на пару, тем более с бывшими учениками. Бройера он поддерживал многие годы, добился, в частности, его приема в Союз немецких архитекторов в ситуации, когда Марсель был еще «бумажным автором», без единого воплощенного проекта. В 1935-м Гропиус позвал его в Лондон: после прихода Гитлера к власти Бройер из-за своего еврейства закрыл берлинское бюро и задумался об эмиграции. Позже они вместе основали бюро в Нью-Йорке, занимавшееся частными домами. Сотрудничество продолжалось с 1938 по 1941 год и сопровождалось, судя по всему, натянутыми отношениями. Сказывались склонность Гропиуса к теоретизированию и прагматический ум Бройера. Позже они спорили об авторстве отдельных проектов, изначально подписанных именами обоих, но закрытие бюро не отразилось на дальнейшем общении. К моменту расставания Бройер был профессором Гарварда и известным автором, предпочитавшим приземистые здания из дерева и натурального камня, которые вряд ли оценили бы в нынешнем Подмосковье. Главным в них был не бойцовский дух, но интерес к пространству, к гостиным с огромными окнами, и ощущение открытости миру. Связано ли это, как пишет Йоахим Дрилер, с природой Коннектикута, где Бройер много строил? «Некоторые его дома воздействуют наверняка, словно их создали прежде всего для того, чтобы их владельцы обрели подходящую атмосферу для глубокого наслаждения Indian Summer[1].

Έλαεάε. 1920-ά π'άυ Ι όράε ι δεάάτ ότ ι έ ι άάάε, Άάτ ά

Слава не мешала входить в подробности жизни заказчика, расспрашивать его о профессии и возрасте детей: все пригодилося для работы. В итоге заказчики не хотели с ним расставаться. Одна американская поклонница предложила ему построить на своем участке дом и жить там, платя в год по десять процентов от его стоимости. Другие десятилетия спустя обращались с новым заказом — так возник второй дом для Берта Геллера и его супруги на Лонг-Айленде, второй дом для Харнишмахера в Висбадене. Доходило до смешного: Руфус и Лесли Сильманы заказали Бройеру дом, счастливо в нем жили (тот стал символом послевоенного строительства для одной семьи), затем продали дом некоему очарованному им архитектору, а сами заказали Бройеру новый проект, потом еще один. Но в итоге выкупили первый дом и вернулись туда. Стоит ли говорить, что родственники Сильманов тоже выстроились в очередь к Бройеру, в основном, правда, за коттеджами.

И даже если проект по какой-то причине не был реализован, как дом Питера Устинова в Монтрё, находились желающие реализовать подобный проект для себя.

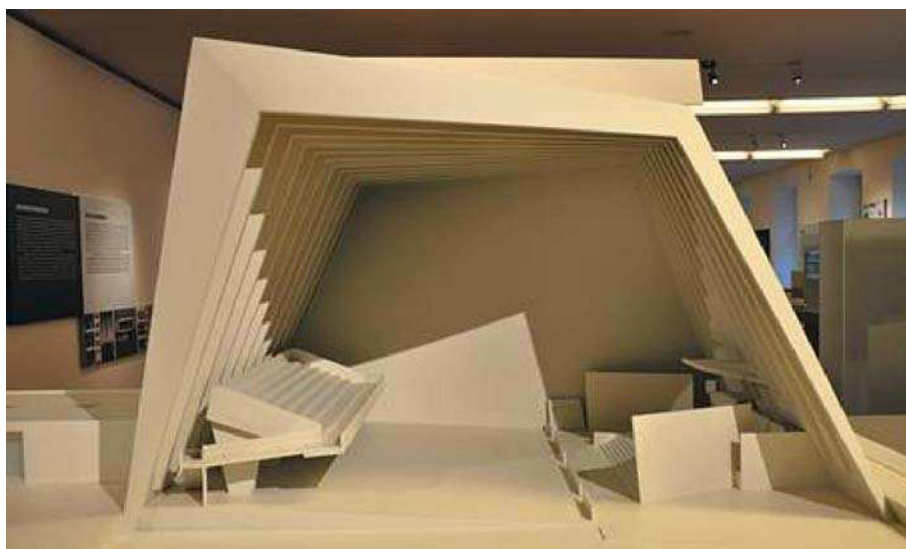

Όόάι Β'ναί Jeshurun äëý äάάέίέίέ ίάύέί ύ ά Οίόό-Όέέέç á Ι ύφ-Άεάόίε.

Νίτáι άπό ίί π'άόβέόάέόίόίι Άάάάόόίι Άάέόάάίι. 1961 π'ά

Наконец, высшую оценку его работе дали коллекционеры искусства. Этим людям обычно трудно угодить, но Бройер смог. Его дома для швейцарца Жака Коерфера в Тессине или Леви в Принстоне, штат Нью-Джерси, не были похожи на музеи, зато теперь многие музеи стремятся быть похожими на них. Владельцы понимали значение своих владений и не противились публикациям о них, оставляя в конце 1970-х на фотографиях интерьеров картины Мондриана и Леже (сегодня им уже не стоило бы так поступать).

Благодаря кубистическим формам, огромным окнам и балконам дома архитектора-самоучки стали широко известны. Бройер начал получать заказы на общественные здания, которые архитекторы считают венцом карьеры. Среди хрестоматийного — парижская штаб-квартира ЮНЕСКО, где Бройер был одним из соавторов, здания Нью-Йоркского университета, а также аббатство и Университет Св. Иоанна в Миннесоте, не говоря уже о синагоге в Скарсдейле, штат Нью-Йорк, и храме V'nai Jeshurun для еврейской общины в Шорт-Хиллз в Нью-Джерси. Музей Уитни в Нью-Йорке можно считать апофеозом его карьеры. В 1965 году, когда на строительстве побывала Жаклин Кеннеди, архитектор стал медийным героем. Единственное окно фасада, выходящего на Мэдисон-авеню, выглядит историческим, после него здание венского Музея Леопольда кажется изящной цитатой.

*Ἰ ἀεὶὸ ὀάδεαε Νά Ὀδαί ὀεῖνεά Νάεῦνεῖτᾶν (1967), Ἰ ἀεῖαῖ, ὀὸὰὸ Ἰ ε:εῖαῖ
(ῖῖαῖ ἀπὸ ἰῖ ῖῖ Ἀεῖαῖ ὀῖ Ἀεῖαῖ ὀῖ). Ἰ ὀεῖ ἰ ὀεῖαῖ ὀῖ ἰ ἰῖαε, Ἀῖ ἰ*

На венской выставке (она продлится до 7 июля) также показывают проекты монастырей и церквей, которые по-прежнему интересны, хотя любимый Бройером бетон вышел из моды. Но главными в залах остаются стулья и кресла. Сказывается, видимо, специфика музея: придворная мебель требует к себе уважения, на все заставляя смотреть с учетом ножки и спинки.

[1]. Joachim Driller. Marcel Breuer. Die Wohnhaeuser. 1923–1973. Stuttgart, 1998. S. 16.

НЕ ТОЛЬКО ПРО ЕВРЕЕВ КИНОЗАЛ; ВЕЧЕРНИЙ СЕАНС: «КОМИССАР», РЕЖИССЕР А. АСКОЛЬДОВ

Ирина Мак

«ΕΙΣ ΕΝΝΑΔ» ΔΑΞΕΝΝΑΔ: Α. ΑΝΕΙΕΥΑΙΑ ΑΑΟΙΔΟΥ ΝΟΑΙΑΔΕΒ: Α. ΑΝΕΙΕΥΑΙΑ, Α. ΑΒΙΝΝΙ ΑΙ, ΝΝΝΒ, 1967

Υοί ατέι á 1987-í. Ίτεαυάτε «Εείηαιίδαι ó», è íαδαιτέιαίαι άιá-αοέαιεγí è Ίίίία Ί íοάρείτα íαδαιέα άιόαίά íαδαιά-è Ύείηάδα Δγαι ίάι ίαοάδιάεαίε δαιέεείε: «Αύ ίά ίίίει άιόά, í ú αέά αίεε á Εαδαιέει á!» Υοίò éδεé άίεé í ίά ίίίγού έέοú οίò, έοί αέέ á ΝΝΝΒ, ες έίòίδία άίεé è άααέε, οί ίάηηά Αύδααίεά «ίίαεέοúά Εοάεεί» οίάηά άιá ίά ίαδαιέ δαοείίά ή ύηεά

Вместе с режиссером Александром Аскольдовым Мордюкова ездила в Израиль показывать их только что вышедший на мировые экраны фильм. Может быть, с ними был и Ролан Быков, во всяком случае, он был еще жив. И для него перестроечные кинооткрытия были личным праздником — и в «Комиссаре», и в «Проверке на дорогах» Германа актер фантастически сыграл. А для Мордюковой эта ее роль стала главной в карьере вовсе не потому, что после премьеры фильма Британская киноакадемия ввела ее в десятку «Лучших актрис в истории кино». Просто даже у Мордюковой по-настоящему великий фильм был всего один — «Комиссар». И чем дальше, тем очевиднее его величие, всякий раз мы замечаем в нем новые пласты, и, переставляя акценты, находим новый смысл в сюжете, который знаем наизусть.

Начало 1920-х, Гражданская война... Проходя через еврейское местечко, красные оставляют в доме Ефима Магазианика и его жены Марии своего комиссара — беременную Клавдию Вавилову, жену погибшего командира. Ей не по себе в многодетной семье, где все тихо любят друг друга. Но со временем она так проникается доверием к этим людям, что оставляет им новорожденного. Не у чужих людей, но в семье, ставшей для нее своей, которую она идет защищать.

Сценарий, написанный Аскольдовым по мотивам рассказа Василия Гроссмана «В городе Бердичеве», прочел Сергей Герасимов. Благодаря ему фильм вообще позволили снимать. Когда Герасимова не стало, на режиссера ополчились коллеги по кино. Эту историю, по словам Аскольдова, наговорил перед смертью на кассету Ролан Быков, и она стоит того, чтобы воспроизвести цитату полностью:

— Аскольдов делал эту картину поразительно одиноко, и все, кто поддерживал его, предали его, когда она вышла. И его стали бить... Нас всех били, но так жестоко не били никого. Его ведь били чиновники как своего, предавшего их клан чиновничества, этих душевателей подлинного искусства и творчества... Когда

началась перестройка, то единственный позор, который был за времена существования нового секретариата Союза кинематографистов, — это то, что новые секретари, освободившие картину за картиной, предложили ему переделки в «Комиссаре». Я не знаю человека, больше пострадавшего в нашем искусстве, чем Аскольдов.

Быков намекает на чиновничье прошлое самого Александра Аскольдова: в самую безгрешную, «оттепельную» пору он работал главным редактором Госкино, при нем вышли «Застава Ильича», «Летят журавли» и «Баллада о солдате». Но «оттепель» закончилась. Да и в лучшие советские времена, посмотрим правде в глаза, никто бы не выпустил на экраны картину про евреев. Аскольдову даже предлагали поменять евреев на татар. Но он только усугубил еврейский акцент.

— Вот вы мне скажите, товарищ комиссар, — говорит герой Быкова, тщедушный человек с беззащитными глазами, обожающий свою жену, — почему так происходит? Помните, как все возмущались, когда англичане напали на буров? Как все печалились, когда турки вырезали армян? Но кто что скажет, если завтра не станет Ефима Магазаника?

Отвлекая детей от звуков стрельбы, Ефим напевает песенку, и в ней скорее угадывается, чем узнается еврейская мелодия: Шнитке, тогда еще никому не известный автор музыки к «Комиссару», ввел в музыкальный контекст еврейскую интонацию, подобно тому как Шостакович вводил еврейские темы, которые у него всегда были воплощением трагедии. Эта мелодия, переходящая в реквием, — больше чем еврейская тема. И фильм — больше, чем про евреев. Он о любви — к женщине, детям, ближнему, стране... Камера отъезжает, и мы видим людей с шестиконечными звездами — «Проход обреченных», как называет эту сцену режиссер, напоминая, что случится с героями в начале 1940-х. Намекая на то страшное, что никто не захотел предотвратить.

Автор посвятил эти кадры людям, которые ребенком его спасли. Родившийся в 1932-м, Саша Аскольдов был совсем маленьким, когда арестовали отца и следом забрали мать. Фраза энкавэдэшника, проводившего обыск, что за сыном надо бы вернуться, заставила его впервые в жизни самостоятельно завязать шнурки и открыть английский замок. Он шел по Крещатику к друзьям родителей — в многодетную еврейскую семью. Его пригрели и отправили к бабушке в Москву. Став взрослым, Аскольдов поехал в Киев искать своих спасителей. Их расстреляли в Бабьем Яре, так что «Комиссар» — реквием и по ним. И одновременно попытка навести мосты, напоминание о том, что в Гражданской войне нет победителей. Сегодня это назвали бы толерантностью, но в 1967-м она была не в ходу.

— Мы приехали в украинский городок Каменец-Подольский, — вспоминает Александр Яковлевич, — и узнали, что местная еврейская община очень обижена, так как хулиганы сожгли синагогу. Ни один еврей не захотел принять участия в нашей съемке — никто не верил, что такой фильм можно снять в нашей стране. Что делать? Я посылаю телеграмму секретарю ЦК Украины. Сверху распорядились организовать массовку: «Выделить для съемок “Комиссара” по два еврея с фабрики, завода, кожкомбината». Но собранные люди не хотели ничего делать. И перед ними выступила Нонна Викторовна Мордюкова: «Товарищи евреи! Как вам не стыдно? Мы снимем очень хорошую картину, и она обязательно выйдет!» Вроде бы Мордюкова добавила еще пару крепких слов, от себя. И люди за ней пошли. В отличие от коллег, которые не смогли простить режиссеру его смелости и презрения допустимых свобод. Единственный показ фильма на студии Горького вылился в провал: как вспоминает режиссер, «такого публичного провала не было со времен, извините за сравнение, “Эрнани” Гюго и чеховской “Чайки”... Для меня загадка, почему люди из моего профессионального цеха, пришедшие на просмотр, например Элем Климов, Андрей Смирнов и прочие, или промолчали, или двадцать лет обгаживали картину».

Сегодня многие сетуют, как трудно им было при советской власти. И кстати помянутый Андрей Смирнов любит вспоминать, как называли антисоветским его «Белорусский вокзал». О таких стенаниях Александр Аскольдов как-то сказал крылатую фразу, которую с готовностью растиражировал Ролан Быков: «Люди сегодня расчесывают комариные укусы и выдают их за фронтовые раны».

Не кидая камня в нежно любимый мною «Белорусский вокзал», я, тем не менее, восстановлю справедливость в отношении «Комиссара». Представляя на Берлинале 1988 года Советский Союз, Андрей Смирнов от имени родного Союза кинематографистов попросил «Комиссару» наград не давать. Его не послушались, и фильм получил аж четыре приза, в том числе «Серебряного медведя». Но в Берлин картину никто бы не отправил, не случись годом раньше Международный кинофестиваль в Москве. На нем присутствовали Роберт Де Ниро и известная правдолюбивца Ванесса Редгрейв. Элем Климов, державший речь

перед приезжими, заявил, что «на полке» у нас фильмов больше не лежит. Аскольдов посмел ему возразить, Редгрейв прислушалась — и фильм наконец-то увидел свет.

Новый Свет, Старый Свет... В Штатах картина, снятая двадцать лет назад, собрала почти 400 тысяч долларов. В Токио Рансу Недашковскую, замечательную киевскую актрису, которая сыграла Марию Магазаник, узнавали по афишам, расклеенным в метро.

Не было полномасштабного признания только в России. И до сих пор нет, что печалит режиссера, живущего и преподающего в Германии: он снимал кино для нас.

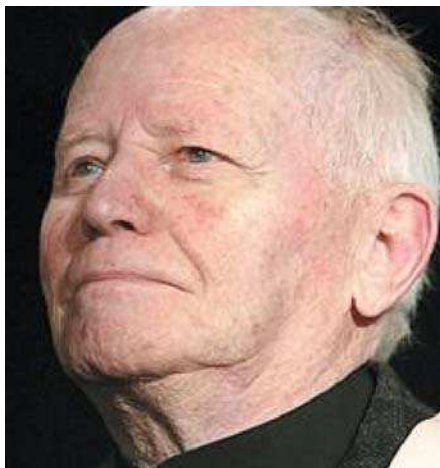
26 мая

ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2011 СИВАН 5771 – 6(230)

ЯКОВ КОСТЮКОВСКИЙ:

ЧЕЛОВЕК НЕЭКЗОТИЧЕСКИЙ

11 апреля в столичной Боткинской больнице в возрасте 89 лет скончался от инфаркта драматург Яков Костюковский.

«Нет сценариев» — распространенная в кинобизнесе жалоба. Так говорят всегда и везде. В Париже, в Голливуде и в Москве. Продюсер Сельянов на встрече кинематографистов с Путиным так Владимиру Владимировичу и сказал: «Нет в России сценариев, нет сценаристов». Мотив Сельянова понятен. Скоро ему отчитываться за потраченные деньги, вот он и разводит заранее руками: а с кем работать-то?.. В стремлении выглядеть жалко (чтобы не били) он заходит еще дальше. Оказывается, и никакой сценарной школы в России не было. Ни-ког-да! На сайтах драматургов волнения, гвалт и слезы. Среди прочего доносится: «А Костюковский? Костюковского тоже не было? И “Бриллиантовой руки” не было? И Шурика?»

Фильмы про «Шурика» и «Рука» объявлены золотым запасом нации и образцовыми советскими фильмами относительно недавно. В начале 1990-х. Когда выяснилось, что рейтинг этих трех фильмов «в телевизоре» неизменно высок. В жизни Якова Ароновича наступил одновременно радостный и горький период. Радостный — оттого что вся страна вдруг признала, что сделал он в своей жизни что-то настоящему хорошему. Настолько хорошее, что даже кардинальная смена эпох это не в состоянии убить. Костюковский счастливо избежал участи многих своих сверстников, от которых страна вдруг отвернулась, разлюбив их в одночасье. В последние двадцать лет у Якова Ароновича стали брать интервью. Вот только повод для них был горький. В жанре «я знал покойного». Вдруг выяснился любопытный факт. Что все участники теперь «культовых» — а на момент выхода «грубых», «обывательских» — комедий были уникальными и тонкими людьми. Каждый по-своему — «фигурой»: Гайдай, Демьяненко, Слободской, Миронов, Вицин. Вдруг публике про всех про них стало интересно. Так получилось, что Костюковский всех их пережил. Это очень печально — всех пережить. Мир человека состоит из конкретных людей. С каждой новой смертью твой мир сужается, скукоживается.

Яков Аронович родился в 1921 году в непатриархальной еврейской семье в маленьком украинском городке Золотоноша. Его окружение было нерелигиозным. Тем не менее он в своем интервью «Лехаиму» утверждал, что от своих родителей — Арона Яковлевича и Сони Гиллевы — получил еврейское воспитание и еврейское отношение к жизни.

Он производил впечатление человека не экзотического, а самого обыкновенного, простого. Как и его герои, заметьте. Но «простой» не значит «простоватый». «Простой» — другими словами — «соль земли». Надежный, без интеллектуальных понтов, носитель человеческой теплоты и здравого смысла. И говорил он «просто». Но не банально. Слова подбирались у него очень верные. (Читатель «Лехаима» наверняка вспомнит персональную рубрику Костюковского «Хохмадром», в задачи которой входило «приводить читателя в чувство» после публицистических штудий «Перекрестка».) Он любил точность.

Постоянно уточнял. «Вот эту шутку Гайдай приписал нам со Слободским, но на самом деле эта шутка его». «А вот эту — Визин». «А эта уже была в сценарии». И т. д.

Когда он говорил, немного выпячивал челюсть. Не агрессивно, а как-то... иронически?.. юмористически?.. По-доброму. Точное слово. А теперь вот его нет. Он умер. Точная информация. Но крики со сценарных сайтов — полемические. Костюковский есть. Раз есть его фильмы. Чтобы там ни говорил господин Сельянов.

P deé Ntérãã

МАЙЯ КАГАНСКАЯ: СМЕРТЬ В ВЕЛИКУЮ СУББОТУ

НЕКРОЛОГ

16 אִיְדָאָהּ, אֲלֵהֶֽעֱבֹר מִמָּוֶתָהּ אֲבֻדְמִתְּעִי נִלְתֵּה אִתְּעִי עֹבָא «וְאֵלֵהֶֽעֱבֹר» נִלְתֵּי אֵלֵהֶֽעֱבֹר לְאֵיךְ עָבַרְתְּ. לִי אֵי אֲדָבָא וְנִתְּבָא וְעֹבָדִי לֵה אִתְּעִי, לֵא אִתְּעִי אִי 75 עָבֹד.

Вместе с нею для нас, ее друзей, ушел под землю целый пласт нашей общей культурной истории. Я говорю о репатриации 1970-х, к которой принадлежали и она, и профессор Серман, и Генделев, умерший за два года до Майи, причем в том же месяце нисане.

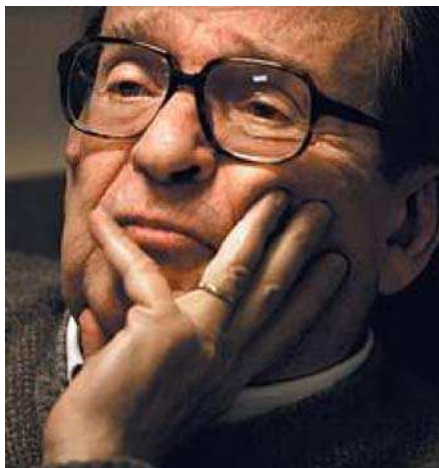
Очень рано, где-то в конце 1950-х, она перебралась в Москву. Вошла там в окружение Надежды Мандельштам, в компанию Бахтина, сдружилась с Турбиным. Успела застать в живых Юрия Олешу.

Мысль об избыточном еврейском участии в российских исторических судьбах заставила ее со временем стать убежденной сионисткой и репатрироваться в Израиль. Только в Израиле она по-настоящему развернулась как блестящий критик и эссеист. Вначале много писала о Мандельштаме, в частности о его еврейской подоплеке, — тема, которая теперь у всех на слуху, а тогда была новостью. Но Майя отнюдь не ограничивала себя еврейской проблематикой. Одним из наиболее привлекательных ее достоинств была изумительная широта культурного кругозора. Ее часто и охотно переводили на иврит, печатали в самых престижных изданиях, осыпали помпезными комплиментами. Израильтянам она открывала совсем иную русскую литературу, чем та, к которой они привыкли. Некоторые люди из израильской культурной элиты ей радушно помогали — но большинство, восхищаясь ею, шарахалось в почтительном недоумении. Ибо еще одной, пожалуй, главной стороной Майиной личности была весьма отчетливая политическая позиция, которую она, впрочем, всегда соединяла с культурологией, — и тут ее взгляды шокирующе расходились со всеми ритуальными ценностями и приоритетами левой касты. Майя никогда не была спонтанной в своих высказываниях. Ее эмоции управлялись интеллектом и всегда находились с ним в идеальном взаимодействии. Если угодно, она излучала сильное и холодное люминесцентное сияние, которое было таким же ее сущностным свойством, как замечательная красота, остроумие и чувство неколебимого самоуважения. Входя, она торжественно несла перед собой собственное изваяние, а образ, облюбованный ею в последние полтора десятилетия, был образом израильской Кассандры, предрекающей нам стагнацию и гибель. Симптомы ее она находила повсюду, даже в собственной участи. Болезнь стала для нее апокалипсисом, вошедшим в тело. В «Хадассе», за неделю с небольшим до смерти, она, уже почти агонизируя, прошептала мне с горьким сарказмом: «Вы видите, я умираю в арабской больнице!» (Был канун субботы, и дежурство вела группа арабских медиков.) Уже очень давно она объявила жизни политическое недоверие — и, кажется, хотела скоординировать свою гибель с мировой эсхатологией. Здесь возникает, естественно, вопрос о том, верила ли она в Б-га. Майя была убежденной атеисткой (вовсе не материалисткой, конечно), настолько агрессивной, что я часто дразнил ее, уличая в фанатичной религиозности: атеизм у евреев — типичное проявление истовой веры, хоть и

СИДНИ ЛЮМЕТ: КОГДА ГНЕВАЕТСЯ РЕЖИССЕР

НЕКРОЛОГ

*9 ai daey Ia no ael dae enada Neaie Epi aca Ii oi ad a nani ari a Ia I ai ay o aia a I up-
Ei dea aia i dae e i i : de a p ae q u a a d i a a e i o i d i e n o i t a i e a i m e i a e*

Сидни Люмет снимал кино о том, что волнует всех. О социальных проблемах, о пороках общества, о несправедливых судах — так, что от этих кадров нельзя было глаз оторвать. Каждое лицо в этих фильмах кажется главным, каждая реплика — не просто так, будь то «Вердикт» с Полом Ньюменом, «Собачий полдень» с юным Аль Пачино или «Телесеть», где в главном герое — сотруднике вымышленной телекомпании, которого играет Питер Финч, режиссер вывел самого себя. Пожалуй, только «Телесеть» повторила успех главного люметовского шедевра — «12 разгневанных мужчин».

Покончив за несколько лет проб режиссерского пера с сериалами, которых Люмет к 33 годам успел наснимать больше десятка, в 1957 году он сделал свой первый метр — и обеспечил свое имя бессмертием. Хотя задача была нереальна: снять полуторачасовую историю, построенную только на разговорах, которые ведет дюжина благополучных американцев, так, чтобы ее можно было смотреть. Причем идея была не режиссера — не страдая амбициями драматурга, Люмет часто брал известные пьесы и готовые сценарии. Но лишь те, которые гарантированно стоили его таланта и сил. А телефильму Реджинальда Роуза выбрал даже не режиссер, а актер Генри Фонда, который выступил здесь в качестве продюсера. Он и пригласил Люмета поставить с собой в главной роли кино.

В отличие от жалкого ремейка, снятого нашим соотечественником полвека спустя, «12 разгневанных мужчин» — великий фильм. А ведь, по сути, это экранизация классической пьесы: единство времени, места и действия — всё здесь есть. Впоследствии Сидни Люмет брался и за экранизацию настоящей классики — его «Чайка», снятая в 1968-м с Джеймсом Мейсоном в роли Тригорина и юной Ванессой Редгрейв, считается одной из самых адекватных мировых экранизаций Чехова. Театр был важен для Сидни Люмета. С театра у него все началось.

Театру принадлежали его родители — танцовщица Евгения Вермус Люмет и актер Барух Люмет, евреи, перебравшиеся после революции из Варшавы в Филадельфию. Оба играли в еврейском театре, на идише. Их сын, родившийся в 1924 году, и вышел на сцену родительского театра в пять лет.

Еврейское лобби всегда было сильно в американском кинематографе, где подавляющую часть профессионалов представляли евреи и итальянцы. И сегодня это во многом так, но в 1950-х среда была куда более однородной. Это видно и по «12 разгневанным мужчинам», где в роли одного из присяжных занят

старый приятель Люмета по Филадельфии Джек Клюгман, а снимал фильм блестящий оператор Борис Кауфман, брат Дзиги Вертова, сохранивший в Америке без последствий для карьеры настоящее имя.

Барух Люмет вполне плодотворно дожил до 92 лет. Его прославленный сын — до 86. Почти полвека карьеры, и как результат — 70 с лишним фильмов. Из них почти четыре десятка — полнометражные ленты: Люмет снимал, в среднем, по одной в год. Последнюю 83-летний режиссер красноречиво назвал «Прежде чем дьявол узнает, что вы мертвы».

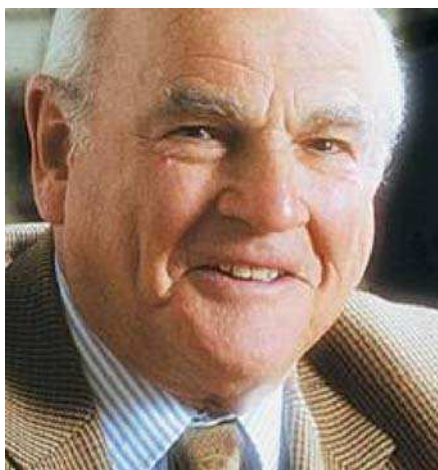
У него было мало наград. Десятки номинаций на главные кинопремии почти не принесли улова: «Золотой глобус» за «12 разгневанных мужчин» и приз ФИПРЕССИ на Берлинале за «Ростовщика» — вот все, что он получил. Своего первого и последнего «Оскара» Люмет обрел в 2005-м, по совокупности заслуг. Которые и сегодня невозможно переоценить.

Èdèr à Ì àé

БАРУХ БЛУМБЕРГ:

БИТВА СО ЗЛОМ В ПРОБИРКЕ

7 ai daey ai adai y i dani eif adai oee a o oaa ead oeda NASA a Eae e o i dree i o i adaa i fa i de no oia ce i ae i y Aadoo Aeo i adaa i da ce a i o Ai ad e ai ne i a o ee i m o ne i a i au a no aa i m i ao ae u E i p o e o o a a p o d i a e i e i a e i de NASA. O de a o a o u i y o u e a o i a c a a Aadoo Aeo i adaa ai e a i n o i a i I i a e a a e i e i dai ee i i i a e o e i a c a e m e a i a i e y a i a o e o a A.

Барух Самуэль Блумберг родился в Нью-Йорке в семье юриста Мейера Блумберга и Иды Блумберг (Симонофф). В семье было трое детей, Барух был вторым ребенком. Он учился в ешиве во Флэтбуше и на всю жизнь, по его собственному признанию, сохранил уважение к Торе.

В 1943 году Блумберг окончил среднюю школу в Бруклине и после демобилизации из Военно-морских сил США поступил в аспирантуру по математике Колумбийского университета. В 1947 году по совету отца перешел в Колледж врачей и хирургов Колумбийского университета для изучения медицины. В 1951 году Барух Блумберг получил медицинский диплом и в течение двух лет работал в отделении артритов Колумбийского пресвитерианского медицинского центра, где изучал химические свойства гиалуроновой кислоты — важнейшего компонента соединительной ткани.

После получения в Оксфорде докторской степени Блумберг вернулся в Соединенные Штаты и поступил в Национальный институт здравоохранения в Бетесде, штат Мэриленд. Здесь в качестве руководителя отдела географической медицины и генетики он исследовал полиморфизм белков у обитателей разных регионов планеты. В своих работах Блумберг использовал кровь людей, болевших гемофилией, анемией или лейкозом. В 1963 году его группа сделала неожиданное открытие. Они выделили из крови больного гемофилией нью-йоркца антитела, взаимодействовавшие только с одной сывороткой, полученной от австралийского аборигена. Блумберга и его коллег удивил тот факт, что у больного гемофилией из Нью-Йорка встретился так называемый австралийский антиген, который, как считалось, имеется только у аборигенов. После того как этот антиген появился у одного из обследуемых после перенесенного заболевания печени, Блумберг сделал вывод о связи антигена с определенным заболеванием. К 1967 году Блумберг и его сотрудники уже были твердо убеждены в том, что австралийский антиген связан с вирусом гепатита В, что позволило им разработать эффективную вакцину против этого заболевания.

Кроме изучения вируса гепатита, Блумберг также получил данные о том, что заражение вирусом гепатита В может приводить к раку печени.

В 1976 году Блумбергу совместно с Карлтоном Гайдузекком была присуждена Нобелевская премия по физиологии и медицине «за открытия, касающиеся новых механизмов происхождения и распространения инфекционных заболеваний».

Иосиф Бродский в своем эссе «Cats' Meow» выразил уверенность, что «мессия, <...> вероятно, будет знать несколько больше о ядерной физике или микробиологии — и особенно о вирусологии, — чем мы сегодня». Эта мысль подтверждает соображение, что порой и в науке метафизики может оказаться не меньше, чем в религии. Мне еще кажется чрезвычайно важным понимать, что наука, технологические достижения цивилизации призваны не только изменять условия существования человека, но и бросать ему, человеку, вызов, требование приложить как можно больше усилий к осознанию своего нового места в ускоренно меняющейся технологической среде.

Àéàèñàí äð Èëè-ááñèé

АВТОРЫ НОМЕРА

АЙЗЕК АЗИМОВ (ИСААК ЮДОВИЧ ОЗИМОВ) (р. 1920)

американский писатель-фантаст, популяризатор науки. Автор около 500 книг, в основном художественных. Многократный лауреат премий Хьюго и Небьюла.

БОРИС АКУНИН (ГРИГОРИЙ ШАЛВОВИЧ ЧХАРТИШВИЛИ) (р. 1956)

писатель, литературовед, переводчик, японист. Кавалер ордена Восходящего солнца четвертой степени. Лауреат премии Японского фонда. Помимо принесших ему известность романов и повестей, создатель ряда литературных проектов.

ОКСАНА АЛЕКСЕЕВА

журналист. Лауреат премии ФЕОР «Человек года — 2002».

МИХАИЛ ВАЙСКОПФ (р. 1948)

филолог, литературовед, профессор Еврейского университета в Иерусалиме. Автор книг «Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст» (1993, 2002), «Писатель Сталин» (2001, 2002), «Покрывало Моисея. Еврейская тема в эпоху романтизма» (2007).

МАТВЕЙ ГАНАПОЛЬСКИЙ (р. 1953)

журналист, теле- и радиоведущий. Лауреат многочисленных журналистских премий: финалист «ТЭФИ», премии Международной конфедерации журналистских союзов, премии кинофестиваля «Золотой овен», премии «Телегранд», премии ФЕОР «Человек года — 2009».

МИХАИЛ ГОРЕЛИК (р. 1946)

эссеист, публицист, литературный критик. Автор книги «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем» (2003).

ВАЛЕРИЙ ДЫМШИЦ (р. 1959)

антрополог, этнограф (фольклор и культурная антропология евреев Восточной Европы), литературовед, переводчик с идиша, английского, немецкого («Тяжба с ветром» [Антология еврейской литературной сказки]; Ицик Мангер, «Книга рая»), директор центра «Петербургская иудаика». Член редколлегии журнала «Народ Книги в мире книг», творческого союза «Мастера литературного перевода».

НЕКОД ЗИНГЕР (р. 1960)

художник, писатель, переводчик, литературный критик, редактор двуязычного литературного журнала «Двоеточие». Автор романа-мемуара «Билеты в кассе».

АЛЕКСАНДР ИЛИЧЕВСКИЙ (р. 1970)

прозаик, поэт; лауреат премий им. Ю. Казакова (2006), «Русский Букер» (2007), «Большая книга» (2010).

АННА ИСАКОВА

журналист, прозаик (роман «Ах, эта черная луна!» [2004]). Литературный обозреватель газеты «А-Арец».

ЕЛЕНА КАЛАШНИКОВА

журналист, филолог, автор книги «По-русски с любовью. Беседы с переводчиками».

ЛЕОНИД КАЦИС (р. 1958)

филолог («Владимир Маяковский: поэт в интеллектуальном контексте эпохи»; «Осип Мандельштам: мускус иудейства»). Профессор Учебно-научного центра библеистики и иудаики РГГУ.

ЗОЯ КОПЕЛЬМАН

филолог, переводчик с иврита (Ш.-Й. Агнон, И. Амихай, Й.-Х. Бреннер) и английского, доктор философии. Автор работ по ивритской литературе, преподаватель русскоязычного проекта Открытого университета Израиля.

ИРИНА МАК

журналист, обозреватель газеты «Известия».

АФНАСИЙ МАМЕДОВ (р. 1960)

писатель, журналист. Лауреат премий им. Ю. Казакова (2007), И. П. Белкина (2010).

АЛЕКСЕЙ МОКРОУСОВ (р. 1965)

литературный и художественный критик, сотрудничает с журналами «Синий диван», «Теория моды», газетой «Ведомости».

ГРЕЙС ПЕЙЛИ (1922–2007)

американская писательница, поэт, общественный деятель. Автор сборников рассказов, стихотворений, бесед.

НЕЛЛИ ПОРТНОВА

историк, литературовед, доктор философии. Автор-составитель хрестоматии «Быть евреем в России».

ВИКТОР РАДУЦКИЙ (р. 1937)

переводчик с иврита на русский и украинский языки, доктор философии Еврейского университета в Иерусалиме. Преподает в колледже «Мидрешет Иерушалаим».

СИНТИЯ ОЗИК

американская писательница, автор романов, сборников рассказов и эссе. Награждена множеством премий, в том числе премией Бернарда Маламуда, премией О. Генри.

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ (р. 1959)

президент Института Ближнего Востока, экс-президент Российского еврейского конгресса.

ЮРИЙ СОЛОДОВ (р. 1963)

сценарист, режиссер, прозаик. Сотрудничает с изданиями «Литературная газета», «Огонек», «Искусство кино».

ИЦХАК СТРЕШИНСКИЙ (р. 1980)

библейст, переводчик, автор статей по еврейской истории.

МИХАИЛ ЭДЕЛЬШТЕЙН (р. 1972)

филолог, литературный критик, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели». Сотрудничает с «Русским журналом», «Новым миром», «Знаменем», «НЛО», газетами «Русская мысль», «Ведомости» и др.

